

СО РАН
Институт филологии

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Лаборатория вербальных культур Сибири и Дальнего Востока
ФГБУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ
В ВЕРБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ
НАРОДОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Тезисы Всероссийской научной конференции
Новосибирск, 14-17 октября 2020 года

Новосибирск 2020

УДК 811.512: 81'34+81'36

ББК III 105.21

Сборник издается при финансовой поддержке проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии верbalных традиций народов Сибири и Дальнего Востока:

фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России: Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов: Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России» (г. Новосибирск, 14-17 октября 2020 года). Новосибирск: Академиздат, 2020. – 134 с.

В сборнике публикуются тезисы докладов, представленных на Всероссийской научной конференции с международным участием «Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России». Рассматриваются актуальные вопросы изучения культурных универсалий в лексике, фонетике, грамматике, предлагаются методологические решения исследования языковой личности в межкультурном пространстве.

Издание адресовано лингвистам, а также учителям, преподавателям, аспирантам и всем интересующимся теоретическими проблемами языкоznания.

The proceedings contain abstracts of reports presented at the all-Russian scientific conference with international participation «Universal and Specific in the Verbal Traditions of the Peoples of Modern Russia». The abstracts address topical issues of studying cultural universals in vocabulary, phonetics, and grammar, and offer methodological solutions to the study of linguistic personality in the cross-cultural space.

The collection is addressed to linguists, as well as teachers, postgraduates and anyone interested in the theoretical problems of linguistics.

Ответственный редактор:

Тюнтешева Е. В.

Редакционная коллегия:

Селютина И. Я., Широбокова Н. Н., Озонова А. А., Добринина А. А.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКОВ МИРА.....	7
<i>Широбокова Н. Н.</i> Универсалия в лингвистике и культурные универсалии (в работах А. Вежбицкой).....	7
<i>Шенцова И. В.</i> Термины «лексема-универсалия» и «лексема-фrekвенталия» в ареальной лингвистике.....	9
<i>Дырхеева Г. А.</i> Пространство и время в языковом сознании бурят-билингвов.....	11
<i>Чертыкова М. Д.</i> Образ человека труда в хакасских паремиях.....	14
<i>Ойноткинова Н. Р.</i> Символика цветообозначений в мифопоэтической картине мира алтайцев: универсальное и специфичное.....	16
<i>Шагдурова О. Ю., Тюртешева Е.В., Озонова А. А.</i> Лексемы, репрезентирующие понятие «душа» в переводной христианской литературе на тюркских языках Южной Сибири.....	19
<i>Тюртешева Е. В., Озонова А. А.</i> Центры внутренней жизни человека, близкие русскому понятию <i>душа</i> , в алтайском и хакасском языках.....	22
<i>Газранова А. Р.</i> Христианская лексика в языке теленгитов.....	25
<i>Байыр-оол А. В.</i> Лексика, репрезентирующая понятие «душа», в тувинском языке.....	27
<i>Абдина Р. П.</i> Лексические аспекты концепта «еда» в хакасском языке.....	30
<i>Прокопьева П.Е.</i> Культ солнца у лесных юкагиров (по фольклорным и языковым данным).....	32
<i>Кузьмина Р. П.</i> Образ паука в зооморфном коде культуры эвенов.....	36
<i>Калинин С. С.</i> Модели номинации солнца и луны в языках американской зоны тихоокеанского пояса:	

	предварительные результаты.....	39
<i>Шаммаева Н. Ш.</i>	Гендерные особенности наречения детей у туркменов.....	42
<i>Ишкильдина Л. К.</i>	Наименования лиц мужского и женского пола по профессии в башкирском языке....	44
<i>Иванов В. А.</i>	Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в сказочном репертуаре российских финно-угров.....	46
<i>Бардаханова З. Д.</i>	Личное имя Вашир ~ Очир в историческом именнике хори-бурят.....	48
<i>Жамсаранова Р. Г.</i>	Субстратные антропонимы в историческом именнике хори-бурят.....	50
<i>Дыжстова Е. Ч.</i>	Тибетские личные имена хори-бурят Цаганского рода.....	53
<i>Горбунова В. А.</i>	Состав религиозной лексики ульчского языка	56
<i>Кадырова Н. О., Абдуллаев С. Н.</i>	Фразеологизированные модели простых предложений в тюркских языках.....	58
<i>Кулемшов В. С.</i>	Два тюркских заимствования в нивхском языке и их культурно-исторические импликации.....	60
<i>Николаев Е. Р.</i>	<i>Хамнатар</i> ‘кумысная мутовка’ как код культуры якутов.....	63
<i>Стручков К. Н.</i>	О книжной культуре эвенков.....	65
<i>Чебочакова И. М.</i>	Терминологическая комиссия при МОН РХ: аспекты работы.....	67
	 УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ....	 69
<i>Селютина И. Я.</i>	Артикуляционно-акустическая база: универсальное в специфичном.....	69
<i>Уртегешев Н. С.</i>	Прерывистые гласные в языках коренных народов Сибири.....	71
<i>Андреева Т. Е.</i>	Характерные особенности говоров эвенкийского языка.....	73

<i>Алмадакова Н. Д.</i>	Долгий гласный <i>үү</i> в говорах улаганского диалекта теленгитского языка.....	75
<i>Трофимова С. М.</i>	Ойратский консонантизм: увулярные согласные калмыцкого языка и языка оиратов Монголии.....	77
<i>Беседина Е. И.</i>	Звукосимволизм эвенкийских обозначений округлого.....	80
<i>Абдуллаев С. Н., Эркебуланова Н.Ш.</i>	Надфразовый и полипредикативный уровень выражения ментальных единиц.....	82
<i>Филистович Т. П.</i>	Конъюнктив как средство выражения модальности (на материале произведений российских немецких авторов Южной Сибири и Казахстана).....	84
<i>Онина С. В.</i>	Залоговость в формировании прохбитива в хантыйском языке.....	87
<i>Кашкин Е. В.</i>	Грамматикализация глагола <i>näläš</i> 'брать' в горномарийском языке.....	89
<i>Таганова М. А.</i>	Выражение отличия в туркменском языке.....	92
<i>Нурыева О. А.</i>	Семантика формы настояще-будущего времени на -(a)r в поэме «Кутадгу билиг» Юсуба Баласагунского.....	94
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....		96
<i>Шапошникова И. В.</i>	Универсалы в лингвистической типологии и психолингвистике.....	96
<i>Уфимцева Н. В.</i>	Устойчивость/изменчивость ассоциативного поля носителя русского языка /культуры.....	98
<i>Дмитрюк Н. В.</i>	Русская языковая личность в Казахстане...	100
<i>Шапошникова И. В.</i>	Русская языковая личность в междисциплинарном измерении: экспериментальные исследования на модели ассоциативно-вербальной сети...	103

<i>Дмитрюк Н. В.</i>	Русская языковая личность в иноязычном окружении: адаптивные процессы в русском языке и культуре казахстанцев.....	105
<i>Теркулов В. И.</i>	Языковая личность дончанина.....	108
<i>Кузьмина М. А.</i>	Ассоциативные доминанты и учение А. А. Ухтомского.....	110
<i>Гуц Е. Н.</i>	Динамика вербально-семантического компонента языковой личности городского подростка.....	113
<i>Бутакова Л. О.</i>	Возрастная специфика русской языковой личности: региональный аспект.....	115
<i>Юзефович Н. Г.</i>	Субстрат русской лингвокультуры в англоязычном мире.....	117
<i>Балясникова О. В.</i>	Пейоративность в ассоциативных презентациях (на примере лексемы «выборы»).....	119
<i>Кафтанов Р. А.</i>	Специфика вербальных ассоциаций со словом СИБИРЬ у военных и гражданских носителей русского языка.....	121
<i>Бентя Е. В.</i>	Сравнительно-сопоставительный анализ ассоциативного поля ЖИЗНЬ у испытуемых в России и Казахстане.....	123
<i>Евдокимова С. В.</i>	Синонимы лексемы друг, актуальные для студентов Сибири и Дальнего Востока.....	126
<i>Савицкая С. В.</i>	Психически актуальное значение слова (на примере якутской лексемы киhi).	128
<i>Игнатович Т. Ю., Нестерова Е. В.</i>	Языковые средства объективации регионального пространства образа-концепта ЗАБАЙКАЛЬЕ....	131

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКОВ МИРА

УДК 811.512.1'37

Н. Н. Широбокова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
Shirobokova_nn@mail.ru*

Универсалия в лингвистике и культурные универсалии (в работах А. Вежбицкой)¹

Рассматривается точка зрения А. Вежбицкой на значение лексической семантики в изучении лингвистических и культурологических универсалий, согласно которой во всех языках значительная часть универсальных понятий воплощена в словах. Универсальные понятия обеспечивают основу для непредвзятого изучения культур. Лексическая семантика может быть базой для решения проблемы лингвистических и культурологических универсалий.

Ключевые слова: семантические универсалии, семантические примитивы, лексическая семантика.

В теории, лежащей в основе работы А. Вежбицкой «Семантические универсалии и базисные концепты», выдвинута гипотеза о том, что элементарные концепты могут быть выявлены при помощи глубокого анализа в любом естественном языке, что идентифицированные таким образом наборы элементов будут «соответствовать» (*«match»*) друг другу, и каждый из таких наборов – это просто одна из лингвоспецифичных манифестаций универсального набора фундаментальных человеческих концептов [Вежбицкая 2011].

Эта гипотеза основывается на предположении, что фундаментальные человеческие концепты являются врожденными, и если они врожденные, естественно ожидать, что в разных человеческих коллективах они будут общими. Гипотеза проверена на большом количестве языков и оказалась верной.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, языки» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Возможность успешной коммуникации между различными культурами напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создавать практически бесконечное число более или менее «идеосинкретичных» (специфичных для данной культуры) понятий (комбинируя примитивы в различных конфигурациях). Существование такого общего множества примитивов могло бы объяснить «психическую общность человечества», а гипотеза о том, что лексикон разных языков воплощает различные конфигурации этого (общего) набора, отвечала бы за специфичные для каждой культуры аспекты языка и мышления [Вежбицкая 2011].

Универсальные понятия обеспечивают основу для непредвзятого изучения культур. Универсальными понятиями А. Вежбицкая считает те, которые во всех языках воплощены в словах. Лексика – очень информативный показатель культуры народа. Лексическая семантика может быть базой для решения проблемы лингвистических и культурологических универсалий. Она обладает таким преимуществом, как отработанность аппарата исследования, наличие списка универсальных понятий, представленных словами.

Существует связь между жизнью общества и лексикой языка. Это в равной мере относится к материальной и духовной культуре.

Литература

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.

N. N. Shirobokova

The Universal in Linguistics and Cultural Universals (in the Works of A. Vezhbitskaya)²

The paper observes A. Vezhbitskaya's ideas in the sphere of lexical semantics and cultural universals. The main statement of A. Vezhbitskaya's theory is the embodiment of universal concepts in the lexical meaning of words. The author of this paper shows that in case of

² The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

realization notions with the help of other notions, the later ones should notify a direct lexical meaning. These can constitute universal notions. The investigation of lexical semantics plays the key part in solution the problem of linguistic and cultural universals.

Keywords: semantic universals, semantic primitives, lexical semantics.

УДК: 811.512.1

И. В. Шенцова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
ivshen@yandex.ru*

**Термины «лексема-универсалия» и «лексема-фреквенталия»³
в ареальной лингвистике³**

Представлены результаты исследования дистрибуции терминов – названий музыкальных инструментов в тюркских языках. В составе анализируемой лексики выявлены лексемы-универсалии, маркирующие тюркские ареалы, и лексемы-фреквенталии, характеризующие этнокультурные зоны.

Ключевые слова: тюркские языки, ареальная лингвистика, лексемы-универсалии, лексемы-фреквенталии.

При исследованиях в области ареальной лингвистики прием использования «диахронических универсалий» способствует проведению исторических реконструкций, что позволяет определять характер языковых общностей, а именно: их типологическое или генетическое родство [Николаева 1990: 536].

В процессе сравнительно-исторических изысканий в области тюркских языков возникает необходимость отождествления «родственных» единиц. Критериями идентификации лексемы являются: 1) в плане выражения – учет закономерных фонетических чередований; 2) в плане содержания – отнесенность к однотипному денотату.

Изучая культурное взаимодействие тюркских народов на материале их лексики, мы обнаруживаем единицы, обладающие разной степенью распространения. Для обозначения «частотности»

³ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, языки» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

лексем в данной работе используются термины «лексема-универсалия» и «лексема-фrekвенталия».

Лексема-универсалия обозначает лексическую единицу, представленную во всех языках определенной территории. Так, в названиях музыкальных инструментов тюркских языков Юго-Западного, Южного, Западного и Юго-Восточного ареалов (территория Малой Азии, Кавказа, Поволжья, Предуралья, Средней и Центральной Азии) имеется много лексем арабо-персидского происхождения. Общими терминами – названиями музыкальных инструментов на указанной территории являются три единицы: *гопуз ~ кобуз* ‘струнный щипковый инструмент’ (устар.), *деф ~ даф* ‘ударный инструмент’, *бубен*, *ней ~ най* ‘духовой инструмент’ (*ней ~ най* используется в качестве отдельной лексемы, а также как часть составного наименования: *корней*).

В составе названий музыкальных инструментов тюркских языков Сибири используются две лексемы-универсалии: *қомус ~ қомыс ~ қобыс* ‘струнный музыкальный инструмент в виде лютни или цитры’ (а также ‘варган’) и *түнүр ~ түңүр ~ дунгур ~ дунтур ~ түүр* ‘бубен шамана’.

Общетюркской, интегрирующей, единицей является лексема *гопуз ~ қомус ~ қомыс ~ қобыс*. Лексемы *деф ~ даф* и *ней ~ най* являются маркерами зоны арабо-персидского влияния, лексемы *түнүр ~ дунгур ~ түүр* отмечают зону сохранения реликтовых форм верований тюрков.

Лексемы-фrekвенталии, с одной стороны, показывают разделение языков ареала на группы, а с другой – связи между разными ареалами.

Так, лексема *чадыған ~ чатхан ~ жадаган ~ жетиген* ‘многострунный инструмент типа цитры’ используется в тюркских языках Сибири, а также в казахском, киргизском и башкирском языках. У тюрков, возможно, заимствована монгольская лексема *jataq*.

Лексема *шоор ~ чоор* ‘труба’, ‘свирель’, используемая в алтайском, тувинском, киргизском и казахском языках, фонетически и семантически близкая монгольским единицам, очевидно, является заимствованием из монгольских языков.

Таким образом, лексемы-фrekвенталии показывают направление этногенетических процессов народов – носителей языков данной семьи, в то время как лексемы-универсалии свидетельствуют о единстве языковой семьи.

Литература

Николаева Т. М. Универсалии // Лингвистический энциклопедический словарь. М: Советская энциклопедия, 1990. С. 535–536.

I. V. Shentsova

Universal Lexeme and Frequentative Lexeme as Areal Linguistics Terms⁴

The paper presents the results of a study on distribution of musical instruments names in the Turkic languages. Turkic areas are characterized by 'universal lexemes'. Turkic ethnic cultural zones can be singled out by 'frequentative lexemes'.

Keywords: Turkic languages, areal linguistics, universal lexeme, frequentative lexeme.

УДК 81'37=512.31

Г. А. Дырхеева

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, an5dag1@mail.ru*

Пространство и время в языковом сознании бурят-билингвов

Представлены результаты ассоциативного анализа пространственного и временного представления в языковом сознании бурят-билингвов на родном и русском языках. Привлечение данных двух языков позволяет выявить не только универсальное и специфическое в презентации образов пространства и времени в современной бурятской культуре, но и особенности влияния русского языка на бурятское языковое сознание.

Ключевые слова: пространство, время, ассоциативный эксперимент, буряты-билингвы.

Любой человек не представляет себя вне пространства и времени. Пространство и время являются онтологическими категориями, которые подробно и в разных аспектах рассматриваются как специалистами разных отраслей наук, так и для разных языков и культур. Для кочевых народов пространство имеет фундаментальное значение или, как пишет Л. Г. Скородумова, это «доминанта пространства в мировосприятии

⁴ The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

монголов, константа, данная свыше...» [2004: 5]. В бурятоведении наиболее подробный лингвокультурологический анализ этой доминанты представлен в монографии Е. А. Бардамовой «Пространство в языковой картине мира бурят» [2011].

Очевидно, что в основе пространственного представления у бурят, как и у многих народов, лежат взаимозаменяемые, часто дополняющие друг друга локативы *газар* ‘земля, место’, *дайда* ‘земля; бескрайний’, *дэлхэй* ‘мир, земля’. То есть ПРОСТРАНСТВО *зай* (*сүлөө газар*) понимается более линейно, физически локализованно. Как показал наш анализ, спецификой бурятского видения пространства является вхождение в ассоциативное поле пространства достаточно распространенной реакции *тала* ‘степь’ (частота 5). Причем можно предположить, что качественные характеристики, даны именно к нему: *ехэ* ‘большой’, *зайтай* ‘обширный’, *сэбэр* ‘чистый’, *тала дайда* ‘бескрайняя степь’, *ута* ‘длинный’, *хоохон* ‘пустой’, *хужар* ‘солончак’, *эзэгүй* ‘необитаемый’, *зуналан* ‘летнее стойбище’, *простор*. Именно ее, *степь*, нужно эзэлхэ ‘захватывать, владеть, хранить’ и здесь нужно *тубхинхэ* ‘оседать, водворяться, устраиваться на жилье’. Интересно также то, что свободное пространство *забнаар* ‘промежуток, пустое пространство’ ассоциируется с *талмай* ‘площадью, пространством’ (7), и с отдыхом: *амаралта* ‘отдых’, *амарха* ‘отдыхать’, *наадам* ‘монгольский летний праздник Наадам’, *наадан* ‘игра’, *ушиаха* ‘читать’, *забда* ‘досуг’, эдеэн ‘еда, пища’, *театр*, *музей*.

Русскоязычное представление бурят о пространстве практически полностью совпадает с представлениями русских. В первую очередь оно ассоциируется с воздухом (10), с бинарной оппозицией *время* и со *свободой* (6). Имеется множество реакций космического характера: *вселенная*, *космос*, *атмосфера*, *Галактика*, *сфера*. Пространство: *необъятное*, *трехмерное*, *большое*, *замкнутое*, *открытое*, это *вакуум*, *бесконечность*, *вечность*, *мир, небо, нирвана, океан, поле, степь, тэнгэри* ‘небо’.

Проблема категории ВРЕМЯ в монголистике подвергалась анализу в основном как грамматическая категория глагола. В мифологическом аспекте понятие времени исследовалось в трудах Н. Л. Жуковской [1985] и Л. Г. Скородумовой [2004]. В последние годы растет интерес к выявлению места и роли временных идей в формировании национальных лингвокультур [Туяа 2004, Бардамова 2011].

Как известно, доминантной единицей времени в бурятском языке является слово *sag*.

Основное отличие ассоциативного поля *sag* ‘время, период’, во-первых, в его многозначности, во-вторых, в наличии парного и также многозначного слова *ye* ‘состав, слой, поколение, период’, что, очевидно, определило существенную разницу в наполнении ассоциативного поля (АП) на русском и бурятском языках. Как и во многих других бурятоязычных случаях, самой частотной является реакция – парное слово с компонентом *ye* (частота 10). Соответственно второму значению ‘период’ в данное АП вошли годовые сезоны: *убэл* ‘зима’ (8), *хабар* ‘весна’, *зун* ‘лето’. Как и в русском языке, в russkoyazychnom варианте ответов респондентов ведущими являются заимствованное *часы* (6), а также представления об измерении времени: *жэл* ‘год’, *удэр* ‘день’, *зүн* *жэл* ‘век, столетие’, *эрьеcэ* ‘оборот’ и др. Сходной с русским языком является также идея движения, быстротечности времени: *тургэн* ‘быстрый, скорый’ (5), *гүйдэл* ‘бег’, *яраха* ‘спешить’ и др.

Однако, в отличие от реакций на русском языке, время на бурятском не ассоциируется с водой, с течением реки, с песком [Дмитрюк 1998, Незговорова]. Отсутствуют также такие измерения времени, как секунда, минута, эпоха, понятие календарь, заимствованные из русского языка. Самым же главным отличием является ценностная ассоциация *деньги* (7), которая отсутствует у респондентов при ответах на бурятском языке, но является высокочастотной во всех ассоциативных словарях русского языка, а также в russkoyazychnoy части нашего словаря.

В результате проведенного эксперимента установлено, что пока сила влияния национального языкового кода достаточно высокая, соответственно, поддерживается национально-культурное своеобразие бурятского языкового сознания. Однако эксперимент также показал особенности изменения системности образа мира современных бурят, его культуры, показал существенные различия в знаниях, которые стоят за псевдоэквивалентными словами.

Литература

Бардамова Е. А. Время в языковой картине мира бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. 198 с.

Бардамова Е. А. Пространство в языковой картине мира бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. 200 с.

Дмитрюк С. В. Образ времени в сознании носителей русской и английской культур // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. М., 1998. С. 210–211.

Жуковская Н. Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культуры, обряды народов зарубежной Азии. М.: 1985. С. 118–135.

Незговорова С. Г. Представление о времени в ядре русского языкового сознания // vuzlit.ru/8673641/predstavlenie_o

Скородумова Л. Г. Монгольский мир: образы мира. Улан-Батор, 2004. 328 с.

Туяа Г. Семантическое выражение времени как национально-культурный компонент в монгольском языке (на материале художественных произведений). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004. 30 с.

G. A. Dyrkheeva

Space and Time in Language Consciousness of Buryat Bilinguals

In article the results of the associative analysis of spatial and temporary representation in language consciousness of the Buryat bilinguals in native and Russian languages are presented. Usage of these two languages allows us to reveal not only the universal and specific aspects in representation of images of space and time in modern Buryat culture, but also the influence of the Russian language on the Buryat language consciousness.

Keywords: space, time, associative experiment, Buryat bilinguals.

УДК 811.511.22

М. Д. Чертыкова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова,
г. Абакан; chertikova@yandex.ru

Образ человека труда в хакасских паремиях⁵

Работа посвящена описанию хакасских паремических единиц, отражающих образ человека труда, с лингвокультурологической точки зрения. Выявлено, что трудолюбивый человек в хакасском языковом сознании – это надёжный, добросовестный, усердный, основательный работник. Благодаря своему трудолюбию он обеспечивает питанием себя и свою семью.

Ключевые слова: паремическая картина мира, человек, труд, образ.

⁵ Исследование проведено в рамках гранта РФФИ №19-012-00080. Тема «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)».

В последние десятилетия всё больше внимания уделяется лингвокультурологическому описанию объектов фольклорного наследия, в том числе памятников паремического творчества в разноструктурных языках. Созидательная деятельность человека, к которой относится и труд, исходящая из его внутреннего потенциала, во все времена считалась благом, что зафиксировано в паремической картине мира любого этноса. Исследование образа трудолюбивого человека в хакасских паремиях позволило нам прийти к следующим выводам:

- 1) в хакасском паремическом фонде часто встречаются русско-хакасские эквиваленты, построенные путём их калькирования, например: *Харах хорыхса даа, хол итчең* (Хс, 2014: 31) ‘Глаза боятся, руки делают’. Данному процессу способствует тесное языковое взаимодействие между этими народами;
- 2) в словесном портретировании человека, любящего и способного трудиться, часто участвуют соматизмы, *хол* ‘рука; руки’ (*Харахтар кörче, хол итче* (Хс, 2014: 31) ‘Глаза смотрят, руки делают’); *харын* ‘живот, нутро’ (*Сымдахтың харны тох* ‘Трудолюбивый бывает сыт’; букв. у трудолюбивого желудок сыт); *азах* ‘нога; ноги’ (*Сымдах азах тох поладыр* ‘Если ноги много ходят, будешь сыт’; букв. трудолюбивые ноги бывают сыты) и т.д.;
- 3) значимым репрезентантом и символом материального достатка как результата трудолюбия, является лексема *чаң* ‘сало’ (и производное от неё прилагательное *чаңлыг* ‘жирный; с салом’). Примеры: *Сосханың чаа кólбеде* ‘Сало свиньи в корыте (т.е. будешь хорошо кормить свинью, будет и сало)’; *Ибектің ирні* *чаңлыг*, *эрінчектің пазы хаеданныг* (Хс, 2014: 31) ‘Лоснятся салом губы у радивого, покрыла перхоть голову ленивого’;
- 4) для созидательного труда недостаточно использование рук, здесь значимы сообразительность, смекалка и сноровка: *Сибер холга син кирек чох, мииліг пасха кöрерге кирек чох* (Хс, 2014: 24) ‘Руке искусной и мерка не нужна, умному и смотреть ни к чему’;
- 5) в концептуальное пространство труда включается и такое проявление тяжёлого физического труда, как пот, который пропитывает на лбу (хамах «лоб»): *Хамаң тирлезе, харның тох полар, холың хыймыраза, кибиң пүдін полар* (Хс, 2014: 29) ‘Пот на лбу солон, да живот полон, руки не спят, да штаны без заплат’. Здесь отмечается связь тяжёлого физического труда и полного желудка: *Тирлеңче тоғынмазаң, тосяханча азыранмассың* (Хс, 2014: 30) ‘Тех, кто работает до пота, накормит досыта работа’;

6) отмеченные признаки вербализации образа трудолюбивого человека присутствуют и в паремиях других народов, что свидетельствует об универсальности культурных установок в отношении к труду. Однако, следует отметить, что в хакасском паремическом фонде нами не обнаружены паремии, где символом пропитания выступает *халас* ‘хлеб’, как, например, в русском языке: *Упорно трудиться – будет хлеб в закромах водиться*.

Источники

Хс – Хыйға сөс. Сөспектер. Сиспектер паза таптырғастар. Мудрое слово. Хакасские пословицы, поговорки и загадки / Составители и редакторы У. Н. Кирбижекова, Н. С. Чистобаева, Ю. И. Чаптыкова. Абакан. 2014. 83 с.

M. D. Chertykova

The Image of Man of Labor in Khakas Paremias

The article is devoted to the description of Khakas paremic units reflecting the image of a person of labor from a linguistic and cultural point of view. We show that a hardworking person in the Khakas language consciousness is a reliable, conscientious, diligent, thorough worker. Thanks to their hard work, they provide food for themselves and their family.

Keywords: paremic image of the world, man, work, image.

УДК 398:811.512.151'37

Н. Р. Ойноткинова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
sibfolklore@mail.ru*

**Символика цветообозначений в мифопоэтической картине
мира алтайцев: универсальное и специфичное⁶**

Рассматриваются символические значения цветообозначений в мифологических текстах алтайцев. Имена цвета в мифах актуализируют свои архетипические признаки и участвуют в концептуализации мифонимов.

⁶ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Ключевые слова: этнолингвистика, алтайский язык, цветообозначение, мифологическая картина мира, концептуализация, концепт, признак.

Вопрос об универсальном восприятии цвета в цветовой картине мира в лингвистике обсуждается давно. А. Вежбицкая на основе концептуального анализа цвето- и светообозначений в языках разных систем пришла к выводу, что имена цвета не универсальны, есть лишь общие «универсалии зрительного восприятия». В разных языках воплощены различные цветовые и световые концепты, а фундаментальные концептуальные модели, основанные на общечеловеческом опыте, одинаковы [Вежбицкая 1996: 232; 284]. Соглашаясь с данным утверждением, отметим, что в культуре очень важно описание того, каким человек видит окружающий мир. Цветовые языковые картины мира, входящие в концептуальные картины мира, у разных этносов различаются. Однаковые (условно) цвета в различных культурах могут обозначать несовпадающие явления, соответственно, невозможно свести воедино исторически сложившиеся национальные системы цветовой символики. Цель данной статьи – охарактеризовать основные символические значения цветообозначений, участвующих в концептуализации мифологической картины мира алтайцев. Материалом исследования послужили разножанровые фольклорные тексты: мифы, легенды и шаманские мистерии.

Выявленные в мифологической картине мире алтайцев базовые цвета – *ак* ‘белый’, *кара* ‘чёрный’, *кызыл* ‘красный’, *сары* ‘жёлтый’, *күрөң* ‘коричневый’, *кök* ‘синий’ и *јажыыл* ‘зелёный’, универсальные для всех языков, – участвуют в концептуализации мифонимов, характерных лишь для алтайской лингвокультуры.

С понятиями, имеющими отношение к Верхнему миру, белый передает образные признаки «чистый», «святой», синий – «ясный» (о небе), зелёный – «светлый», красный и жёлтый – «горячий», светлый (о сияющем солнце). В сочетаниях с мифологическими образами Нижнего мира чёрный цвет как антипод белого обозначает «темный», «злой», «вредоносный», красный – «кровавый», «горячий», жёлтый – «увядающий», «болезненный», «нечистый», синий – «холодный, ледяной» (о воде), зелёный – «тусклый». Выделенные признаки универсальны, поскольку ассоциируются со своими архетипами-образами, которые чаще всего возникают у носителей культуры при восприятии цвета. Специфика у этих цветообозначений возникает тогда, когда они

участвуют в концептуализации понятий, характерных для конкретной культуры.

Белый цвет участвует в концептуализации религиозных понятий алтайцев. Так, в шаманской мифологии алтайцев духа-хозяина Алтая называют *Ак Обöгён* ‘Белый Старец’, он изображается в белых одеждах, ездищим на белом коне. Белый цвет присутствует в составе концепта *Ак Жайык* (букв.: Белый (Священный) Дъайык) – высокочтимого женского небесного духа, «воплотившегося в шкуре зайца» и выступающего посредником между Ульгенем или Курбустаном – божествами Верхнего мира – и людьми. Данный цветовой признак связан еще и с тем, что *ак жайык* изготавливают из белой ткани, благословляют и вывешивают в передней части юрты. Некоторые виды *жайык’а* изготавливают из материи других цветов: жёлтого, синего, зелёного. Существуют и другие концепты, маркированные образным признаком *ак* ‘белый’. Например, шаманский бубен, символизирующий ездовое животное шамана, образно называли *Лети ёркёштү ак адан* ‘Семигорбый священный (букв.: белый) верблюд’. Домашний скот метафорически называют *ак быйан* ‘белая благодать’, а жертвенную голову барана – *ак барылга* ‘белая жертва’. По представлениям охотников, если на охоте встретить животного с белой шкурой – *ак ан*, например, белого лося или белку, то будет удача. Шкуру белой белки как амулет хранили, считая, что добыча зверя-альбиноса предвещает счастье и богатство, защищает от злых духов. То есть белый означает «приносящий счастье, удачу».

Символика синего цвета в мифологической картине мира связана с архетипами, с одной стороны, с воздухом, с обожествленным синим небом, а с другой – с водой, с персонифицированными образами духов стихий. Имя обожествлённого неба, божества – *Кök möнкү* (букв.: Синяя Вечность). Цветовой признак *кök* ‘синий’, ассоциирующийся с холодом, льдом, стихией воды, характерен и для мифонима *теке* ‘козёл’. Учаяв приближение потопа, синий козёл с железными рогами бегал вокруг земли семь раз. Синий бык – *кök* бука – относится к категории злых духов, является предвестником несчастья, войны или смерти. Синий цвет противопоставляется красному по признаку «холодный – горячий». Метафорический образ красного быка – солнца возник на основе ассоциативной связи перемещения божества (его сознания, духа) на красных лучах солнца.

Литература

Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 231–291.

N. R. Oinotkinova

Symbolism of Color Terms in the Altai Mythological-Poetic World Image: the Universal and the Unique⁷

The article deals with the symbolic meanings of color terms in the mythological texts of the Altaians. Color names in myths actualize their archetypal traits and participate in the conceptualization of mythonyms.
Keywords: ethnolinguistics, Altai language, color terms, mythological image of the world, conceptualization, concept, sign.

УДК 398.4:821.512.151 + 821.512.153

Шагдуррова О.Ю.¹, Тунтешева Е.В.², Озонова А.А.³

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
kokoshnikova@mail.ru¹, tynteshevae@mail.ru², ajanao@mail.ru³*

Лексемы,reprезентирующие понятие «душа» в переводной христианской литературе на тюркских языках Южной Сибири⁸

Анализируются особенности перевода понятия душа в христианской литературе в языках Южной Сибири: алтайском, хакасском и тувинском. Русское понятие «душа» переводится в них несколькими лексемами, взятыми из традиционных названий душ. В переводных текстах на исследуемых языках отразилось изначальное в мировоззрении этих народов деление душ на прижизненные и посмертные, но в контексте новой религии они приобрели другие свойства.

⁷ The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

⁸ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, языко» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Ключевые слова: тюркские языки Южной Сибири, переводная христианская литература, названия души.

Представление о душе как о бессмертной нематериальной части человека в противовес конечному грешному телу характерно для христианской религии. В христианстве понятие душа является одним из главных. Применительно к традиционному мировоззрению коренных народов Сибири, как отмечают этнографы, термин «душа» условен. В картине мира этих народов у человека существует множество субстанций, каждая из которых обладает некоторыми свойствами и выполняет определенные функции. Несмотря на отсутствие единого понятия души в традиционном мировоззрении южносибирских тюрок и на непохожесть их на представление о душе в христианстве, при переводе религиозных текстов миссионеры используют традиционные названия «душ». В переводной христианской литературе⁹ русское понятие «душа» переводится несколькими лексемами.

Все три языка сближаются по употреблению лексемы со значением ‘жизнь’: алт. *jürüm*, тув. *амыдырал*, хак. *чуртас*, а также одного из традиционных названий: алт., хак. *тын*, тув. *амы-тын*. Различаются использованием алт. *jula*, хак. *хут* и тув. *сеткил*. Кроме того, употреблением этих наименований различаются разновременные переводы.

Н. О. Тадышева в результате анализа ранних миссионерских и современных переводов религиозных текстов на алтайский язык приходит к выводу, что в текстах XIX в. при переводе понятия «душа» использовались широко распространенные среди алтайцев термины *тын* «как о состоянии души живого человека» и *сүне* «как о посмертном ее состоянии». В современных текстах для обозначения души живого человека также употреблено слово *тын*, а души умершего человека – неоднозначное, реже встречающееся слово *jula* [Тадышева 2010: 89]. *Jula* в алтайском языке имеет значение метаморфозы *кут*, которая является нематериальной,

⁹ Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие отъ Матвея (на алтайском языке). Томскъ, 1878.

Ланы Керес. Новый Завет. М.: Институт перевода Библии, 2017.

Наа Молчаг хакас тилбестегнэң орыс Синод тилбесте. Новый Завет на хакасском языке с параллельным русским Синодальным переводом. М.: Институт перевода Библии, 2011.

Білдіктүг Библия. М.: Институт перевода Библии, 2011.

невидимой субстанцией души, временно покинувшей человека [Баскаков, Яимова 1993: 11].

Использование разных наименований для прижизненного и посмертного состояния души в христианской литературе является характерной особенностью для всех трех рассматриваемых языков, что отмечалось исследователями [Тадышева 2010; Гусейнова 2019]. В хакасских переводных текстах обозначение этих двух состояний распределяется между терминами *тын* и *хут*, в тувинском – *амытын* (*амы* ‘жизнь’ + *тын* ‘жизнь; душа’) и *хей-сунезин* (*хей* ‘газ, воздух’ + *сунезин* ‘душа’). Последнее является, видимо, новообразованием. Если для христианского учения принципиально важными являются такие свойства души, как целостность и вечность, в переводных текстах на исследуемых языках отразилось традиционное деление душ на прижизненные и посмертные. Но при этом в контексте новой религии они приобретают другие свойства. Это характерно для терминов, обозначающих посмертное состояние души. Так, в традиционном мировоззрении хакасов *хут* считается принадлежностью живого человека, в то время как в христианских текстах этот термин выступает в качестве души умершего, полностью меняя свое значение на противоположное. В классификации названий душ у алтайцев, представленной Н. А. Баскаковым, *յула* обозначает прижизненную отторгаемую душу, а *сүне* «в одинаковой степени применимо к душе и живого и умершего человека» [Баскаков, Яимова 1993: 9]. В тувинском языке было образовано новое слово, чтобы избежать коннотации *сунезин* как души, связанной с традиционными представлениями.

Кроме того, в переводах русское слово *душа* в ситуации живого человека заменяется лексемами алт. *јүрүм*, тув. *амыдырал*, хак. *чуртас* ‘жизнь’ и хак. *көңи* ‘настроение, желание’ для выражения средоточия чувств и бытия человека [Гусейнова 2019: 57–58].

Литература

Баскаков Н. А., Яимова Н. А. Шаманские мистерии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. 123 с.

Гусейнова А. В. Отражение традиционного представления хакасов о душе в тексте нового завета на хакасском языке // Казанская наука. № 8. 2019. С. 56–58.

Тадышева Н. О. Особенности перевода православных текстов на алтайский язык // Вестник Томского государственного университета. № 333. 2010. С. 87–90.

O. Ju. Shagdurova, E. V. Tyntesheva, A. A. Ozonova

**Lexemes Representing the Concept of Soul in Christian Literature
Translated into Southern Siberian Turkic Languages¹⁰**

In the following article, we analyze the nuances of translation of the concept of 'soul' in Christian literature translated into Southern Siberian Turkic languages (Altai, Khakas, and Tuvan). The Russian word *душа* 'soul' is translated by the means of several lexemes used as traditional terms for souls. These translations reflect the original ideas of souls existing before or after death, but in a new religious context, their traits change.

Keywords: Southern Siberian Turkic languages, translated Christian literature, terms for souls.

УДК 398:811.512.151 + 811.512.153

Е. В. Тюнтешева¹, А. А. Озонова²

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
tynteshevae@mail.ru¹, ajanao@mail.ru²*

**Центры внутренней жизни человека, близкие русскому
понятию *души*, в алтайском и хакасском языках¹¹**

Рассматриваются лексемы алтайского и хакасского языков, близкие по употреблению русскому понятию «душа как средоточие внутренней, эмоциональной жизни человека». В отличие от русского языка, в алтайском и хакасском традиционные названия «душ» в силу своей специфики не используются при описании эмоциональной жизни человека, его внутреннего мира. В рассматриваемых языках с ней соотнесены другие названия «душ», связанные с мыслительной деятельностью человека, его настроением и желанием.

¹⁰ The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

¹¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Ключевые слова: тюркские языки Сибири, понятие «душа», лексика, языковая картина мира.

В русской картине мира душа связывает человека с высшим духовным началом и противопоставляется грешному телу. В то же время «*душа* в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и “заведующий” внутренней жизнью человека» [Шмелев 2005: 137].

В тюркских языках Сибири имеется несколько названий «*душ*», связанных с традиционными религиозными представлениями. Они встречаются в основном в обрядовых и фольклорных текстах, в переводной христианской литературе на алтайском и хакасском языках (*тын, күт* ~ *хут, јула, сүне*), а некоторые вошли в состав фразеологизмов (*тын, күт* ~ *хут*). Традиционные названия душ в силу своей специфики не используются для описания внутреннего, духовного мира человека, его *душевного склада*. Единственным отступлением от этого является лексема *кут*, входящая в состав фразеологизмов со значением ‘сильно испугаться’ [Тюнтешева 2006: 61]. В остальном с эмоциональной сферой связаны иные элементы «наивной анатомии» человека. При этом презентирующие их лексемы в качестве основного имеют, как правило, другое значение, относящееся к интеллекту, желаниям и физиологии человека, в отличие от русского языка, где *душа* не связана «непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта» [Урысон 2003: 22]. Исключение составляет иранское заимствование в хакасском языке *чан*, для которого значение ‘душа’ является основным. Его употребление в этом отношении близко к аналогичному заимствованию в несибирских тюркских языках, где оно получило широкое распространение. Для этого слова характерно также использование в функции обращения, в которой не встречается ни одна из рассматриваемых нами лексем.

Остальные наименования в алтайском и хакасском языках, которые соотносятся с русским понятием *души* как «средоточие внутреннего мира человека», условно можно разделить на три группы:

1) общетюркская лексема с основным значением ‘желание’, ‘настроение’: алт. *күүн* ~ хак. *кёңні*, зафиксированная в древнетюркских памятниках как *köñül* в значениях 1) сердце; 2) желание; 3) чувство; 3) мысль. В этих значениях оно сохранилось в современных тюркских языках. Примеры показывают достаточно широкую сочетаемость данного слова в значении ‘душа’ в алтайском и хакасском языках;

2) общетюркские лексемы, общее значение которых можно обозначить как ‘нутро’ – ‘нутро, внутренность’, ‘живот’, ‘желудок’; они имеют также значение ‘средоточие внутренней жизни человека’ и по употреблению частично совпадают со словом *душа* в русском языке: общетюркские алт. *ич* ~ хак. *ic̥ti*; алт. *özök*, ср. древнетюрк. *özek* ~ *özök* и однокоренное слово *öz* ‘сердцевина, нутро’ [ДТС: 395];

3) лексемы тюркского происхождения с основным значением ‘ум’, ‘мысль’, в некоторых случаях близкие по употреблению к русскому *души* в рассматриваемом значении в основном в составе фразеологических единиц, характеризующих человека и его эмоциональное состояние: алт. *сагыш* ~ хак. *сагыс*.

Важными центрами эмоциональной жизни человека в языковой картине мира тюркских народов Сибири являются также *буур* ~ *паар* ‘печень’ и *jürék* ~ *çürék* ‘сердце’. Печень чаще всего выступает как средоточие добрых чувств; в представлениях данных языковых коллективов она связывается также с родством, детьми. На русский язык это слово в некоторых контекстах можно перевести как ‘душа’.

Таким образом, в отличие от русского понятия «душа», совмещающего в себе обширный спектр смыслов, в картине мира сибирских тюрков существует множество субстанций, имеющих свои характеристики и выполняющих определенные функции. В картине мира тюркских этносов Сибири выявляются центры внутренней жизни человека, интеллектуальной, эмоциональной, которые в некотором отношении можно соотнести с русским понятием *души*.

Литература

ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Тюнтишева Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск, 2006. 225 с.

Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003. 217 с.

Шмелев А. Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 133–152.

E. V. Tyuntesheva, A. A. Ozonova

**Centers of a Person's Inner Life Similar to the Russian Concept
of Soul in Altai and Khakas¹²**

We analyze the Altai and Khakas lexemes similar to the Russian concept of 'soul' as the center of a person's inner emotional life'. Unlike the Russian language, in Altai and Khakas, the traditional terms for 'soul' are not used to describe one's emotional life and inner world. In these languages, other terms for 'souls' related to one's mental activity, mood, and desires are used.

Keywords: Siberian Turkic languages, the concept of 'soul', lexis, language world image.

УДК 811.512.1'37

A. P. Тазранова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
atazaranova@mail.ru*

Христианская лексика в языке теленгитов¹³

Рассматривается христианская лексика языка теленгитов и особенности ее языкового освоения. В частности анализируются названия христианских праздников, как заимствования, так и собственные их наименования.

Ключевые слова: язык теленгитов, алтайский язык, христианская лексика.

В тюркологии первыми упоминаниями о религиозной лексике являются сведения, относящиеся к исламу. Они содержатся в знаменитом трехтомном труде Махмуда Кашгари «Дивани лугат-ат-турк». Из современных тюркских языков религиозная (а именно исламская) лексика исследована достаточно серьёзно и всесторонне в татарском, узбекском, кумыкском, башкирском языках.

Лексика, отражающая традиционные религиозные представления тюркских народов Сибири, в частности алтайцев, с

¹² The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

¹³ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, языко» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

лингвистической точки зрения остается малоисследованной областью. Проблемам изучения религиозных воззрений алтайского народа посвящено достаточно много трудов специалистов разных направлений: этнографов, историков, культурологов, литературоведов и т.д. Но не существует специальных лингвистических исследований, целенаправленно анализирующих лексемы с религиозной семантикой в этих языках.

Как известно, любые явления и изменения в жизни человечества в первую очередь находят отражение в лексике. Все изменения оказывают влияние на словарный состав, в том числе и на религиозный пласт лексики.

Большую роль в приобщении к христианству алтайцев, в частности телеутов и теленгитов, сыграла Алтайская духовная миссия. В конце XVIII – начале XIX вв. многие телеуты были крещены. Первый алтайский писатель М. Чевалков был из числа крещенных образованных телеутов. В этот период христианская лексика активно проникает в словарный фонд алтайского языка. Хотя у теленгитов в основе религиозной жизни лежит, в первую очередь, почитание родной земли, своего Алтая, но и православное христианство играет немаловажную роль. В Улаганском и Кош-Агачском районах, где проживают теленгиты, имеются православные церкви.

Лексемы, свойственные христианской конфессии, в алтайском языке, в частности в теленгитском, практически не изучены. Лексика христианства, вошедшая в лексический фонд теленгитского, в основном усваивается языком без изменения: монастырь, Пасха, храм, часовня; некоторые слова претерпевают фонетические изменения: *серикле* / *серкпе*, / ‘церковь’; *кирест* ‘крест’: *Ол түжсында Улаган јеринде бир монастырь ла онног ажыра серкпе-часовиялар болгон.* (УУС, 2010, 43) ‘В то время в Улагане был один монастырь и было больше десяти церквей-часовней.’

Гертонимы, названия религиозных праздников, также функционируют в христианской лексике теленгитского, т.к. теленгиты Улаганского района отмечают почти все христианские праздники. Самые популярные праздники, которым теленгиты придают большое значение, – это Пасха, Крещение, Родительский день, Рождество.

Название Пасхи употребляется без каких-либо изменений как *Пасха*, второе название описательное, используется изафетная конструкция *јымыртқадын байрамы* (букв.: праздник яйца).

Лексема *Крещение* употребляется в настоящее время без изменения, но люди пожилого возраста используют адаптированные к теленгитскому языку варианты: *хрешениа* /

крещения. В Крещение теленгиты посещают церковь, набирают из проруби воду, приносят освященную воду домой, поют в церковном хоре. Крещенскую воду теленгиты называют *агару суу* ‘священная вода’, он *тогыстынг суузы* ‘вода девятнадцатого числа’. *Рождество* и *Троица* функционируют без изменения, но также встречается название Рождества среди некрещенных теленгитов *орус улустынг jaан байрамы* (букв.: Большой праздник русского народа). Рождество для теленгитов – один из самых важных праздников, наряду с Пасхой.

Таким образом, христианская лексика широко функционирует в языке теленгитов. Некоторые лексемы адаптированы в теленгитский язык, т.е. претерпели фонетические изменения. Многие религиозные лексемы, пришедшие из русского языка, сохранили правописание и произношение. Единственная лексема, которая имеет алтайский аналог, *абыс* ‘поп’.

A. R. Tazranova

Christian Vocabulary in the Telengit Language¹⁴

In this article, we analyze the Christian terms in Telengit language and the ways of their adaptation. In particular, we analyze the names of Christian holidays (loanwords and native Telengit terms alike).

Keywords: Telengit language, Altai language, Christian terms.

УДК: 398.4:811.512.156+811.512.3

A. B. Байыр-оол

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, azikoa@mail.ru
Лексика,reprезентирующая понятие «душа», в тувинском языке¹⁵

В картине мира тувинцев для обозначения понятия «душа» существует множество субстанций, связанных с различными проявлениями человеческой природы. К физической сфере

¹⁴ The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

¹⁵ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, языко» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

относятся лексемы *кут*, *тын* и *сүнезин*, которые являются традиционными названиями душ, встречаются они в основном в фольклоре и религиозных представлениях и верованиях. Для обозначения души, связанной с ментальной и психической деятельностью человека, употребляются лексемы *сагыш*, *сеткил* и *хөөн*, основное значение которых ‘ум’, ‘мысль’, ‘желание’, ‘настроение’. В качестве центрального понятия ‘душа’, обозначающего психическую деятельность человека, используется монгольское заимствование *сеткил*. В понятиях *сеткил* и *сагыш* отчетливо прослеживается связь душевного состояния с ментальной сферой; неразрывное единство психической деятельности человека с интеллектуальной сферой также является характерной особенностью монгольской языковой картины мира.

Ключевые слова: тувинский язык, тюркские языки Сибири, языковая картина мира, понятие «душа», монгольский язык.

Работа посвящена исследованию понятия «душа» в тувинском языке с точки зрения особенностей его употребления в фольклорных произведениях, переводных христианских и современных художественных текстах. Для картины мира тувинцев, как и для других сибирских тюрок, характерно наличие множества субстанций, связанных с различными проявлениями человеческой природы. Часть из них связана с физической сферой (отражением ее являются названия «душ», относящиеся к традиционным верованиям), а часть – с ментальной и психической деятельностью человека.

К традиционным названиям душ относятся лексемы *кут*, *тын* и *сүнезин*, встречаются они в основном в фольклоре и в определенном контексте, связанном с традиционными верованиями. *Кут* – душа, животворная сила, нематериальное бессмертное начало человека [Монгуш 2011: 241]. *Тын* – душа человека и животного, проявляющаяся в их способности дышать. Эта лексема употребляется в значениях ‘дыхание’, ‘душа’, ‘жизнь’. Наименования *кут* и *тын* наиболее часто встречаются в составе устойчивых сочетаний, фразеологизмов. *Сүнезин* в представлениях тувинцев – бессмертное начало живого существа, его душа, которая остается и после смерти [Монгуш 2011: 764].

В тувинском языке для понятия душа как «средоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, всего жизненно важного для данной личности» [Урысон 2003: 22] используются лексемы *сагыш*, *сеткил* и *хөөн*, основное значение которых ‘ум’, ‘мысль’, ‘желание’, ‘настроение’; имеется также парное слово *сагыш-сеткил*, употребляющийся в значении ‘душа, внутренний мир’. У

данных лексем даже в значении ‘душа’ сохраняется связь с интеллектуальной деятельностью человека. Место расположения *сагыши-сеткил*, по-видимому, грудная клетка, которая также является местом хранения мыслей в представлениях тувинцев.

Лексема *иши* ‘нутро’ (область, которая находится внутри) в тувинском языке *иши* в большинстве случаев понимается как некое потаенное, сокровенное внутреннее ментальное и эмоциональное пространство человека (на русский язык можно перевести как *про себя* или *в душе*).

Центральное место как обозначение понятия ‘душа’ при описании психической деятельности человека и в христианских переводных текстах в современном тувинском языке заняло монгольское заимствование *сеткил*. У лексем *сагыши* и *сеткил* особенно отчетливо прослеживается связь душевного состояния с ментальной сферой. Хотя *сагыши* является тюркским словом, оно, как и *сеткил*, предстает как центр неразрывного единства комплекса «когнитивных способностей человека, охватывая такие виды его деятельности, как интеллектуальный, психический, включая свойство его нервной системы – память» [Бадмаева 217: 83], что также является характерной особенностью монгольской языковой картины мира.

Литература

Монгуш Д. А. (ред). Толковый словарь тувинского языка. Том II. К–С. Новосибирск: Наука, 2011. 789 с.

Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003. 217 с.

Бадмаева Л. Д. Элементы категоризации интеллектуальной сферы в бурятском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (67). Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2017. С. 79–83.

A. V. Bayyr-ool

Words representing the concept of ‘soul’ in Tuvan language

In the Tuvan world image, many different substances related to various manifestations of human nature are used to denote the concept of ‘soul’. In the physical sphere, lexemes *qut*, *tin* and *sünezin* are used, which are traditional nominations of souls; they are primarily found in folklore and religious beliefs. To denote the mental and psychological aspects of ‘soul’, lexemes *sagış*, *setkil* and *xöön* are used, which primarily mean ‘intelligence’, ‘thought’, ‘wish’, ‘mood’. In Tuvan, a Mongolian loanword *setkil* is used as the central nomination of ‘soul’ (as

in ‘a person’s psychological activity’). In *setkil* and *sagış*, there is a clear connection between the state of one’s soul and one’s mental state; this kind of strong connection between psychological activity and intellect is also a typical trait of Mongolian world image.

Keywords: Tuvan language, Turkic languages of Siberia, language world view, the concept of ‘soul’, Mongolian language.

УДК 811.512.153

Р. П. Абдина

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории, г. Абакан, rabdina@mail.ru*

Лексические аспекты концепта «еда» в хакасском языке

Предлагается обзор некоторых лексических аспектов концепта «еда» в хакасском языке. Данное исследование необходимо для глубокого понимания, дальнейшего анализа и выявления концептуальных составляющих лексемы «еда» в лингвокультуре хакасов.

Ключевые слова: хакасский язык, концепт, еда, культура.

Пища является одним из важных и необходимых экологических факторов, обуславливающих жизнедеятельность и развитие человечества. Процесс принятия пищи — это не только жизненная необходимость, но и бытовая культура, определяющая взаимоотношения людей в обществе, это нормы и правила поведения, принятые в этом обществе [Арутюнов 2001: 10–17]. В связи с этим можно утверждать, что концептуальная сфера «еда» является богатым источником определения различных сфер национального менталитета и мировосприятия, системы социокультурных отношений, традиций, обычаяев и верований, характерных для традиционной культуры.

Социокультурная ценность пищи для хакасского народа подчёркивается в таких идиомах, как *астың пазына сых полбас* (посл.) ‘нет ничего выше (дороже) пищи (хлеба)’; *астаан кізее алтын кирек чох* (погов.) ‘голодному и золото не на пользу’.

В устном народном творчестве хакасов в особую категорию можно выделить *алгыс* – благопожелание, которое представляет собой небольшую по объему речевую формулу, используемую в качестве пожелания благополучия кому-либо. Алгысы как сакральные тексты являлись обязательными элементами и в

повседневном быту и в обрядах жизненного цикла [Сагалаев 1990: 170]. Хороший алгыс оценивался как большой подарок, почти как материальная ценность. Во многих из текстов алгысов можно также проследить отношение этноса к пище: *алтанып мүндер аттыг пол, азыран чөрер тамахтыг пол* ‘пусть будет [у тебя] всегда верховой конь, пусть [у тебя] всегда будет еда’; *тоозылбас астыг пол, түгемес күсті пол* ‘пусть будет [у тебя] нескончаемая пища, пусть будет [у тебя] неиссякаемая сила’.

В структуре концепта «еда» содержатся значения, указывающие на связь с родственными и семейными отношениями. Например, среди мясных продуктов и блюд в отдельную категорию можно выделить мясной набор, называемый *ыста/ысты* ‘гостинец для родственников из мяса и внутренностей животных’. Этот набор у хакасов обязательно готовился после забоя животных, обычно поздней осенью. Для него отбирались самые лучшие части мяса и внутренностей. Для собственного потребления *ыста/ысты* не готовился, а отправлялся родственникам. Это наблюдается и в способе наименования слова *ысты*, образованного от глагольной основы *ыс-* ‘посыпать, отправлять, направлять’ и аффикса *-ты*, образующего существительные со значением результата. Подобные лексические примеры, подтверждающие факт ценности родственных и семейных отношений, наблюдаются в названиях блюд, в обычаях и привычках принимать пищу, сопровождающих всю жизнедеятельность человека. Кроме того, это прослеживается в обрядах, которые проводятся после смерти родственника. Так, в хакасском языке слово *тамах* ‘еда, пища’ используется в устойчивом выражении *тамах саларга*, обозначающем ритуальное действие, при котором продукты кладутся на стол покойника [Субракова 2006: 585]. По обычаю хакасов пришедшие прощаться с родственником несут продукты, которые кладут на специальный поминальный стол. После захоронения эти продукты сжигаются у могилы [Бутанаев 1996: 156]. Процесс сжигания этих блюд и продуктов называется *хуюх саларга*. Считается, что дымом от сжигания пищи питается дух умершего. Традиция кормления умерших родственников символизирует поддержание отношений с ними и после смерти. Такое непрерывное единство умерших и живых, предков и потомков было гарантией существования рода.

Таким образом, концепт *еда* представляет собой сложное многослойное образование, имеющее высокую значимость для хакасской культуры, отражая как универсальные, так и национально-специфические аспекты.

Литература

Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 10–17.

Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. 221 с.

Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука. Сиб.отделение, 1990. 209 с.

Хакасско-русский словарь / Под общей ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

R. P. Abdina

Lexical Aspects of the Concept of “Food” in the Khakas Language

This paper provides an overview of some lexical aspects of the concept “food” in the Khakas language. This research is necessary for a deeper understanding, further analysis, and identification of the conceptual components of the “food” lexeme in the Khakas linguoculture.

Keywords: Khakas language, concept, food, culture.

УДК 811.554

П. Е. Прокопьева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск. pproe@yandex.ru

Культ солнца у лесных юкагиров (по фольклорным и языковым данным)

Работа посвящена описанию соларного культа у лесных юкагиров по данным их фольклора и языка. Эти материалы отражают отношение к Солнцу как верховному благодетельному божеству и символу жизни.

Ключевые слова: лесные юкагиры, культ Солнца, фольклор, язык.

Солнце в религиозном пантеоне лесных юкагиров почиталось как верховное божество. Исследователь юкагирской культуры конца XIX – начала XX в. В. И. Иохельсон писал, что оно «считается благодетельным существом, защитником угнетенных, охранителем справедливости и нравственности» [Иохельсон 2005б: 207].

С солярным культом связан летний праздник юкагиров, который, по словам юкагирского ученого Н. И. Спиридонова, «...есть действие, при помощи которого показывается главному покровителю – солнцу мир, любовь и согласие...» [Спиридовон 1996: 43]. Солнечная символика присутствует в орнаменте традиционной одежды и предметов быта юкагиров.

Многочисленные сведения, свидетельствующие об особом отношении к Солнцу, содержат фольклор.

В исторических преданиях Солнце осуждает войны и убийство. Руководствуясь нравственными ориентирами, обусловленными культом Солнца, воины стремятся к прекращению вооруженных конфликтов, склоняются к миру с врагом. В предании, рассказывающем о столкновении двух юкагирских родов, приведшем к кровопролитию, примиряясь, произносят: «Солнце, не сердись! Мы друг с другом помирились, до конца жизни друг против друга острого делать не будем» [Иохельсон 2005а: 139]. В другом предании [Там же: 125–127] юноша, сразившийся в одиночку с врагом, видя, что поверг слишком много недругов и опасаясь гнева Солнца, добровольно принимает от них смерть: «Вас очень много убил – солнце на меня сердиться будет» [Там же: 126].

Недопустимость агрессии, порицаемой Солнцем, отражена и в сказочной прозе. Разгневанные птицы побили Ворона, убившего детей Куропатки, до того, что он почернел, и закончили наказывать лишь тогда, когда он возвратил: «Во имя Солнца отпустите меня!» [Иохельсон 2005б: 350].

В фольклоре отчетливо выражены представления о восходе как символе жизни и закате как символе темного, нехорошего, смерти. Так, родители окаменевшей девушки обращались к разным божествам в надежде вернуть дочь: просили Хозяина Земли, кланялись Небу и восходу солнца, видимо, адресуя свои молитвы Солнцу [Фольклор юкагиров Верхней Колымы 1989: 9]. По преданию, когда юноша уничтожил почти всех врагов, солнце спустилось [Иохельсон 2005а: 125], что интерпретируется как недовольство божества и сигнал к прекращению боя: «...солнце на меня сердиться будет» [Там же: 126]. Другая история рассказывает о том, как неудовлетворенный своей долей добычи старик в завуалированной форме обратился к Солнцу, пожелав охотнику смерти [Иохельсон 2005б: 210].

В повествованиях выделяется цветовая символика, обусловленная культом Солнца. С ним ассоциирован красный цвет. В предании о борьбе юкагирских родов в знак мира коркодонцы приносят в жертву красную лисицу, поповцы убивают собаку и

вешают три стрелы, разрисованные красным ольховником. В. И. Иохельсон прокомментировал этот сегмент текста: «Повешенный мех красной лисицы, убитая собака и повешенные стрелы, надо полагать, были умилостивительными жертвами божеству-солнцу, которое сердится за убийство людей» [Иохельсон 2005а: 139]. По другому преданию [Там же: 193–195], когда шаман Старый и его сын, будучи в состоянии сна, одолели шамана, пожиравшего души детей, в реальной жизни к нему с горы спустилась большая красная собака и укусила его. Примечательно, что, когда герои рассказа подбирались к своему противнику, они направили тень своего мамонта по ходу солнца. Посредством красного цвета в фольклоре обозначаются новая жизнь и благополучное житие: старший брат, радуясь возвращению из опасного путешествия младшего с красавицей-женой, выкрашивает жерди для новой урасы в красный цвет [Там же: 85–90]. По-видимому, положительно маркированному красному цвету, связанному с представлениями о Солнце, аналогичен желтый цвет. Шаман обхитрил Смерть, сумев поместить ее в мочевой пузырь желтой собаки, убийство которой по смыслу тождественно ритуальному жертвоприношению собаки с целью задабривания духов [Фольклор юкагиров Верхней Колымы 1989: 21].

С Солнцем в фольклоре сравнивается красота героев: «солнцу подобный» юноша-жених гонит оленей [Иохельсон 2005а: 103], «она светилась подобно солнцу» [Иохельсон 2005б: 367].

В автобиографических рассказах концепт «солнце» проявляется в контексте выражения внутреннего состояния, переживаний и заключает представления о светлом и добром в жизни: «Солнце не светит, день не светит, в темноте живу. Печаль задавила меня» [Иохельсон 2005а: 200].

Информация о Солнце как благожелательном божестве, символе мирного бытия отражена в языке юкагиров. В фольклорных текстах, относящихся к собраниям В. И. Иохельсона, кроме частотного в то время *пугу* ‘тепло’ встречаются слова *подъорхо* и *йэльоодъэ*. Интересно, что корень *пугу/пугэ* выявляется в утраченном ныне слове *ньэтугэрэчэли* ‘помиримся’ (букв.: вместе греться будем): *Таннуги ньэтугэрэчэли, пугунин адъу тадигэ* ‘Тогда помиримся, солнцу слово дадим’ [Иохельсон 2005а: 90].

В словаре В. И. Иохельсона лексема *подъорхо* имеет значения ‘день; светлый, белый’ [Иохельсон 2005б: 463], в современном языке лесных юкагиров оно обозначает только ‘день’. *Подъорхо* этимологически связано с такими словами, как *пойнэ-* ‘быть

белым', *понъхо* 1) свет; 2) белый, *подъою-* 'блестеть' и др., включающими элемент *по-*, который, как видно, содержит смыслы 'белый', 'светлый'. Слово *подъорхо* в значении 'солнце', вероятно, совмещает понятия не только о белом цвете, что позволяет переводить слово как 'светило', но и дневном времени, наиболее благоприятном для жизнедеятельности. В материалах В. И. Иохельсона слово *подъорхо* используется также в переносном значении 'свет, мир': Эмэйгэт тин лэбиэгэ, тин *подъорхонин уульэлдээ, укэйльэлдээ* 'От матери на этой земле, на этот свет родился, вышел' [Иохельсон, 2005а: 198].

В современном языке лесных юкагиров солнце обозначается словом *йэльоодъэ*, которое в прошлом употреблялось наряду с другими словами-синонимами. Возможно, оно произошло от глагола *йиэльэ-* 1) созреть, поспеть; 2) свариться на основе метафорического переноса.

Таким образом, фольклорные и языковые материалы лесных юкагиров подтверждают значимость культа Солнца в их традиционном мировоззрении. В фольклоре Солнце выступает мерилом нравственности и добродетели, оно тождественно самой жизни и счастливому бытию. Наличие разных номинаций солнца, отражающих различные его положительные характеристики и ассоциирующих его с пользой и благом, также свидетельствуют о важном месте Солнца в картине мира юкагиров.

Литература

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы /Пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.

Спиридонов Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Изд-во «Северовед», 1996. С. 6–50.

Фольклор юкагиров Верхней Колымы / Сост. Жукова Л. Н., Николаева И. А., Дёмина Л. Н. Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 1989. Ч. 2. 89 с.

P. E. Prokopeva

The Cult of Sun of the Forest Yukaghirs (According to Folklore and Language Data)

The article is dedicated to the description of the cult of Sun among the forest Yukaghirs according to their folklore and language. These materials reflect the attitude towards the Sun as the supreme beneficent god and the symbol of life.

Keywords: the Forest Yukaghirs, cult of the Sun, folklore, language.

Р. П. Кузьмина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, raisakuzmina2013@yandex.ru

Образ паука в зооморфном коде культуры эвенов

Рассматривается образ паука *атаки* в зооморфном коде культуры эвенов, характеризующий мифологические представления этноса и связанный с древнейшим культом предков. Материалом исследования послужили *төнүэкич* ‘запреты’ и *хам* ‘приметы’ эвенов.

Ключевые слова: мировоззрение, символ, эвены, локализация, лингвокультура.

В мировоззрении эвенов сохраняется сакральность таких животных, как медведь, волк, орел и паук, что подтверждается фольклорными и этнографическими материалами.

Лексема *атаки* ‘паук’ образована от слова *ата*, означающего в говорах восточного наречия эвенского языка ‘бабушка’. По утверждению А. А. Бурыкина, «образованное от слова *ата* ‘бабушка’ название паука ‘*атаки*’, связывает представление о пауке у эвенов и других народов Северо-Востока Азии с культом предков и мифологией, причем с ее древнейшим пластом» [Бурыкин 1999: 50].

В эвенской лингвокультуре *атаки* может служить вместилищем души человека. У эвенов по настоящее время существует запрет на убийство пауков, так как это может навлечь смерть одного из родителей, например: *Атакив ёстю маvrар – эн’эhни көкэд’ин*. ‘Паука нельзя убивать – мать умрет’ [ПМА]. Согласно М. В. Пименовой, «широкое распространение получили представления о душе человека, появляющейся в облике птицы, бабочки, мотылька, пчелы. Образ души-птицы развит в мифологии Египта, Вавилона, Греции. У народов Средней Азии с душой отождествляется голубь, у якутов – петух, у других народов – специфические для данного ареала птицы (например, попугай арака у индейцев-бороро). У разных народов душа может отождествляться с мышью, змеей, ящерицей, крокодилом, акулой. Обычно в этой функции выступают хтонические животные. Образы человека и его двойника – «внутреннего человека» – формируются под влиянием местных особенностей флоры и фауны, климата и

ландшафта. Свойства окружающего мира «прочитываются» в признаках концептов внутреннего мира» [Пименова 2004: 87–88].

По языческим представлениям славян, если человек жил праведно, то душа превратится в голубя, а если в грехе – в черного ворона и иногда в грустную кукушку. С мифологемой «душа=птица» связан у славян обычай оставлять на Пасху, Радоницу на могилах крашеные яйца для птиц [Маслова 2011: 236].

В фольклоре и в художественном дискурсе эвенов *атаки* ‘паук’ чаще всего выступает в роли положительного персонажа, помогающего главному герою. Образ паука-покровителя и одновременно чудесного помощника человека характерен также для мифологии чукчей, где паук предстает в образе маленькой старушки.

Эвенки и некоторые группы эвенов в качестве орнамента на одежде и в аксессуарах используют изображение паука, которое имеет охранительную функцию [Василевич 1969: 133].

Зафиксированные у эвенов приметы в отношении паука имеют несколько положительных значений:

1. Паук может предвещать удачу в охоте: *Атаки өгинук адалат тиктөкөн «яв-гу мавнатно» гоүгэрээр*. ‘Если сверху спустится паук на своей паутинке, то говорят «что-то добудут» (охотники)’ [ПМА]; *Атаки дю долин усиури эвэнки нокракан, мэүэли мэүэлрээзэн, дюду хоя улрэ нокутчин, мэүэлчидин*. ‘Если паук внутри жилища вешает паутину поперек, делает вешала, в этом жилище будет висеть много мяса’ [Бурыкин 2001: 243].

Похожая примета отмечена у юкагиров: «По поверьям юкагиров, обилие паутины у дымового отверстия чума предвещает большую удачу в рыбной ловле. После высушивания юколы на вешалах, под солнцем, юкагиры обычно коптили ее у дымового отверстия. Сочетание *сисхагөдьэ хойнъии* букв. означает ‘вешала паука’» [Курилов 2005: 478].

2. С *атаки* у эвенов связывается благополучие и счастливая жизнь семьи, об этом свидетельствуют существующие у эвенов хиргэчин ‘заклинания-благопожелания’: *Атаки, атаки, олраугат гадили!* ‘Паук, Паук, достань нам рыбы!’ – заклинание с просьбой, чтобы больше было рыбы во время нереста [Бурыкин 1999: 45].

3. Паук может предсказывать изменения погоды: *Атаки адалан хоя бинёкён- удолд’ин «гоүнэр»*. ‘Если паутины много – это к дождю’ [ПМА]; *Атаки усиури өгинук хэссэки ноккомтакан – удан хоя уданодин*. ‘Если паук вешает свою паутину сверху вниз, будет сильный дождь’ [Бурыкин 2001: 243].

Таким образом, в мировоззрении эвенов *attacki* ‘паук’ выступает символом удачи, счастья и может быть вместилищем души человека, что свидетельствует о тотемности данного инсектонима в картине мира и характеризует мифологическую форму мировосприятия народа.

Литература

Бурыкин А. А. Загадки, запреты-обереги, приметы, заклинания-благопожелания эвенов Колымы и Чукотки. Магадан, 1999. 50 с.

Бурыкин А. А. Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. 288 с.

Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.

Курилов Г. Н. Фольклор юкагиров. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 594 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25)

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.

Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).

ПМА – Полевой материал автора Кузьминой Р. П. Интервью в местности Эндыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия): записано в сентябре 2005 г.

R. P. Kuzmina

The Image of the Spider in the Zoomorphic Code of the Even Culture

The article examines the image of the *attacki* ‘spider’ in the zoomorphic code of the Even culture, which characterizes the mythological ideas of the ethnus and is associated with the ancient cult of ancestors. The research was based on *tənyekich* ‘prohibitions’ and *kham* ‘signs’ of the Evens.

Keywords: worldview; symbol; Evens; localization; linguoculture.

*Кемеровский государственный университет, г. Кемерово,
rage_of_gods@inbox.ru*

Модели номинации солнца и луны в языках американской зоны тихоокеанского пояса: предварительные результаты

Представлены результаты исследования моделей номинации солнца и луны в языках, относящихся к американской зоне ареала тихоокеанского пояса. Построена предварительная классификация способов номинации (5 групп) вышеуказанных культурных реалий.

Ключевые слова: языковые ареалы, тихоокеанский пояс, языки коренного населения Америки, базовая лексика, модели номинации.

В данной работе представлены предварительные результаты, относящиеся к типологии номинаций солнца и луны в языках Северной, Центральной и Южной Америки, относящихся к так называемому тихоокеанскому поясу – языковому ареалу, выделенному в работе [Bickel, Nichols 2006: 5–7]. Наше исследование охватывает правое «полукольцо» тихоокеанского пояса, географически соответствующее побережью Северной и Южной Америки, а также регионам, находящимся в относительной близости от побережья. На севере границей исследуемого ареала «правого полукольца» является Берингов пролив, на крайнем юге – Огненная Земля. Анализируемые номинации относятся к базовой лексике, имеющейся во всех естественных языках [Бурлак, Старостин 2001: 50].

Основным источником лексического материала являются электронные словари базы данных Intercontinental Dictionary Series [IDS]. Эта словарная база составлена на основе описательных грамматик и прочих описательных материалов для соответствующих языков. Отбор материала проводился методом сплошной выборки соответствующих номинаций из языков указанного ареала.

В результате исследования были получены следующие выводы. Модели номинации солнца и луны в языках рассматриваемого ареала можно разделить на несколько групп:

1. Стандартный случай: в языке существуют отдельные номинации для солнца и луны, не связанные общим происхождением.

2. В языке существует одна лексема, используемая для номинации как солнца, так и луны. Примером этого может служить язык верхний чехалис, относящийся к салишским языкам [UCD]: лексема *lu'kʷal* имеет значения ‘солнце’, ‘луна’ и ‘послеполуденное время’.

3. Наличие голофразисных конструкций. Пример такого языка – североамериканский язык-изолят зуни [ZD]: *ya-ɬona-kkʷa* ‘луна’ (‘небесное тело’ + ‘путь’ + инструментальный показатель).

4. Наличие голофразисных конструкций с метафоризацией. Например, в языке кавескар, изоляте юга Чили [QD]: *asval-ķ-seles* ‘солнце’ и *yeķaptsewe-ķ-seles* ‘луна’, где компонент *-seles* обозначает ‘существо женского пола’ *-ķ-* – соединительный суффикс, а первые части конструкций имеют значения ‘день’ и ‘вечернее время’ соответственно.

5. Наличие синхронно или диахронически связанных номинаций, восходящих к одной общей исходной основе или исторически общему архетипу. Примером первого подтипа номинации является карок – язык-изолят севера Калифорнии [KD]: сп. *küsra* ‘солнце, светило’, но *Pikxarám-küsra* ‘луна’ (‘ночь’ + ‘светило’). Пример второго подтипа – аравакский язык гуахиро, в котором лексемы *kaři* ‘солнце’ и *kaši* ‘луна’ [GD], видимо, происходят от одной праформы.

Разнообразие способов номинации солнца и луны в языках исследуемого ареала может быть обусловлено различными причинами. Так, распространённость голофразисных конструкций, возможно, объясняется общим преобладанием «глагольности» над субстантивностью в языках коренного населения Америки, о чём говорится, в частности, в работе Вяч. Вс. Иванова [Иванов 1988]. Наличие метафоризованных конструкций (подобных тем, что есть в языке кавескар) может быть связано с отражением в языке мифологии (в частности, мифа о небесных близнецах). Наличие лексем с синкретичным значением ‘солнце’ и ‘луна’, вероятно, обусловлено тем, что они исторически восходят к общему архетипу со значением ‘небесное светило’, например, такую гипотезу можно постулировать для языка верхний чехалис. Аналогичным образом трактуется случай, когда имеются связанные между собой номинации, как в ситуации с языком гуахиро.

Литература

Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 272 с.

Иванов Вяч. Вс. Современные проблемы типологии (к новым работам по американским индейским языкам бассейна Амазонки) // Вопросы языкознания.

1988. №1. С. 118-131. URL <http://www.philology.ru/linguistics4/ivanov-88.htm>
(Дата обращения 24.07.2020)

Bickel B., Nichols J. Oceania, the Pacific Rim and the Theory of Linguistic Areas // Berkeley Linguistic Society 32. 2006. No. 2. Pp. 3-15.

Источники

GD – Jesús Olza Zubiri and José Alvarez (commentary) and Miguel Angel Jusayú. *Goajiro dictionary*. In: Key, Mary Ritchie & Comrie, Bernard (eds.). The Intercontinental Dictionary Series. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2015. URL: <http://ids.clld.org/contributions/262>, Accessed: 2020-07-24.

KD – William Bright. *Karok dictionary*. In: Key, Mary Ritchie & Comrie, Bernard (eds.). The Intercontinental Dictionary Series. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2015. URL: <https://ids.clld.org/contributions/224>, Accessed: 2020-07-24.

IDS – Key, Mary Ritchie & Comrie, Bernard (eds.). *The Intercontinental Dictionary Series*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2015. URL: <http://ids.clld.org>, Accessed: 2020-07-24.

QD – Christos Clairis and José Pedro Viegas Barros. *Qawasqar dictionary*. In: Key, Mary Ritchie & Comrie, Bernard (eds.). The Intercontinental Dictionary Series. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2015. URL: <http://ids.clld.org/contributions/313>, Accessed: 2020-07-24.

UCD – Mary Ritchie Key. *Upper Chehalis dictionary*. In: Key, Mary Ritchie & Comrie, Bernard (eds.). The Intercontinental Dictionary Series. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2015. URL: <https://ids.clld.org/contributions/232>, Accessed: 2020-07-24.

ZD – Willard Walker. *Zuni dictionary*. In: Key, Mary Ritchie & Comrie, Bernard (eds.). The Intercontinental Dictionary Series. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2015. URL: <http://ids.clld.org/contributions/226>, Accessed: 2020-07-24.

S. S. Kalinin

Patterns of Sun and Moon Nomination in Languages of American Area of Pacific Rim: Preliminary Report

The main aim of this article is to classify the patterns of nomination of sun and moon in some Native American languages. The data for the present study are languages of American coastal area of Pacific Rim. The resulting preliminary classification consists of 5 subgroups of different patterns.

Keywords: linguistic areas, Pacific Rim, Native American languages, basic lexicon, nomination patterns.

УДК: 811.512.164

Н. Ш. Шаммаева

Туркменский государственный педагогический институт им. С. Сейди,
г. Туркменабат, Туркменистан, [nrbibish06@mail.ru](mailto:narbibish06@mail.ru)

Гендерные особенности наречения детей у туркменов

Работа посвящена акту номинации, имеющему глубокие корни в национальном мышлении. Историческое развитие нации определяет некоторые характерные особенности национального мышления. Некоторые сложные имена в туркменском языке имеют корни в экстралингвистических факторах, соприкасающихся с обычаями и традициями нации.

Ключевые слова: туркменские языковые традиции, сложные имена, мотивы обозначения, ономасиологические категории, экстралингвистические факторы.

Изучение словообразования позволяет сделать заключение о том, как членится окружающий мир нашим мышлением, выявляются мотивы обозначения и ономасиологические категории, получающие отражение на языковых уровнях.

Туркменский язык относится к юго-западной группе тюркских языков, состоит из трёх десятков диалектов и говоров, распространённых на территории Туркменистана. В основном они различаются по регионам, где компактно проживает население, говорящее на том или ином диалекте; например, йомудский диалект распространен на западе Туркмении. В современном туркменском языке существуют такие диалекты, как теке, эрсары, сарык, салыр, алили, емрели, човдур, гоклен, баят, нохур, анау, кырач, чандыр, сурхы и др. [Нартыев 1994: 38]. Некоторые из них были исследованы и изучены в рамках диалектологии туркменского языка. Наблюдаются разные традиции называния детей в разных диалектах в пределах одного языка.

В туркменском языке выявляются некоторые особенности наречения детей женского пола. В основном туркмены называют девочек сложными именами с первым компонентом *огул-*: *Огулабат*, *Огулбагт*, *Огулгерек*, *Огулдорды*, *Огулнур* и т.д. В нашей картотеке насчитывается 176 женских имён с приставкой *огул*. Данное явление распространено прежде всего в Марыйском и Ахалском велаяте, среди текинцев.

Женские имена с первым компонентом *огул-* имеют разнообразные по лексическим значениям вторые компоненты, с помощью которых создаются динамические сравнения: в

компонентах *марал*, *кейик* ‘лань’, *сона* – поэтическая название водяной птицы – отражается стройность, грациозность (*Огулмарал*, *Огулкейик*, *Огулсона*); слова *ай* ‘месяц’, *гозел* ‘красивая’, *сурай* ‘прекрасная’, *женнет* ‘рай’, *нур* ‘лучезарная’ передают красоту (*Огулай*, *Огулгозел*, *Огулсурай*, *Огулженнет Огулнур*); компоненты *ширин* ‘сладкая’, *шекер* ‘сахар’, *хесел* ‘мёд’ вносят сравнение со сладостью (*Огулиширин*, *Огулишекер*, *Огулхесел*); при помощи компонентов *гул* ‘цветок’, *рейхан* ‘пряная трава’ создаётся образ красивого и пряного растения (*Огулгул*, *Огулрейхан*); слова *гурбан* ‘жертва’, *джума* (священный день недели), *ораз* – отражают религиозные традиции (*Огулгурбан*, *Огулджума*, *Огулбайрам*, *Огулораз*); *эке* ‘старший брат’ (*старшая сестра* в некоторых диалектах), *били* ‘старшая сестра’, *бике* ‘старшая женщина в доме’ (почтительное обращение к женщине) – родственные отношения (*Огулэке*, *Огулбиби*, *Огулбике*); такие слова, как *мырат* ‘мечта’, *герек* ‘нужный’, *дурды* ‘встал’, *болды* ‘родился’ выражают мечты родителей (*Огулмырат*, *Огулгерек*, *Огулдурды*, *Огулболды*).

Акт номинации как ономасиологическая категория имеет такие разновидности, как предметность, признаковость, процессуальность и др.

Имена девочек изменяются по мере взросления, например, если при рождении девочка была наречена *Огулгерек* букв. ‘нужен мальчик’, то в детстве её могут звать *Оллии*, *Герек*, девочку-подростка могут называть именами *Оля*, *Гера* а после свадьбы, у свекрови, невеста обязательно приобретает имя, данное во время рождения: *Огулгерек*.

Литература

Нартыев Н. Түркмен диалектологиясының эсаслары. Чаржев, 1994.
Түркмен адам атларының справочники. Ашгабат:
Туркменистан, 1989.

N. Sh. Shamayeva

Gender Distinction in Naming of Turkmen Children

The article is devoted to the act of naming, which is deeply rooted in the national mentality. Historical development of a nation defines some characteristic features of the national mentality. Some compound proper names of the Turkmen language are determined by the extra-linguistic factors, contiguous to the customs and traditions of the nation.

Keywords: Turkmen language traditions, compound names, motives of nomination, onomasiological category, extra-linguistic factors.

Л. К. Ишкильдина

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
УФИЦ РАН, г. Уфа, lina86_08@mail.ru

Наименования лиц мужского и женского пола по профессии в башкирском языке¹⁶

Рассматриваются гендерные особенности наименования профессий в башкирском языке. Лингвистический анализ выявил гендерную асимметрию в пользу мужских профессий в количественном отношении.

Ключевые слова: гендер, лингвистический анализ, профессия, башкирский язык.

Названия профессий в башкирском языке, в отличие от русского языка, не имеют грамматического показателя половой соотнесенности, ср.: рус. учитель (м.)/учительница (ж.) – башк. укытыусы, рус. продавец (м.)/продавщица (ж.) – башк. натыусы, рус. художник (м.)/художница (ж.) – башк. рәссам, рус. ученик (м.)/ученица (ж.) – башк. укыусы, рус. ткач (м.)/ткачиха (ж.) – башк. тукыусы и т.д. Для половой дифференциации в башкирском языке используются гендерно маркированные слова-определители – *апай* ‘сестра, тетя’, *агай* ‘брать, дядя’, *катын* ‘женщина’, *ир* ‘мужчина’ и т.п.: укытыусы *апай* ‘учительница, досл. тетя учитель’, укытыусы *агай* ‘учитель, досл. дядя учитель’, эйсе *катындар* ‘женщины-рабочие’, языусы *катын* ‘писательница’ и др¹⁷.

Иключение в башкирском языке составляют лексемы арабского происхождения, в которых название женской профессии образуется от мужского с помощью аффикса -ә: *табиб* ‘врач’ – *табибә* ‘женщина-врач’, *галим* ‘ученый’ – *галимә* ‘женщина-ученый’, *мөгәллим* ‘уст. обучающий; учитель, преподаватель’ – *мөгәллимә* ‘уст. обучающая, учительница’, *талип* ‘студент’ – *талибә* ‘студентка’, *шагир* ‘поэт’ – *шагирә* ‘поэтесса’, *әзип* ‘писатель, литератор’ – *әзибә* ‘писательница’ и др.

В наименованиях профессий, заимствованных из русского языка, гендерные показатели отсутствуют, т.е. употребляется только

¹⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых МК-323.2020.6 «Этнокультурная специфика гендерной лексики (на примере сравнительно-сопоставительного анализа русского и башкирского языков)».

¹⁷ В исследовании мы опираемся на материал «Академического словаря башкирского языка» /под. ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. I–X т. 2001–2018.

одна форма слова по отношению к обоим полам: рус. *артист/артистка* – башк. *артист*, рус. *аппаратчик/аппаратчица* – башк. *аппаратсы*, рус. *буфетчик/буфетчица* – башк. *буфетсы*, рус. *летчик/летчица* – башк. *летчик*, рус. *манекенщик/манекеница* – башк. *манекенсы* и др. Здесь для конкретизации пола могут также употребляться слова-определители – *ири* ‘мужчина’, *катын* ‘женщина’, *кыз* ‘девушка’ и др.: *артист ири* ‘мужчина артист’, *артист катын* ‘артист женщина, артистка’, *аппаратсы катын* ‘аппаратчица’, *буфетсы агай* ‘буфетчик’, *журналист кыз* ‘девушка-журналист’ и т.д.

В собственно башкирской лексике гендерная детерминированность профессий осуществляется **ассоциативно**, т.е. когда определенный вид деятельности приписывается мужчинам или женщинам по стереотипным суждениям. Иначе говоря, когда в обществе принято считать, что представителем того или иного рода деятельности может выступать только один пол – мужской или женский, хотя они также грамматически не выделяются.

К «женским» профессиям относятся следующие: *бәйләүсе* ‘вязальщица’, *сигеүсө* ‘вышивальщица’, *науынсы* ‘доярка’, *тегенсө* ‘ткачиха’, *кендек инәйе* (әбейе) ‘повитуха’, *тәрбىәсө* ‘воспитательница’, *бала караусы* ‘няня, нянька’, *йыйыштырыусы* ‘уборщица’, *ой хужабикәне* ‘домохозяйка’.

Лексемы, характеризующие только мужчин по роду деятельности в башкирском языке: *айыусы* ‘медвежатник’, *аусы* ‘охотник, рыболов’, *атыусы* ‘стрелок’, *балтасы* ‘плотник’, *балыксы* ‘рыбак’, *диңгезсө* ‘моряк’, *котоусе* ‘пастух’, *итексө* ‘сапожник’, (йок) *тейәүсө* ‘грузчик’, *карауылсы* ‘охранник, сторож’, *кыуғынсы* ‘погонщик; сплавщик; гуртовщик’, *танкист* ‘танкист’, *ташсы* ‘каменщик’, *күнсө* ‘кожевник’, *тире эшкәртәүсө* ‘скорняк; овчинник’, *тимерсө* ‘кузнец’, *тиресе* ‘кожевник; сборщик шкур’, *тирмәнсө* ‘мельник’, *тәэзуусе* ‘строитель’, *умартасы* ‘пчеловод, пасечник’, *наксы* ‘охранник’, *нұнарсы* ‘охотник’, *налдат* ‘солдат’, *хәрби кеше (хәзмәткар)* ‘военный’. Не все перечисленные профессии актуальны в современное время. Большинство из них представляет собой устаревший род занятий, который был связан с бытом и образом жизни древних башкир, а именно, с охотой, скотоводством, сплавом деревьев, кожевенным ремеслом и т.д.

Религиозная деятельность также связана с лицами мужского пола: *мулла* ‘мулла (человек, обладающий религиозными знаниями,

учитель религиозной школы)', *мөгәллим* 'уст. учитель', *имам* 'имам (верховный глава мусульман; настоятель мечети, руководящий богослужением, коллективной молитвой)', *шәкерт* 'шакирд, ученик медресе', *бабасы*, *сөннәтсе* 'мужчина, совершающий обряд обрезания' и др.

Таким образом, наименования профессий в башкирском языке не имеют половой дифференциации, кроме арабских заимствований. В башкирском языке количество названий мужских профессий больше женских, что связано с традиционным разделением труда по половому признаку, где мужчины выполняли многообразную внедомашнюю работу.

L. K. Ishkildina

**Names of Male and Female Persons by Profession
in the Bashkir Language**

The article is devoted to the study of gender traits of the names of professions in the Bashkir language. Linguistic analysis reveals gender asymmetry in favor of male professions in quantitative terms.

Keywords: gender, profession, the Bashkir language.

УДК 811.511.1, 398.21

B. A. Иванов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Московский государственный областной университет,
vovagkmfc@yandex.ru*

**Межкультурное и межязыковое взаимодействие в сказочном
репертуаре российских финно-угров**

Рассматривается функционирование русских сказок в репертуаре современных финно-угров. Анализируются некоторые языковые и этнокультурные особенности текстов русских сказок на финно-угорских языках.

Ключевые слова: сказки, финно-угры, финно-угорские языки, этнолингвистика

Общее число финно-угров в России (на 2010 г.) – свыше двух миллионов человек. В местах компактного проживания российские финно-угры, как правило, являются автохтонами относительно соседних народов, с которыми активно контактируют. В период между переписями 1989 г. и 2010 г. общая численность финно-угров в России сократилась на четверть. Тревожная тенденция обусловлена

главным образом процессом ассилияции — побочным эффектом интеграции финно-угров в новое культурное пространство.

Однако межкультурное взаимодействие имеет и позитивные тенденции, в т.ч. появление новых форм на стыке культур. Финно-угры по-прежнему сохраняют свое культурное своеобразие и языки, а значит, инокультурные элементы подвергаются языковой и культурной адаптации. Особое значение это имеет в свете того, что многие элементы традиционной культуры ушли из живого бытования. Например, современным удмуртам и мари традиционные сказки знакомы только из литературы, а детский репертуар составляют сказки, известные благодаря массовой русскоязычной культуре. Новые формы могут взять на себя роль этнокультурных маркеров и вместе с тем способствовать вовлечению финно-угров в общероссийское культурное пространство.

Предмет работы — бытование русских сказок среди современных российских финно-угров. Материалом служат полевые записи нескольких широко известных сюжетов — народной сказки «Колобок» и «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина и некоторых других.

Все тексты близки к оригиналу: сохраняется цепевидная сюжетная структура, структура диалогов, существенные характеристики персонажей. Отступления в сторону сокращения связаны с элементами, которые рассказчик считает наименее важными. Так, в песне колобка опускается описание процесса его изготовления. По-видимому, в интерпретации рассказчиков песне колобка не придается магическая функция оберега, ср. [Толстой 1995]. На первый план выходит не мистическая, а житейская мудрость: хвастовство не доводит до добра.

Тенденция «исправить» конец сказки в сторону более благополучного [Цывьян 2004] реализуется в альтернативном варианте, предложенным рассказчиком на горномарийском языке: дело происходит накануне Пасхи, и колобок «отпрашивается» у зверей, чтобы «освятиться» в церкви; на обратном пути «пасхальный» колобок разрешает животным попробовать по кусочку и в конце возвращается к бабушке и дедушке, которые рады в праздничный день отведать освященную лепешку. Для горных мари, исповедующих православие, такая «христианизация» сказки вполне уместна. Кроме того, существует традиция на праздники освящать круглую лепешку из кислого теста — *сельмäгиндей* (*сельмä* ‘сковорода’, *киндэй* ‘хлеб’). Для колобка, правда, было выбрано другое название — *шергиндей* — круглая лепешка из пресного теста, как и «оригинальный» колобок (по

А. Н. Афанасьеву, сдобная, пресная лепешка).

Еще сильнее тенденция к «хеппи-энду» в тексте о золотой рыбке на бесермянском наречии удмуртского языка: герои, попросив у рыбки корыто, дом, детей и молодость, счастливо зажили в новом доме. Имеет место полный перенос действия на бесермянскую культурную почву за счет включения элементов как традиционной материальной, так и духовной культуры. Рассказчик не калькирует речевые формулы, благодаря чему бесермянская речь героев воспринимается более естественно.

Влияние массовой культуры, в т.ч. визуальной, отражается в именовании героев, их речевых характеристиках, преобразованиях сюжета. Можно говорить, что на основе известных русских сказок возникают новые культурные формы, одновременно способствующие проявлению национальных особенностей российских финно-угров и адаптации их в общероссийском культурном пространстве.

Литература

Толстой Н. И. Секрет Колобка // Живая старина. 1995. № 3. С. 41–42.

Цивьян Т. В. Роковой путь Колобка // Язык культуры: Семантика и грамматика. М., 2004. С. 310–321.

V. A. Ivanov

Intercultural and Interlingual Interaction in the Fairy-Tale Repertoire of Finno-Ugric Peoples in Russia

The paper deals with the functioning of Russian fairy tales in the repertoire of modern Finno-Ugric people. Some linguistic and ethnocultural features of Russian fairy tales in Finno-Ugric languages are analyzed.

Keywords: fairy tales, Finno-Ugric peoples, Finno-Ugric languages, ethnolinguistics.

УДК 81-23

З. Д. Бардаханова

*Забайкальский государственный университет, г. Чита,
zamira7777@mail.ru*

Личное имя Вашир ~ Очир в историческом именнике хори-бурят¹⁸

Рассматривается имя собственное *Вашир*, зафиксированное в документах Государственного архива Забайкальского края.

¹⁸ При финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00335 А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят».

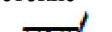
Актуальность данного исследования обусловлена развитием современной теории исторической антропонимии. Антропонимы, сохранившиеся в архивных документах, отражают определенный период развития общества, содержат достоверную информацию и представляют культурную память народа.

Ключевые слова: Государственный Архив Забайкальского края, ревизские описи, антропонимика, старописьменный монгольский язык, транслитерация.

Имена собственные представляют собой огромный интерес. В результате исследования семантики и фонетической оболочки имени собственного, его происхождения и развития, выявляются некоторые особенности менталитета и мировоззрения народа, исторические факты.

С проникновением буддизма на территорию Забайкалья появилось большое количество имен тибетского и санскритского происхождения. В Государственном Архиве Забайкальского края (ГАЗК) в ревизских описях (Фонд № 284. Архивная опись №1. Дело постоянного хранения № 50 за 1830-1917) был исследован именной список инородцев Иркутской губернии Верхнеудинского округа ведомства Хоринской степной думы Цаганского рода (7 июля 1831 года) [Фонд ГАЗК]. В данной описи имен бурят-инородцев часто встречается личное имя *Vashir*. В «Истории Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.)» данное имя присутствует как *Vachir* [Жалсанова 2016]. Здесь наблюдается чередование «ч» и «ш», характерное для диалектов бурятского языка. Это имя также встречается в виде *Bachir* [Жалсанова 2016: 57]. По всей видимости, заимствованный звук [в] был заменен на звук [б] по аналогии с русскими именами Володя, Валя, Вера, которые ранее бурятами произносились как Болодя, Бали, Бера.

Vashir/Vachir/Bachir – имя тибетского происхождения, образованное от апеллятивного *ваджра*, ‘алмаз, громовой камень’, именующее ритуальный предмет, распространенный в Индии, Тибете. На старописьменном монгольском языке , транслитерация – *včir*.

В монгольских языках инициальное «в» является заимствованием. В заимствованных словах, которые начинались с согласной буквы, вставлялась гласная. Например, тибетские *rasiyan* ‘целебный минеральный источник’ – *a-ришаан*; *rinchin* ‘драгоценность’ – *i-ринчин*; *včir* ‘ваджра’ – *o-чир* и т.д.

Таким образом, *Vashir/Vachir/Bachir* трансформировалось в личное имя *Ocir*. Далее подобным образом образовались фамилии

бурят *Очиров/Ошиоров* (где «ч» и «ш» варьируются в зависимости от того или иного диалекта).

Личные имена, сохранившиеся в архивных документах, отражают определенную эпоху и являются достоверными фактами. Ламаизм оказал огромное влияние на становление бурятской антропонимии, заимствованные имена из тибетского и санскритского языков перестали осознаваться как иноязычные, органично вошли в лексический состав бурятского языка.

Литература

История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авторы-составители Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. 592 с.

Фонд ГАЗК. Фонд № 284. Архивная опись №1. Дело постоянного хранения № 50 за 1830–1917.

Z. D. Bardakhanova

Personal Name *Vashir ~ Ochir* in the Historical Naming System of the Khori Buryats

The article is devoted to the study of the proper name *Vashir*, recorded in the documents of State Archive of the Zabaykalsky Krai (Trans-Baikal Territory). The relevance of this research is due to the development of modern theory of historical anthroponymy. Anthroponyms preserved in archival documents reflect a certain period of social development, contain reliable information, and represent the cultural memory of the people.

Keywords: State Archive of the Zabaykalsky Krai, revision inventories, anthroponomy, old-written Mongolian language, transliteration.

УДК 811.512.31

Р. Г. Жамсаарона

Забайкальский государственный университет, г. Чита;
rebeaca_zab@mail.ru

Субстратные антропонимы в историческом именнике хори-бурят¹⁹

Анализируются субстратные личные имена в историческом именнике бурят Цаганского рода Хоринской степной думы 1831 г.

¹⁹ При финансовой поддержке гранта РFFИ № 20-012-00335 А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят».

Эти имена имеют до-тибет-монгольское происхождение, их значение связано с сойотским языковым субстратом.

Ключевые слова: исторический именник, хори-буряты, Цаганский род, ревизские описи.

Исторический именник хори-бурят Цаганского рода, выписанный из ревизской описи Государственного Архива Забайкальского края (далее – ГАЗК) 1831 года, представлен в виде таблицы имен одной семьи, переписанной в ревизской описи под номером 247²⁰ (ГАЗК, с. 349–349 об.].

номер	Имена и прозвания	по переписи 1823 г*та	по переписи 1831 года		пояснение
			ниже 18 и выше 50 лет	от 18 до 50 лет, т.е. способных к работам и промыслам	
247	Балдан Гундыгенов	52	-	-	в 1827 году помер
	Намжил Балданов	31	-	39	
	сын Намцарай	-	7	-	новорожденной
	Биликту Балданов	29	-	37	
	сыновья Быцый	-	6	-	новорожденной
	Сондуй	-	2	-	новорожденной
	Былгы Балданов	15	-	23	
	Бойсон Балданов	36	-	44	
	сыновья Улан	6	14	-	
	Даши	-	6	-	новорожденной
	Данцухан Ирдынни Балданов	-	2	-	новорожденной
	сын Иркыту	-	6	-	новорожденной

Главой семейства записан Балдан Гундыгенов, переписаны его сыновья и внуки. Имен женщин и девочек в ревизской описи нет. У Балдана сыновья Намжил, Биликту, Былгы и Бойсон. Тибет-монгольскими именами являются следующие: Балдан / Балданов, Намжил, Сондуй, Даши, а также испорченное Гундыгенов от тибетского Гынден.

²⁰ Оригинальность стиля документа сохранена.

Мы опираемся на предложенную преподавателем Пенсильванского университета, факультета восточных языков и цивилизаций Кристофером П. Атвудом оригинальную систему передачи собственно тибетских имен на монгольскую кириллицу.

Имя Гынден (*Генден*) на тибетском языке имеет форму *Dge-'dun*: **Gendun* > *Gendün* > *Genden* [Christopher P. Atwood 2004]. Имя Даши транскрибировано посредством монгольской кириллицы от исходного тибетского *Bstan-shes*: **Danshei* > *Danshii* > *Danshii* до современного Даши (иногда Дашей); Балдан *Dpal-ldan*: **Baldan* > *Baldan* > *Baldan*; Намжил от *Rnam-rgyal*: **Namjal* > *Namjal* > *Namjil*, как и имя Сондуй / Сундуй – *Gzungs-bsdus*: **Sungdui* > *Sundui* > *Sundui*. Имена Биликту Балданов (от Бэлигто), Ирдыни (Балданов) (от Эрдэни) и Иркыту (от Эрхито), мы полагаем, являются уже монгольскими.

Такие личные имена, как Быцый, Былгы, Бойсон, Улан и Данцухан не являются тибет-монгольскими. Имя Быцый можно связать с тофаларским апеллятивом *bos* [босы] ‘кряква’ (вид утки) [Рассадин 2005: 26], Бойсон с тофаларским *бъаса*, *пъаса* ‘снова, опять; еще, еще раз’ [Рассадин, 2005: 21] как отпрозвищные имена собственные. Сын Балдана по имени Бойсон – это четвертый сын, что позволяет по значению имени определить родительское «отношение» к новорожденному. В сойотско-бурятско-русском словаре лексема *дахын нар.* дахин, дахижса, дахяад ‘еще, снова, опять; ср. бъаса’ [Рассадин, 2003: 39]. Приемных детей, особенно тех, кто «пришел» вместе с матерью, называют пренебрежительным *дахуул* (ухибуун) букв. «пришедший вслед за матерью». По поводу лексического значения имени Бойсон возможно предположить и «участие» апеллятива *боо* [боосы] ‘ружье’ [Рассадин, 2005: 25] как прозвищного имени с охранной семантикой, типичного для «языческих» имен [Малиновская, 2012: 241–246].

Имя Данцухан также представляет собой отпрозвищное имя, сопоставляемое с сойотским *дацса* [*дацсасы*] ‘ганза / курительная трубка’ [Рассадин 2005: 39], не исключая и другой лексемы *дыңзыг* ‘крепкий, тугой (того натянутый)’, которая уже относит данное имя к именам с пожелательной семантикой. Такие имена, как Былгы и Улан пока не имеют каких-то лексических сопоставлений из других языков. Отметим, что в ревизской описи записаны следующие имена: Балга Башилиев [ГАЗК: 337 об.] и «Адуши Занданова сын Былгы» [ГАЗК: 345], что позволяет предположить относительную частотность этого имени в историческом именнике бурят и тунгусов Урульгинской степной думы.

Литература

Малиновская С. М., Райская Л. М. Мотивационные признаки в древнеселькупском антропонимиконе // Вестник Сибири. 2012. № 5(6). С. 241–246.

Рассадин В. И. Сойотско-бурятско-русский словарь / Отв. ред. И. Д. Бураев. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2003. 180 с.

Рассадин В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: Учеб. пособие для уч-ся ср. школ. СПб.: Изд-во «Дрофа Санкт-Петербург», 2005. 295 с.

Atwood, Christopher P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File. 2004.

Источники

Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК). Фонд 284, оп. 1, дело 50. Именной списокъ кочевыхъ братскихъ нородцевъ Цаганского рода 1831 г. июля 7 дня Иркутской губернии Верхнеудинского округа ведомства Хоринской степной думы. 359 л.

R.G. Zhamsaranova

Substrate Anthroponyms in the Historical Naming System of Khor-Buryat

The article is devoted to the description and definition of substrate personal names in the historical naming system of the Buryat Tsagan clan of the Khory Steppe Duma of 1831. Personal names are of pre-Tibetan-Mongolian origin, and their meaning is related to the Soyot language substrate.

Keywords: historical naming system, Khor-Buryats, Tsagan clan, the census of 1831.

УДК: 811.512.31

E. Ч. Дыжитова

*Забайкальский государственный университет, г. Чита,
katya8003@yandex.ru*

Тибетские личные имена хори-бурят Цаганского рода²¹

Анализируются тибетские личные имена хори-бурят Цаганского рода, извлеченные из ревизских описей Хоринской Степной думы

²¹ При финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00335 А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят».

1831 г. из дореволюционного фонда Государственного Архива Забайкальского края. Представлена монгольская система тибетской транскрипции личных имен отдельно взятой бурятской семьи. Семантическая интерпретация исторических антропонимов приводится со ссылкой на лексикографический тибетско-русско-английский словарь Ю. Н. Периха [1983; 1985; 1986].

Ключевые слова: архивные документы, историческая антропонимия, хори-буряты, Хоринская Степная дума, тибет-монгольские имена.

Имена собственные любой эпохи отражают определенные периоды жизни человека и общества. В тибетских именах в основном отражены явления природы, профессии, дни недели, особенности внешности. Влияние буддизма на становление антропонимической системы личных имен бурят тибетского происхождения очевидно.

Ниже из фонда ГАЗК Фонда № 284, архивной описи №1, дела постоянного хранения № 50 за 1830–1917 гг., приводятся имена и прозвания хори-бурят по переписи 1823 г. [353]. Опираясь на работу Кристофера Атвуда, исследователя в области передачи тибетских имен на монгольский, представляем монгольскую систему тибетской транскрипции Уайли некоторых бурят-монгольских имен.

В антропонимической модели имен в транскрипции Уайли первым указано само имя, затем предположительное тибетское произношение монгольской транскрипции, далее следует транскрипция заверенной вертикальной (уйгурско-монгольской) письменности и, наконец, транскрипция современной кириллической версии. Звездочкой отмечено предположительное тибетское произношение.

Приведем архивные данные отдельной семьи Зандалу Далаева, имеющего трех сыновей, Ходо, ?анза, Ирдыни. Имя Зандалу происходит от санскритского *Tsandan*, имеющее значение «сандаловое дерево» [Перих 1986: 163].

Первый сын Зандалу Ходо Зандалуев. Имя *Xodo* – это вариант бурятского *Sado* «умный», где отмечается характерное для бурятского языка чередование *-x/-c*.

Сын Ходо – Дугар. Имя *Dugar* по транскрипции Уайли имеет модель типа *Gdugs-dkar*: **Duggar* > *Dugar* > *Dugar* «белый зонт, эпитет Белозонтичной тары» [Перих 1985: 238].

Второй сын Зандалу ?анза Зандалуев. К сожалению, зафиксировать графически первую букву имени, оказалось

невозможным из-за нечеткого написания на листе архивного документа

Сын ?анза – Намцарай. Имя *Намцарай* по транскрипции Уайли имеет модель типа *Rnam-sras*: **Namsrai* > *Namsarai* > *Namsrai* «Вайшравана или Кубера (Хранитель Намсарай сахюусан)» [Перих 1985: 137].

Третий сын Зандалу – Ирдыни Зандалуев. *Ирдыни* происходит от старо-монгольского *erdeni*, в современном монгольском языке эрдэнэ «драгоценный камень, сокровище драгоценность» [БАМРС 2002: 426].

Таким образом, антропонимическая модель тибетских личных имен хори-бурят Цаганского рода позволяет соотнести межъязыковые «переходы» исконного тибетского имени в монгольское. При переходе от тибетского имени к монгольскому наблюдается лексическая трансформация, обусловленная фонетико-морфологическими нормами монгольских языков.

Под лексической трансформацией понимаем языковые изменения при переходе исходной тибетской лексемы в монгольские языки, вызванные влиянием фонетико-морфологических норм этих языков.

Литература

Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур: Заемствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода: С прил. правил практик транскрипции имен с 23 иностр. яз., в том числе табл. слоговых соответствий для кит. и яп. яз. М., 2001. 200 с.

Большой Академический Монгольско-Русский словарь. В 4 томах. Том 4. Х–Я / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М., 2002. 532 с.

Тибетско-русско-английский словарь ссанскритскими параллелями [Текст] = Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels / Ю. Н. Перих; под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. Москва. Вып. 1: Ka–Kha. 1983. 378 с.

Тибетско-русско-английский словарь ссанскритскими параллелями [Текст] = Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels / Ю. Н. Перих; под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. Москва. Вып. 4: Tha–Da. 1985. 374 с.

Тибетско-русско-английский словарь ссанскритскими параллелями [Текст] = Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels / Ю. Н. Перих; под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. Москва. Вып. 5: Na–Pa. 1985. 312 с.

Тибетско-русско-английский словарь ссанскритскими параллелями [Текст] = Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels / Ю. Н. Рерих; под общ. ред. Ю. Парфyonовича, В. Дылыковой. Москва. Вып. 7: Ma-Tsha. 1986. 320 с.

URL: <https://yandex.ru/turbo/s/imena-znachenie.ru/imena/darma10978.html>
(Дата обращения: 23.07.2020).

URL: <https://statusname.ru/names/ru/male/sado/> (Дата обращения: 23.07.2020).

Источники

Государственный Архив Забайкальского края. Фонд 284, опись 1, дело 50. «Имянной списокъ. В комиссию Восточной Сибири о составлении окладныхъ ясачныхъ книгъ для кочевыхъ и бродячихъ Иородцевъ Иркутской губернии Верхнеудинского округу ведомства Хоринской степной думы Цаганского рода о кочевыхъ братскихъ инородцахъ. 7 июля дня 1831 года».

E. Ch. Dyzhitova

Tibetan Personal Names of the Khori-Buryats of the Tsagan Clan

The article is devoted to the analysis of Tibetan personal names of the Khori Buryats of the Tsagan clan, extracted from the census of the Khorin Steppe Duma of 1831 from the pre-revolutionary fund of the State Archive of the Zabaykalsky Krai (Trans-Baikal Territory). The Mongolian system of Tibetan transcription of personal names of an individual Buryat family is presented. Semantic interpretation of the historical anthroponyms is given with reference to the lexicographic Tibetan-Russian-English dictionary by Yu. N. Roerich (1983-1987).

Keywords: archive documents, historical anthroponymy, Khori-Buryats, Khorin Steppe Duma, Tibet-Mongolian names.

УДК 81.2.2

B. A. Горбунова

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, vicgor89@mail.ru

Состав религиозной лексики ульчского языка

Дается общая характеристика состава ульчской религиозной лексики; прослеживаются связи между эволюцией верований ульчей и формированием новых тематических групп в языке.

Ключевые слова: ульчский язык, ульчская культура, религиозная лексика, анимизм, шаманизм.

В ульчском языке лексический срез, описывающий религиозные верования и практики, отличается обширностью (выборка насчитывает около 200 единиц) и неоднородностью, отражающей синтетическую природу религии ульчей, в которой древняя анимистическая основа была дополнена элементами шаманизма под влиянием нанайской культуры [Золотарев 1938: 154].

Архаичный, базисный пласт лексики составляют ряды, описывающие три сферы, из которых складывается мироустройство: *бানта* ‘верхний мир, небесный мир’; *бан’ин* ‘небесные люди’; *тэму(н)* ‘подводный мир’; *тэмуниин* ‘люди подводного мира’; *тэму(н) эзэни* ‘хозяин подводного мира’; *дуэнтэ* ‘тайга, лес’; *дуэнтэмсие* ‘обитатель леса’; *дуэнтэ эзэни* ‘хозяин тайги’. Ключевым элементом взаимодействия с каждой из сфер являются промысловые ритуалы, вокруг которых формируются группы обрядовой лексики:

- а) моление небу: *тури* ‘шест из молодого дерева’; *эзэхэ(н)* ‘металлические идолы, посредники, уносящие молитву на небо’; *сункэ* ‘особое жертвоприношение, губы свиньи’;
- б) моление воде: *бүчү(н)* ‘идол для моления перед водой’; *охома* ‘корыто деревянное в форме рыбы или утки для жертвоприношений хозяину воды’;
- в) медвежий праздник: *арачу(н)* ‘площадка для убивания медведя’; *силдэ(н)* ‘амбар для хранения всех принадлежностей медвежьего праздника’; *кэйңэли* ‘ошейник для медведя’; *кэйэл* ‘приспособление для привязывания медведя’; *йали* ‘кусок мяса медведя, подарок участникам медвежьего праздника’.

К древнейшим относятся также большая часть лексем, связанных с анимистическим концептом души: *пан’а(н)* ‘душа’; *пан’ау* ‘собака или медведь, в которых перешла душа человека после его смерти’; *амба* ‘злой дух’; *амбалмачику* ‘место, где водятся злые духи, заклятое место’.

Усвоение и развитие шаманизма усложняет религиозную картину мира ульчей, что сопровождается обогащением словарного состава. Появляются единицы, описывающие подземный мир, посредником для сообщения с которым выступает шаман (*були(н)* ‘загробный мир, дорога умершего в потусторонний мир’; *булинчэ(н)* ‘духи, обитающие в подземном мире’; *кори* ‘птица, на которой шаман летит в загробный мир’); глагольные лексемы для новых духовных практик и способов взаимодействия с миром духов (*самачиву* ‘шаманить’; *мэвруву* ‘кружиться, камлать’; *пудэчиву* ‘тнать злого духа’; *сэклэмубуву* ‘напасть на злого духа’) и,

наконец, наименования ритуальных предметов, используемых шаманом (*сұна* ‘пояс шамана’; *паңға* ‘прибор для отгадывания у шамана, камень на шнурке’; *йаңпа* ‘побрякушки на поясе шамана’; *булау* ‘шаманский посох’; *холи* ‘лестница шамана’).

Литература

Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1938. 202 с.
Иващенко Л. Я., Киле Н. Б., Смоляк А. В., Старцев А. Ф. История и культура ульчей в XVII–XX вв. Спб, 1993. 176 с.

Источники

Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л., 1936.
Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков.
Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциус.
Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.; 1977. Т. 2. 992 с.
Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985. 262 с.

V. A. Gorbunova

Composition of the Ulch Religious Language

The report provides an overview of the religious terms used by the Ulch people, tracking changes in the religious lexicon back to the evolution of underlying beliefs and spiritual practices.

Keywords: Ulch language, Ulch culture, religious language, animism, shamanism

УДК: 81'367 811.512.132

Н. О. Кадырова, С. Н. Абдуллаев

*Иссык-Кульский государственный университет, Киргизия,
gulyachar.nuri@gmail.com; abdullaev.sayfullah@gmail.com*

Фразеологизированные модели простых предложений в тюркских языках

В работе авторы обращаются к фразеологизированным моделям простого предложения. Они рассматриваются в непосредственной связи с особенностями национального мышления в синтаксическом контексте. Авторами описываются отдельные синтаксические структуры такого типа.

Ключевые слова: синтаксическая конструкция, модель, моделирование реальности.

В данной работе описываются модели простых предложений фразеологизированной структуры в современных тюркских языках. Такие модели отличаются связанностью своей структуры и явно противопоставляются синтаксическим моделям, например, русского языка. В тюркских языках отмечена активность таких синтаксических структур.

Модели простых предложений фразеологизированной структуры можно подразделить на две разновидности:

1) Модели простых предложений собственно фразеологизированной структуры.

2) Модели простых предложений частично фразеологизированной структуры.

В простых предложениях собственно фразеологизированной структуры вся структура предложения «замораживается» и «схватывается» в единое целое, а правила, регулирующие синтаксические механизмы лексических вхождений, парадигматических изменений и распространения модели «пробуксовывают» в рамках всего предложения. Общими структурными чертами моделей простых предложений фразеологизированной структуры являются своеобразие структурной схемы, идиоматизация формантов предложения, присутствие в качестве постоянных элементов компонентов, типизирующих модель. В них ограничены возможности развертывания и субSTITУции [Москальская 1981: 69].

Модели глагольных простых предложений частично фразеологизированной структуры выделяются нами особо. Здесь только отдельные синтаксические позиции заполняются фразеологизмами, но при этом структурно-семантические возможности всей модели предложения оказываются связанными, что сопровождается особенностями в семантике предложений [Абдуллаев 2019: 47]. Благодаря своей семантической колоритности, жесткой синтаксической связанности компонентов посредством изафетной синтаксической связи такие модели прочно вошли в фонд предложеческих структур синтаксического строя тюркских языков.

Поскольку обсуждаемые модели квалифицируются нами не как «чистые» синтаксические фразеологизмы, их можно разбить на глагольные и именные с дальнейшим по мере необходимости подразделением. Так, глагольные модели далее делятся на одноместные, двухместные, трехместные. Кроме того, глагольные модели предложений частично фразеологизированной структуры

могут делиться на модели с субъектным членом в основном (подлежащее) и притяжательном падежах.

Моделеобразующие позиции при актуализации моделей простого предложения могут замещаться фразеологизмами. В число таких позиций попадают и позиции актантов, и позиция сказуемого. Вследствие своей структурно-семантической значимости позиция сказуемого, по сравнению с актантными позициями, стоит особняком. Такое замещение можно наблюдать на примере как одноместных, так и многоместных моделей, преимущественно с глагольным сказуемым.

Литература

Абдуллаев С. Н. Устойчивые синтаксические структуры в уйгурском языке // Предложение как единица языка и речи. Материалы Всероссийского научного симпозиума, посвященного 95-летию М. И. Черемисиной. Новосибирск, 2019. С. 46–48.

Мосальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М.: Высш. школа, 1981.

N. O. Kadyrova, S. N. Abdullayev

Phraseological Models of Simple Sentences in Turkic Languages

In this paper, the authors analyze the phraseologized models of simple sentences. They are considered in direct connection with the traits of national thinking in syntactic context. The authors describe some of these syntactic structures.

Keywords: syntactic construction, model, reality modeling.

УДК: 811.55

Вяч. С. Кулешов

Тюменский государственный университет, г. Тюмень;
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург;
Стокгольмский университет, Стокгольм;
viacheslav.kuleshov@gmail.com

Два тюркских заимствования в нивхском языке и их культурно-исторические импликации

Предложены этимологии двух слов амурского диалекта нивхского языка: *ðäla* ‘ребёнок; уроженец’ и *tem* ‘обезьяна’. Соответствующие пранивхские реконструкции **þóqláN* и **májtláN* позволяют сопоставить эти слова со среднетюркскими *oylan* ‘сын’ и *tajtun* ‘обезьяна’.

Ключевые слова: нивхский язык, пранивхская реконструкция, этимология, лексическое заимствование, тюркские языки

Настоящая работа продолжает исследования в области исторической лексикологии нивхского языка и опирается на принципы пранивхской реконструкции, изложенные ранее [Кулемшов 2010; 2012].

Основное значение первого из рассматриваемых слов *ō'la* ‘ребёнок’, хотя не менее обычны композиты *utkiō'la* ‘сын’ (*utki* ‘мужчина’ < пранивх. **ūttaN-kúN*) и *utgiō'la* ‘дочь’ (*utgi* ‘женщина’ < пранивх. **ūttaN-kúN*). Вторым столь же употребительным значением является ‘уроженец’: *tačvo* *ō'la*, *mačlafij* *ō'la* ‘уроженец с. Мачула’ (нивх. названия этого стойбища – *mačla* < пранивх. **taččálá* ‘малый Амур’ и *tačvo* < пранивх. **taččéawó* ‘малое стойбище’), *vajrp'hij* *ō'la* ‘уроженец с. Вайда’ (нивх. название этого стойбища – *vajr* < пранивх. **wájatl*).

Принадлежность корня *ō'la* к III морфонологическому классу, документируемая метафонией *k*→*g* в суффиксе множественного числа (*ō'la_ш+ku_ш* ‘ребёнок+Р1’ → мн. ч. *ō'lagu* ‘дети’) и ауслаут на *η* в сахалинской форме *eql̥η* с тем же значением позволяют реконструировать пранивхский назальный ауслаут на **N*. Реконструкция низкотонового среднего слога учитывает двусложность современной формы, указывающую на трёхсложную последовательность в пранивхском. Таким образом, налицо пранивх. (амур.) **ōdqalán* с регулярными выпадением гласного в низкотоновом слоге и фрикативизацией интервокального **q*, откуда нивх. сахалин. *eql̥η* (с нерегулярным соответствием амур. *o* ~ сахалин. *e*) и амур. *okla*, *ō'la*.

Второе слово *tem* ‘обезьяна’ характерно, по словам информантки Е. К. Ланиной (1928–2013, род. в с. Мачула Николаевского района Хабаровского края), для языка традиционного фольклора. Нивх. *e* в большинстве случаев соответствует пранивх. **é*, однако в ряде случаев развились из дифтонга **áj*,ср. нивх. амур. *hemar* ‘старик’ (*hetaíx* ‘старуха’) при нивх. сахалин. *hajtjař* с тем же значением, нивх. сахалин. *hajt-* ‘быть старым’, нивх. амур. *hažt-* ‘стареть’. Лексема со значением ‘старик’ имеет прозрачную мотивацию и представляет собою атрибутивное сочетание ‘старый мужчина’, пранивх. **hájtaN-žáta*, где второй компонент (нивх. *ar* ‘самец’ < пранивх. **žáta*) тот же, что и, например, в нивх. *arfeq* ‘петух’ (пранивх. **žátl-p:éqqá*) при нивх. *p'eq* ‘курица’ (пранивх. **p:éqqá*). Корень *tem* относится к III

морфонологическому классу (мн. ч. *metgu*), что вместе со сказанным позволяет реконструировать пранивх. *májtaN ‘обезьяна’.

Рассматриваемые слова по своей структуре не могут быть признаны исконно нивхскими, не имеют нивхской этимологии и соответствий в тунгусо-маньчжурском и монгольском материале, однако имеют точные эквиваленты в тюркском: ср. др.- и ср.-турк. *oylan* ‘сын’ и поздне-ср.-турк. *majtun* ‘обезьяна’ (это заимствование из арабск. *tautün* ‘обезьяна’ известно и большинству современных тюркских языков).

Предлагается интерпретация обоих слов как разновременных тюркских заимствований. Правдоподобна раннесреднетюркская (VIII–IX вв.) датировка пранивх. *þóqaláN, связываемая с политическим доминированием уйгурского каганата в Приамурье. Для пранивх. *májtaN предпочтительна позднесреднетюркская (XII–XIV вв.) датировка, связываемая с включением тюркских групп караханидского времени (XI–XII вв.) в общество среднеамурских чжурчжэней эпохи монгольского господства.

Литература

Кулешов Вяч. С. Сандахи и нулевой префикс в нивхском языке // Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 30–32.

Кулешов Вяч. С. Акцентная реконструкция пранивхских числительных и классификаторов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 16. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2012. С. 190–198.

Viach. S. Kuleshov

Two Turkic Loanwords in Nivkh and Their Cultural and Historical Implications

Two etymologies are proposed for the following words in Amur Nivkh: *ð’la* ‘child; native’ and *mem* ‘monkey’. Corresponding Proto-Nivkh reconstructions *þóqaláN and *májtaN make it possible to compare these words with Middle Turkic *oylan* ‘son’ and *majmun* ‘monkey’.

Keywords: Nivkh, Proto-Nivkh reconstruction, etymology, loanword, Turkic.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Россия, г. Якутск, 1953307@mail.ru

Хамнатарап ‘кумысная мутовка’ как код культуры якутов

Анализируется семантика лексемы *хамнатарап* в значении ‘кумысная мутовка’. Название кумысной мутовки как элемент бытовой лексики якутского языка входит в ядро системы культурных универсалий, относящихся к кумысному празднеству *ысыах*.

Ключевые слова: якутский язык, диалектизм, код культуры.

В систему культурных универсалий, являющихся частью кода культуры якутов (саха), входит *хамнатарап* ‘кумысная мутовка’.

Бытовая лексика, к которой относится и мутовка как часть посуды и утвари, в якутском языке языка недостаточно рассмотрена с лингвистической точки зрения. Данная тема освещена в основном в этнографических, фольклорных трудах. Так, по свидетельству Я. Линденау, «приготовляют молоко для кумыса. (...) молоко непрерывно сильно взбивают мутовкой и доводят до ферментации» [Линденау 1983: 28]; А. А. Саввин пишет: «Кумысная мутовка носит разные названия: *хамсатар*, *бишиэйэх*, *бюлор* (...) у якутов, как и у других тюрков и монголов...» [Саввин 1948: 138].

Как показал анализ диалектологических словарей, существует около 40 названий мутовки с различными функциями, из которых мутовкой для взбалтывания кумыса являются следующие: *бадъаа*, *баххах ытык*, *билиэр*, *бэниэйэх*, *кымыс хамсатар*, *мотуйар*, *муос ытык* [ДСЯЯ 1976; ДСЯС 1995].

Название кумысной мутовки *хамнатарап* или *кымыс хамнатарап* является апотропеическим. Как выяснилось в ходе работы над данной темой, внутреннюю форму *хамнатарап* невозможно раскрыть вне всего комплекса кумысной утвари. Так, в работе В. И. Иохельсона детально описывается все приспособление для взбивания кумыса у якутов (саха): «В горловину *симира* вставляется полый деревянный мундштук, который называется *конкёлой* (‘продолбленный насквозь’ от *кондой* ‘дырявый, пустой внутри’) и сквозь который в сосуд просовывается мутовка для перемешивания – *хамсатар* (от глагола *хамсат*= ‘перемешивать’). (...) Мутовка обычно делается в форме лошадиного копыта» [Иохельсон 2015: 43–44].

Полная семантика причастия *хамнатар* ‘двигающийся’ вырисовывается в эвфемистическом выражении *хамнатан эрэр* ‘начинает вымнеть (о корове, которая раньше уже телилась)’ [Пекарский 1959: 3285], т.е. глагол *хамнатар*, вероятно, относится к движениям в каком-то ограниченном пространстве, за пределами которого он не проявляется в данном значении – в значении взбалтывания кумыса мутовкой. Присутствие равнозначного *кымыс хамсатар* можно объяснить нивелированием тонкой грани данного значения в современном якутском языке.

Литература

ДСЯС: Диалектологический словарь якутского языка: Дополнительный том / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 296 с.

ДСЯЯ: Диалектологический словарь якутского языка: Содержит свыше 8500 слов / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев; АН СССР, Якут. филиал Сиб. отд-ния, Ин-т яз., литературы и истории. Москва: Наука, 1976. 392 с.

Саввин А. А. Якутский кумыс / Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск: Якутское государственное издательство, 1948. С. 117–138.

Линденгау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Иохельсон В. И. Кумысный праздник и декоративное оформление кумысных сосудов / сост. В. Коротов. Якутск: СМИК-Мастер. Полиграфия, 2015. 88 с.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. III. 3858 стлб.

E. R. Nikolaev

Khamnatar ‘koumiss whorl’ as a Code for the Culture of the Yakuts

The article analyzes the semantics of the *hamnatar* lexeme in the meaning ‘*koumiss whorl*’. *Koumiss whorl* as part of the household vocabulary of the Yakut language retains the core of the cultural universal of the *Koumiss holiday* named *Ysyakh*.

Keywords: Yakut language, dialect word, cultural code.

К. Н. Стручков

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, kstruchkov@mail.ru

О книжной культуре эвенков

Рассматривается актуальная проблема книгоиздания эвенков, одного из коренных малочисленных народов Севера, дается анализ современного состояния. Освещается история зарождения эвенкийской книги, рассматривается книжная культура эвенков: научная, учебная, художественная литература на эвенкийском языке.

Ключевые слова: эвенки, письменность, книгоиздание, история книги на эвенкийском языке, сводный каталог книг на эвенкийском языке.

В Республике Саха (Якутия) эвенкийский язык используется в сфере образования, средствах массовой информации и в области культуры.

Результаты переписей свидетельствуют о том, что по-прежнему сохраняется тенденция к утрате родного языка, продолжается процесс языкового сдвига у эвенков Республики Саха (Якутия) (РС(Я)) в сторону якутского и русского языков [Стручков 2009: 23].

Национальная библиотека РС(Я) с 1996 г. по решению Второго Всероссийского совещания по проблемам развития культуры народов Севера стала головной организацией по созданию сводного банка данных по северным территориям России. Ею составлены программы полнотекстовых баз данных литературы коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока по духовной культуре пяти народов, проживающих в РС(Я), в том числе эвенков – «Эвенкиника».

Значительным этапом является реализация проекта «Документальная память народов Севера «Книгакан», поддержанный Министерством культуры и духовного развития РС(Я) и Департаментом по делам народов и федеративным отношениям РС(Я). Большое историографическое и источниковое значение имеет главный труд Л. Н. Потаповой «Сводный каталог книг на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (3500 назв. на 23 языках). Этот первый в России ретроспективный указатель является фундаментальной базой для ведения научно-исследовательской и практической работы по различным направлениям.

Якутское правительство в 20–30 гг. усиливает свою работу в области правильного обслуживания туземного населения. На первом Всесякунском съезде малых народностей Якутии от 11 февраля 1927 г. принято решение об усилении политико-просветительной и культурной работы, в том числе о книжной продукции. Стали создаваться культбазы. Стали необходимыми буквари и учебники на родных языках. Началось преподавание эвенкийского языка в школах. В связи с этим начинается активный процесс разработки письменности и книг для малых народов, попытки создания различных алфавитов [Потапова 2008: 27].

Первые учебники по эвенкийскому языку появились в 1928–1929 гг. Другим приоритетным направлением книгоиздательства остается выпуск книг художественной литературы.

В 2016 г. началась реализация Программы поддержки национальных литератур народов России, ее целью является сделать достоянием широкого круга читателей современные национальные литературы. Подготовлены антологии переводов современной прозы, поэзии, детской литературы эвенков.

Все это позволяет надеяться, что книгоиздание на эвенкийском языке получит еще больший импульс развития.

Литература

Потапова Л. Н. Книжная культура эвенков. Методическое пособие. Якутск, 2008. 121 с.

Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край: естеств.-ист. описание. Т. 1–2. СПб., 1900. С. 517.

Стручков К. Н. Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2009. 120 с.

K. N. Struchkov

Book Culture of the Evenks

The article examines the relevant problem of book publishing of the indigenous minor nation of the North – the Evenks; an analysis of its current state is given. We cover the history of the origin of the Evenki book, the book culture of the Evenks, the academic, educational literature, and fiction in the Evenki language.

Keywords: Evenki, writing, book publishing, history of books in the Evenki language, a consolidated catalog of books in Evenki.

УДК: 81.362

И. М. Чебочакова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, irina.chebochakova@mail.ru

Терминологическая комиссия при МОН РХ: аспекты работы

Рассматриваются основные аспекты работы Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия в области хакасского языка: научно-организационное, переводческое, информационное, популяризационное направления ее деятельности.

Ключевые слова: хакасский язык, терминология, перевод, нормирование, словарь.

В тезисах освещается работа в области хакасской терминологии и языкового планирования в Республике Хакасия на примере Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия.

В настоящее время в регионе наблюдается двойственная ситуация: с одной стороны, хакасский язык является языком с узкой сферой функционирования со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями; с другой стороны, проявляется общественная потребность в виде интереса к хакасскому языку. По этим причинам перед исследователями хакасского языка стоят актуальные задачи по решению вопросов, связанных с упорядочением переводов, терминологии, созданием двуязычных отраслевых словарей, практических грамматик и др.

В 2004 году была создана Терминологическая комиссия при Министерстве образования и науки Республики Хакасия в целях принятия согласованных решений по использованию, развитию хакасского языка в сфере образования, науки, научно-технической деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Хакасия [О терминологической комиссии...]. Рассмотрим направления ее деятельности на конкретном примере – работе комиссии в 2019 г. В течение года Терминологическая комиссия при МОН РХ вела работу по следующим направлениям:

1. Научно-организационная. Проведено четыре заседания комиссии, на которых были выслушаны доклады лингвистов и практиков об актуальных проблемах хакасской терминологии, орфографии, пунктуации (М. А. Медведевой, А. С. Кызласова, З. И. Султрековой), о тематическом словаре (М. Д. Чертыковой), о

словаре фитонимов (З. Е. Каскараковой), об особенностях использования хакасского языка в СМИ (С. Н. Чанковой). Также обсуждались словарные статьи «Краткого русско-хакасского словаря учебно-методических терминов» (авторы: А. Н. Балгазина, М. П. Боргоякова, З. Е. Каскаракова).

2. Научно-прикладная, переводческая. Обсуждались и согласовывались проблемы перевода названий организаций на хакасский язык, поступивших в Терминологическую комиссию. Подготовлены рекомендации по переводу аббревиатур и сокращений с русского на хакасский язык, относительно которых ранее не было единых норм перевода.

3. Информационная. Решения Терминологической Комиссии при МОН РХ и результаты ее работы в течение 2019 г. освещались в республиканских СМИ.

4. Популяризационная. В целях распространения научных знаний о хакасском языке, его истории, терминологии были представлены выступления на различных республиканских мероприятиях.

Терминологическая комиссия при Министерстве образования и науки продолжает выполнять возложенные на нее функции научно-консультативного органа для обсуждения и принятия согласованного решения по проблемам развития хакасского языка. Ее решения и рекомендации содействуют внедрению хакасского как второго государственного языка РХ в жизнь общества. Это отражается на повышении значения хакасского языка как одного из государственных языков в Республике Хакасия.

Литература

О терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия на 2018 год: <https://r19.ru/upload/iblock/641/Prikaz-o-Terminologicheskoy-komissii-pri-Minobrnauki-RKH.pdf> (Дата обращения: 25.07.2020).

I. M. Chebochakova

Terminology Commission of MES of Republic of Khakassia: aspects of the work

The article is devoted to the main aspects of work of the Terminological Committee under the Ministry of Education and Science of Republic of Khakassia in the field of the Khakas language. Academic and organizational, translation, informational, and popularization activities are considered.

Keywords: the Khakass language, terminology, translation, normalization, dictionary.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

УДК 81'44: 81'342.2

И. Я. Селютина

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
siya_irina@mail.ru*

Артикуляционно-акустическая база: универсальное в специфичном²²

Сетка оппозиций, сформулированных в теории артикуляционно-акустической базы (ААБ), рассматривается как универсалия, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в специфичных ААБ, каждая из которых характеризуется уникальным пучком корреляций и модусов и является маркером культурно-языковой идентичности.

Ключевые слова: вербальные традиции, лингвистические универсалии, фонетическая типология, артикуляционно-акустическая база, культурно-языковая идентичность.

В исследованиях по лингвистике универсалий основным объектом являются универсалии фонико-фонологического характера [Успенский 1965: 182–222] – фонология имеет стратегическое значение для формирования методологии общественных наук. К. Леви-Стросс отмечал, что принципы описания, сформулированные в фонологии, могут быть использованы не только при изучении различных ярусов языка, но и в процессе анализа системно организованных объектов гуманитарного знания.

ААБ как система произносительных навыков и их акустических коррелятов, свойственная этносу и через этнос – языку [Наделяев 1986], не являлась предметом непосредственного анализа в исследованиях лингвистических универсалий. Поскольку ААБ – основная составляющая любого языка как средства вербальной коммуникации, непреложное условие осуществления процесса речепроизводства и речевосприятия, то логическое заключение о том, что всякому языку свойственна своя артикуляционно-

²² Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, языки» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

акустическая база, является культурно-языковой универсалией. Это теоретическое допущение дедуктивного характера подтверждается всеми реально существующими и известными науке языками.

Актуализация теории ААБ как информационного источника в области культурной антропологии возможна лишь при достаточной разработанности типологической классификации ААБ, основанной на корректном и всестороннем описании потенциальных доминант – определяющих артикуляционных настроек в единстве с их акустическими соответствиями [Артикуляторные базы... 2012]. Сформулированная при разработке теории и типологии ААБ сетка оппозиций может рассматриваться как универсалия, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в специфичных ААБ-системах, каждая из которых характеризуется своим уникальным пучком корреляций и модусов и является одним из маркеров в оппозиции «свой» – «чужой».

Литература

Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии) / И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, А. Ю. Летягин и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 372 с.

Надеяев В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3–15.

Успенский Б. А. Структурная типология языков. М.: Наука, 1965. 287 с.

I. Ya. Selyutina Articulatory-Acoustic Base: Universal in the Specific²³

The grid of oppositions formulated in the theory of articulatory-acoustic base (AAB) is considered as a universal, abstract construct that is implemented in certain languages in specific AAB systems, each of which is characterized by a unique bundle of correlations and modes and is one of the main markers of cultural-linguistic identity.

Keywords: verbal traditions, linguistic universals, phonetic typology, articulatory-acoustic base, cultural and linguistic identity.

²³ This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

УДК: 81'342

Н. С. Уртегешев

Институт филологии СО РАН, г Новосибирск,
urtegeshev@mail.ru

Прерывистые гласные в языках коренных народов Сибири²⁴

Работа посвящена специфическим гласным – прерывистым, которые часто в сибирских языках определяются как «чистые» долгие. По нашим слуховым наблюдениям, а также экспериментально-фонетическим данным эти звуки являются сложными по своей природе. Мы их определили следующим образом: сложные звуки, состоящие из двух вокальных компонентов – ядер, разделенных вокализованным ларингалом, облигаторно фарингализованные.

Ключевые слова: языки коренных народов Сибири, фонетика, вокализм, гласные, долгие, прерывистые, двуядерные, фарингализация.

Анализ шорского вокализма позволил выявить разные типы долгих гласных: «чистые» или непрерывистые и прерывистые. Первый тип самостоятельно не функционирует, он возникает в определенной позиции, т.е. является позиционным типом. В шорском языке широкие гласные в препозиции к узким удлиняются. Этот факт известен достаточно давно [Дыренкова 1941: 7–10; Бабушкин, Донидзе 1966: 468; Бородкина 1977: 11–20]: *ат ‘имя’ – а:ды ‘имя=его’, эт ‘мясо’ – э:ди ‘мясо=его’*.

Второй тип, «вторичная долгота», связанная с прерывистыми гласными [Уртегешев 2012], определяется исторически: *оол – оғыл ‘парень’, аал – ағыл ‘селение’* и т.д.

По нашим слуховым наблюдениям, а также экспериментально-фонетическим данным прерывистые звуки, объект нашего исследования, являются сложными по своей природе. По экспериментальным данным их можно определить как сложные гласные, состоящие из трех компонентов: двух вокальных – ядер, разделенных вокализованным ларингалом (межвокальное

²⁴ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, языки» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

заполнение); сопутствующим дополнительным признаком облигаторно выступает фарингализация. Такие гласные образуют один слог, чем обеспечивается их фонетическая целостность. Фонологическим свойством является их потенциальная нечленимость на три фонемы.

Кроме шорского языка, двуядерные гласные были зафиксированы в других тюркских языках: чулымском, барабинско-татарском, теленгитском (записи 70-х гг. XX в.), телеутском. Так называемые фарингализованные гласные тувинского и туба языков ни что иное, как данный тип гласных.

Двуядерные гласные были зафиксированы в сургутском диалекте хантыйского языка.

Если в хантыйском и тувинском языках пока можно строить гипотезы об их происхождении (например, древнее состояние: особый тип комбинации – гласный + смычный ларингал + гласный – по ненецкому типу), то в прочих перечисленных языках, как и в шорском, имеют вторичное происхождение: результат выпадения согласного в интервокальной позиции.

В сургутском диалекте хантыйского языка и в барабинско-татарском в группе прерывистых были выделены две подгруппы: 1) долгие прерывистые гласные полного образования; 2) долгие прерывистые гласные неполного образования [Уртегешев 2003: 78–106; Уртегешев, Кошкарева 2017: 72–97; 2018: 180–207].

Литература

Бабушкин Г. Ф., Донидзе Г. И. Шорский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. Т. II: Тюркские языки. С. 467–481.

Бородкина И. П. Состав гласных в мрасском диалекте шорского языка // Языки народов Сибири. Кемерово, 1977. С. 11–20.

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р., Вильданов А. З. Язык барабинских татар // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. Вып. 10. Экспедиционные материалы. С. 78–106.

Уртегешев Н. С. Шорский язык: фарингализация гласных // Материалы междунар. науч. конф. «Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию со дня рождения В. М. Наделяева), Кызыл, 20–23 мая 2012 г. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2012. С. 41–43.

Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б. Система долгих гласных звуков первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник угроведения. Научно-теоретический и методический журнал. № 3 (30). Ханты-Мансийск, 2017. С. 72–97.

Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б. Инвентарь прерывистых гласных фонем в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал, №1, 2018. С. 180–207.

N. S. Urtegeshev

**Broken Vowels in the Languages
of the Indigenous Peoples of Siberia²⁵**

The work is devoted to specific discontinuous vowels, which are often defined as ‘pure’ vowels in Siberian languages. According to our auditory observations, as well as experimental phonetic data, these sounds are complex in nature. We defined them as follows: complex sounds consisting of two vocal components – nuclei separated by a vocalized laryngeal, obligatorily pharyngalized.

Keywords: indigenous languages of Siberia, phonetics, vowels, long, long vowels, intermittent, dual-core, pharyngealization.

УДК: 81'34-512.2

Т. Е. Андреева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, taan2001@mail.ru

Характерные особенности говоров эвенкийского языка

Рассматриваются характерные особенности говоров эвенкийского языка (на материалах языка эвенков Якутии). В них можно проследить общность и различия с другими говорами, а также свои особенности, не встречающиеся в других говорах.

Ключевые слова: лексика, фонетика, говоры, эвенкийский язык.

«Язык эвенков Якутии ...представлен четырьмя говорами восточной диалектной группы: токкинским, томмотским, тимптонским, учурским» [Романова, Мыреева, Барашков 1975: 26].

²⁵ The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

Первые описания звукового строя этих говоров были даны А. В. Романовой, А. Н. Мыреевой в диалектологических очерках, в которых авторы опирались на слуховой метод [1962; 1964]. В 1988 г. опубликована монография Т. Е. Андреевой «Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. Экспериментально-фонетическое исследование», в которой представлены результаты, полученные объективными экспериментально-фонетическими методами.

Целью данной работы является описание фонетических и лексических особенностей говоров эвенкийского языка.

Звуковой строй говоров восточной диалектной группы в количественном отношении не отличается от других говоров эвенкийского языка: он содержит 11 гласных и 18 согласных фонем, их фонологический статус подтверждается различными лингвистическими методами.

В отличие от других восточных говоров, в учурском а) сохраняется начальный *h*-; группа соответствий *x ~ c* и др.; б) наблюдается наличие неассимилированных сочетаний *нð* и *лð*.

Е. И. Убрытова, рассматривая язык как исторический источник, отмечала, что вся жизнь народа находит своеобразное отражение в его языке. В лексике восточных говоров выделяются общеевенкийские слова – наиболее древняя и устойчивая ее часть; ряд слов, характерных только для этих говоров; значительное количество заимствованных слов из якутского (названия предметов быта, жилищ, домашних животных и др.) и русского языков (лексемы, относящиеся к городской культуре и общественно-политическим терминам).

В учурском говоре фиксируется также ряд лексем, происхождение которых не удалось выяснить. Большая часть этих слов имеет суффиксы, характерные для эвенкийского языка: *д'акна-* ‘укрепиться, стать устойчивым (о суставах)’, *умдэк* ‘нора мелких зверьков’, *тэлгэн* ‘имущество, состояние, богатство’, *нараган* ‘жара, зной’, *чучи* ‘тальниковая дужка, прикрепляемая к головной части детской зыбки’ и др.

Таким образом, говоры восточной диалектной группы некоторыми фонетическими и лексическими особенностями относятся к секаче-хакающей группе восточных диалектов. Констатируется влияние фонетики якутского и эвенского языков [Мыреева 1964: 65; Романова 1964: 146].

В области лексики говоры эвенков Якутии имеют как общность, так и некоторые различия.

Литература

Андреева Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Наука, 1988. 144 с.

Романова А. В., Мыреева А. Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.-Л.: Наука, 1964. 171 с.

Романова А. В., Мыреева А. Н. Очерки токкинского и томмотского диалектов (Дialectические материалы по говорам эвенков Якутской АССР). М.-Л.: Наука, 1962. 106 с.

T. E. Andreeva Characteristic Features of Evenki Dialects

The article is devoted to the characteristic features of the dialects of the Evenki language (based on the materials of the Evenki language of Yakutia). We trace their common features and differences with other dialects, as well as their own features that are not found in other dialects.

Keywords: lexical, phonetic, dialects, features, Evenki language.

УДК 811.512.151 + 81'28

Н. Д. Алмадакова

*Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск, ndalmadakova@mail.ru*

Долгий гласный уу в говорах улаганского диалекта телеңгітского языка

Долгому гласному *үү* в первом слоге в большинстве говоров улаганского диалекта теленгитского языка соответствуют дифтонги *oa*, *ua* в тёлесском (чолушманском) говоре и краткий гласный *ү* в алтайском языке. Долгий гласный *үү* – результат элизии интервокального, аудио-согласного, ассимиляции, удвоения гласного.

Ключевые слова: улаганский диалект, тёлесский (чолушманский) говор, долгий гласный, дифтонг.

Теленгитский язык подразделяется на два диалекта: улаганский и чуйский. Улаганский диалект распределяется на шесть говоров: балыктуольский (бал.), кара-кудюрский (к.-к.), саратанско-язулинский (с.-яз.), чибитский (чибит.), чибилинский (чибил.), тёлесский (чолушманский) (тёл.).

Традиционно в тюркологии долгие гласные по происхождению делятся на «первичные» и «вторичные». Вопрос о первичности и вторичности возникновения долгих гласных в тюркских языках

является одним из самых трудных и проблематичных [Щербак 1961: 34], не разрешённым окончательно [Бишиев 1963; Боргояков 1966] и привлекает внимание исследователей по настоящее время [Дыбо 2015].

В бал., с.-яз., к.-к., чибил., чибит. говорах улаганского диалекта долгий гласный *үү* употребляется в корневых словоформах-моносиллабах, составляющих четыре типа слов: 1) VC (*үүл* ‘юноша’), 2) VCC (*үүрт* ‘глоток’), 3) CVC (*յүүк* ‘близкий’), 4) CV (*туу* ‘гора’). Долгому гласному *үү* в приведенных выше словоформах соответствует дифтонг (*օալ/үал*, *օар/үарт*, *тоа*) в тёл.

В бал., с.-яз., к.-к., чибил., чибит. говорах словоформы-бисиллабы подразделяются на четыре типа слов: 1) V-CV (*үүры* ‘воровство, кражा’), 2) CV-CV (*յүүлуу* ‘тепло, тёплый’), 3) CV-CVC (*ңүүдай* ‘пшеница’), 4) CVC-CVC (*куушкан* ‘подхвостник’). Долгий гласный *үү* в приведенных словоформах является следствием элизии интервокального и ауслаутного согласного. Долгому гласному *үү* первого слога в приведенных выше словоформах соответствует дифтонг *уа* (*үары*, *ңүадай*, *куашкан*) в тёл.

В тёл., в отличие от всех других говоров, существует также тип CVC-CV, представленный словом *куйруу* ‘хвост’, в котором долгий гласный образовался в результате выпадения ауслаутного согласного:ср.: *куйрук* в остальных говорах улаганского диалекта, а также в чуйском диалекте теленгитского языка и алтай-кижи диалекте.

Некорневые словоформы-моносиллабы с долгим гласным *үү* представляют тип CVC: *куүш* ‘затаивание зла на кого-л.’, долгому *үү* соответствует дифтонг *в* в тёл.: *куош* (*куаш*).

Некорневые словоформы-бисиллабы со словообразовательным аффиксом представляют четыре типа слов: 1) V-CV (*үүры* ‘воровство’ пример неправильный), 2) VC-CVC (*айруүш* ‘вили’), 3) CV-CVC (*тоосуул* ‘засада’), 4) CVC-CVC (*тырмуүш* ‘грабли’).

Некорневые словоформы со словоизменительными аффиксами подразделяются на бисиллабы (*ү-гүүс* ‘род=наш’, *үс-үүс* ‘мастерство=нашое’) и трисиллабы (*ку-су-гүүс* ‘орех=наш’, *бал-дар-үүс* ‘дети=наши’).

Таким образом, долгий гласный *үү* в говорах улаганского диалекта теленгитского языка, а также в чуйском диалекте теленгитского языка и алтай-кижи диалекте – это результат элизии интервокального гласного в корне и в аффиксе, следствие ассимиляции и удвоения гласного *үү*. Долгому гласному *үү* в первом слоге корневых словоформ в большинстве говоров улаганского диалекта, в чуйском диалекте теленгитского языка и

алтай-кижи диалекте соответствуют дифтонги *oa*, *ua* в тёлёсском говоре.

Литература

Биишев А. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа: БФАН, 1963. 126 с.

Боргояков М. И. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Учёные записки Научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан, 1966. С. 81–98.

Дыбо А. В. О «первичных» долготах в тюркских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2015. Т. 13. Вып. 1. С. 6–14.

Цербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из восточного Туркестана. М–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 203 с.

N. D. Almadakova

Long Vowel *yy* in the Subdialects of the Ulagan Dialect in the Telengit Language

The article discusses nominal word forms with a long vowel *yy* in the Ulagan dialect of the Telengit language. The long vowel in these subdialects corresponds to the diphthongs [oa], [ya] in the Tjolos (Cholushman) subdialect. In most Telengit bisyllabs, the long vowel [y] corresponds to the short vowel [y] in Altai.

Keywords: long vowel, diphthong, Tjolos (Cholushman) subdialect.

УДК 811.512.37

C. M. Трофимова

*Калмыцкий государственный университет
имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, trofimovast@mail.ru*

Ойратский консонантизм: увулярные согласные калмыцкого языка и языка ойратов Монголии²⁶

Работа посвящена сравнительному исследованию увулярных согласных в калмыцком языке и языке ойратов Западной Монголии на предмет выявления интерференционных изменений в

²⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-МинОКН Монголии, проект №19-512-44006.

миноритарном языке, более открытом к заимствованиям из доминирующего идиома.

Ключевые слова: калмыцкий язык, язык ойратов Западной Монголии, консонантизм, увулярные согласные, взаимодействие языков.

Предки носителей калмыцкого языка и языка ойратов Монголии составляли северо-западный ареал монгольских языков, которые локализовались в регионе Центральной Азии. Смешиваясь с тюркскими племенами, они образовали группу прамонгольских племен, получивших у историков название шивей. Впоследствии эта группа распалась на три более мелких ареала – ойратский, бурятский и халхаский. Часть ойратов перекочевала в Приволжские степи, образовав калмыцкое ханство, здесь они приняли российское подданство и вошли в состав Российской империи. Прошло более 400 лет с тех времен, как калмыки стали испытывать все возрастающее влияние со стороны русского языка на свой язык. Другая часть ойратов продолжала оставаться на территории северо-западной Монголии и испытывала сильное влияние со стороны халхаского языка [Рассадин, Трофимова 2013: 3].

Цель нашей работы – установить взаимодействие этих языков на фонетическом уровне на предмет выявления интерференционных изменений в миноритарном языке, более открытом к заимствованиям из доминирующего идиома. Материалом исследования по калмыцкому языку послужили работы А. Ш. Кичикова «Дербетский говор» [1963], привлекались также наши собственные наблюдения. Материал по языку ойратов Монголии нами взят из работ Э. Вандуя [1962; 1965] и Ж. Цолоо [1988]. Кроме того, мы пользовались «Грамматикой калмыцкого языка» [1983] и «Калмыцко-русским словарём» под редакцией Б. Д. Муниева [1977].

Увулярные согласные по месту их образования образуются в ротовой полости и по участию в артикуляции активного речевого органа маленького язычка. В современном калмыцком языке и в языке ойратов Западной Монголии имеется два увулярных согласных: *x* (в фонетической транскрипции обозначается знаком χ) и *h*, обозначающий два увулярных согласных *χ̥* (смычный вариант) и *χ̥̥* (щелевой вариант) одной фонемы, на письме обозначается буквой *h* (*aš*), не соответствующей реальному произношению [Рассадин, Трофимова 2018: 15].

В начале и в конце твердорядных слов в калмыцком и ойратском языках употребляется глухой ртовый увулярный щелевой согласный *x*, например: *хувай* ‘янтарь’, *хувцайн* ‘одежда’,

хавар ‘весна’, *ахалхай* ‘начальствовать’. Увулярный щелевой согласный *х* встречается также в начале и середине мягкорядных слов, например: *бэхэ* ‘быть, находиться’, *ирхэ* ‘приходить’, *медхэ* ‘знать’. Исходя из приведенных примеров, можно сказать, что данный согласный *х* употребляется в мягкорядных словах, что не соответствует реальному произношению.

Что касается причастий будущего времени, то здесь чаще используется щелевой *х* как в твердорядных, так и в мягкорядных словах. В языке ойратов Монголии причастие будущего времени, как правило, выступает со звуком *кх* с глаголами мягкого ряда, появляющийся, например, в слове *киикхэ* ‘делать’, в калмыцком *кеехэ* с тем же значением. Следует отметить, что использование щелевого *х* в словах мягкого ряда можно объяснить тем, что они когда-то были словами твёрдого ряда, в которых древний смычный *к* (*q*) перешёл в щелевой *х*; если в слове встречался гласный **i*, то оно подвергалось опереднению и становилось мягкорядным, например: *хөртн* ‘двадцать’ < др.-монг. *qorin* id., *хөөн* ‘овца’ < др.-монг. *qonin* id.

Следует отметить, что древнемонгольская смычная фонема **q* в твёрдорядных словах переходит в щелевой глухой *х*. Это можно наблюдать в халха-монгольском и бурятском языках: др.-монг. *qorin* – общедерб. *хөртн*, х.-монг. *хорь* // бур. *хорин* ‘двадцать’; др.-монг. *qadququ* – общедерб. *хатхахай*, х.-монг. *хатгах*, бур. *хадхаха* ‘колоть, пронзять’ [Рассадин 1982: 150].

Сравнительный анализ увулярных согласных *х*, *h* в калмыцком языке и в языке ойратов Западной Монголии показывает, что существенной разницы между ними нет. Эти согласные северо-западной группы монгольских языков сохраняют характер консонантизма, поскольку в этих языках сохраняется смычный характер древней фонемы **k* в мягкорядных словах, а в твёрдорядных произносится щелевой увулярный *х*.

Литература

Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста. 1983. 336 с.

Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М., 1977. 768 с.

Кичиков А. Ш. Дербетский говор. (Фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.

Рассадин В. И., Трофимова С. М., Чулунбаатар Л. Язык дербетов России и Монголии. Элиста: изд-во Калм. ун-та, 2013. 184 с.

Рассадин В. И., Трофимова С. М. Краткая практическая грамматика современного калмыцкого языка. Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2018. 120 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 200 с.

Вандуй Э. Дөрвөд аман аялгууны зарим онцлогоос. Улаанбаатар, 1962. 40 с.

Вандуй Э. Дөрвөд аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965. 176 с.

Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988. 943 с.

S. M. Trofimova

Oirat consonantism: uvular consonants of the Kalmyk language and the Oirat language of Mongolia

The article is devoted to a comparative study of uvular consonants in the Kalmyk language and the language of the Oirats of Western Mongolia for the purpose of identifying interference changes in the minority language, which is more open to borrowing from the dominant idiom.

Keywords: Kalmyk language, Oirats language of Western Mongolia, consonantism, uvular consonants, interaction of languages.

УДК: 811.512.212

E. I. Беседина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, г. Санкт-Петербург, elivbesedina@mail.ru

Звукосимволизм эвенкийских обозначений округлого

Приводятся результаты исследования корпуса эвенкийских обозначений округлого с применением стандартных статистических методов анализа экспериментального материала и выявляется корреляция между наличием лабиальных и окружностью денотата в анализируемом языке.

Ключевые слова: звукосимволизм, понятие округлого, фонемотип лабиальных, эвенкийский язык.

Корпус эвенкийских обозначений округлого (90 лексем) и фоновая выборка (440 лексем), полученные из «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» [1977], были отобраны с учетом данных об этимологии слов, значение и история которых tolkуются в словаре с помощью русских переводов и различного рода лексикографических помет.

Корпус обозначений округлого и фон были обработаны на наличие лабиальных. Под лабиальными понимались как губно-губные и губно-зубные согласные, так и огубленные гласные. К данному фонемотипу в эвенкийском были отнесены фонемы /b/, /p/, /v/, /m/, /l/, /o:/, /u/, /u:/ и /je:/.

Для обработки материала применялись стандартные статистические методики, обеспечивающие для выборок достаточно большого объема ($n \geq 30$) надежные оценки таких параметров произвольно распределенной случайной величины, как: –среднее значение производно распределенной величины по генеральной совокупности (μ), и V_μ – коэффициент вариации среднего значения случайной величины [Носенко 1981].

Анализ материала дал следующие результаты: для лабиальных в целом $\mu = 0,410 \pm 0,044$, $V_\mu = 5, 4\%$ и $\mu/\mu_\phi 2, 01 \leq 2, 5 \leq 3, 11$; для гласных $\mu = 0,237 \pm 0,050$, $V_\mu = 10, 5\%$, а $\mu/\mu_\phi 1, 21 \leq 1, 78 \leq 2, 57$, для согласных $\mu = 0,643 \pm 0,065$, $V_\mu = 5, 1\%$ и $\mu/\mu_\phi 2, 56 \leq 2, 25 \leq 4, 17$, то есть во всех случаях величина μ/μ_ϕ значительно больше 1.

Для слов корпуса с лабиальными фонемами были получены следующие результаты: $\mu = 0,978 \pm 0,003$, $V_\mu = 1, 5\%$ и $\mu/\mu_\phi 1, 68 \leq 1, 90 \leq 2, 16$; для монолабиальных – $\mu = 0,295 \pm 0,095$, $V_\mu = 16, 6\%$, $\mu/\mu_\phi - 0, 20 \leq 0, 40 \leq 0, 58$; для полилабиальных – $\mu = 0,705 \pm 0,095$, $V_\mu = 6, 9\%$, $\mu/\mu_\phi - 1, 87 \leq 2, 64 \leq 2, 95$, в том числе для билабиальных величина $\mu/\mu_\phi 0, 33 \leq 1, 67 \leq 10, 58$ (*бор* ‘холм’; *кото* ‘зоб’); для трилабиальных – $1, 23 \leq 3, 33 \leq 10, 58$ (*тоуолло* ‘круглый предмет’, *чомо* ‘чаша’), для тетралабиальных – $5, 6 \leq 25, 0 \leq 10, 58 \infty$ (*бокото* ‘шишка’; ‘орех’; ‘почка’). Для пента- и гексалабиальных величина не определена, т.к. в выборке данные образования представлены единичными лексемами, а в фоне отсутствуют (*помро* ‘голова’, *момбокто* ‘шар’ ‘холм’).

Средняя статистическая насыщенность лабиальными (d) соответствует 0,39 для округлого и 0,18 для фона. Для слов с инициальными лабиальными получены следующие величины: $\mu = 0,444 \pm 0,103$, $V_\mu = 11, 7\%$, $\mu/\mu_\phi - 1, 35 \leq 2, 08 \leq 3, 16$.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что эвенкийские обозначения округлого характеризуется: (1) превышением частоты появления фонемотипа лабиальных в среднем в 2,5 раза по сравнению с фоновой выборкой, представляющей данный язык в целом, при этом звукосимволическая функция гласных проявляется ярче; (2) тем, что важная роль в передаче символики округлого отводится полилабиальным лексемам, частота появления которых в среднем в

2,6 раза выше, чем в фоне, причем средняя насыщенность лабиальных выборки почти в 2 раза превышает соответствующую величину в фоне; (3) значительной долей полилабиальных лексем, вероятность появления которых в среднем в 3 раза превышает их появление в фоновой выборке.

Все вышесказанное свидетельствует о наличии в данном языке одно-однозначной связи между наличием лабиальных и округлостью денотата и находится в полном соответствии с полученными ранее результатами [Besedina 2016: 20–24].

Литература

Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. М.: Высшая школа, 1981. 157 с.

Besedina Ye. Sound Symbolism in Designations of Roundness. Anglistics of the XXI century, vol. 2. St. Petersburg: [s. n.], 2016. P. 20–24.

Источники

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. 1–2.

E. I. Besedina

Sound Symbolism in Evenki Designations of Roundness

In this article, we study the Evenki designations of roundness by methods of experimental data processing, and demonstrate the correlation between the labials and the idea of roundness.

Keywords: experimental data processing, the Evenki language, labial phonotype, idea of roundness, sound symbolism.

УДК: 81'367 811.512.132

С. Н. Абдуллаев, Н. Ш. Эркебуланова

*Иссык-Кульский государственный университет, Киргизия,
abdullaev.sayfullah@gmail.com*

*Международный университет Кыргызстана, Киргизия,
nerkebulanova@gmail.com*

Надфразовый и полипредикативный уровень выражения ментальных единиц

Тезисы обращаются к полипредикативному и надфразовому синтаксису. Объект описания – текстовые и полипредикативные

структуры. Они рассматриваются в непосредственной связи с особенностями национального моделирования событий в синтаксическом контексте. Авторами описываются отдельные такие синтаксические структуры на материале разных языков.

Ключевые слова: полипредикативная конструкция, модель, показатель связи, моделирование реальности.

В данной работе преследуется цель осмыслить отражение особенностей моделирования отношений между отдельными событиями в моделях полипредикативных конструкций и в рамках текста. Мы исходим из того, что модели полипредикативных конструкций, как и другие единицы языка, связаны со спецификой конкретных языков в области оформления мыслительной деятельности [Абдуллаев 1983: 110].

Когда современные авторы обращаются к вопросам репрезентации концептов, в специальных работах чаще описываются лексические и близкие им единицы. Мы сочли возможным акцентировать и грамматические возможности языка, когда целостный синтаксический контекст является релевантным способом выражения концепта.

Язык может демонстрировать свое своеобразие при выражении концепта на уровне синтаксических конструкций и текста. В лингвистическом смысле термин «текст» понимается достаточно широко. Такие способы овеществления концептов в работе мы называем синтаксическим контекстом.

Примером синтаксического контекста может быть ментальный диалог-обмен мысле-суждениями в популярном американском фильме «Спирит». Кульминационным моментом фильма является прыжок во время погони через огромную пропасть.

Just not there! «Только не туда!»

Only there! «Только туда!»

Чтобы выразить максимально объем понятия «свобода» в английском языке использован прием дейксиса. Свобода – это *туда*. Данный репрезентант употреблен в аспекте художественного решения при использовании приема повтора, в котором обыгрывается оппозиция «отрицание – утверждение»:

–*Just not there!* Только не туда

–*Only there!* Только туда!

Семантическое усиление достигается за счет употребления ограничительно-усилительной частицы *only* «только».

В повести Ч. Айтматова «Белый пароход» собственно про белый пароход написано относительно малое количество строк. Они строятся при помощи простых коротких фраз. Эти фразы словно отсчитывают время сказки, которая тает. Параллелизм предложений в данном случае выступает в качестве средства межфразовой связи:

Белый пароход удалялся. Уже не различить было в бинокль его труб. Скоро он скроется из вида. Пароход ушел, исчез. Вот и кончилась сказка о белом пароходе. Надо домой.

В тюркской речи параллелизм обычно сглаживается благодаря использованию соотносительно-местоименных средств межфразовой связи, стягивающих рядом расположенные предложения-фразы в полипредикативные конструкции сильной синтаксической связью.

Литература

Абдуллаев С. Н. Сложноподчиненные предложения времени в тюркских языках // Тюркские языки Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 108–122.

S. N. Abdullaev, N. Sh. Erkebulanova

Supra-Phrasal and Polypredicative Level of Expression of Mental Units

The article addresses the polypredicative and supra-phrasal syntax. The object is considered in direct connection with the features of national event modeling in the syntactic context. The authors describe separate models of such syntactic structures.

Keywords: polypredicative construction, model, indicator of subordination, reality modeling.

УДК: 811.112.2

Т. П. Филистович

*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, tatiana-p@inbox.ru*

Конъюнктив как средство выражения модальности (на материале произведений российских немецких авторов Южной Сибири и Казахстана)

Работа посвящена анализу употребления форм сослагательного наклонения (конъюнктива) в немецком языке как одного из средств выражения модальности для передачи значения реальности и

ирреальности в произведениях писателей-российских немцев Южной Сибири и Казахстана.

Ключевые слова: лингвистическая универсалия, модальность, наклонение глагола, конъюнктив.

Одной из лингвистических универсалий является модальность. Это функционально-семантическая категория естественного языка, охватывающая совокупность значений, характеризующих как отношение высказывания к действительности, так и отношение говорящего к содержанию его высказывания [ЛЭС 1990: 303].

Основное средство оформления модальности – глагольное наклонение. Одно из трех наклонений в немецком языке – сослагательное (конъюнктив). Целью нашего исследования является анализ функциональных возможностей конъюнктива в произведениях российских немецких авторов А. Дитца, В. Гейнца, В. Гердта, П. Классена, В. Вебера и Х. Бельгера. Эти возможности весьма широки, и писатели используют всю палитру передачи с помощью форм конъюнктива значений ирреальности и реальности как в простом, так и сложном предложении. Так, в текстах встречаются презентные формы конъюнктива в самостоятельных предложениях, не имеющих оттенка ирреальности. Это патетичные высказывания с оптативной модальностью: *An der Einfahrt prangte auf einem Torbogen der Spruch: „Es lebe unsere sozialistische Heimat!“* [Классен 1994: 194] или устойчивые выражения с модальностью желательности, воспринимающиеся как междометия [Гулыга, Натанzon 2004: 180–181]: *Gott bewahre, dass jemand ohne Teller, Gabel oder Weinglas blieb...* [Дитц 1994: 50]. Претеритальные формы конъюнктива тоже не имеют значения ирреальности при констатации определенного реального факта: „*Na, das wär's. Das wär's!*“ *sagte Harry zu sich selbst* [Бельгер 1998: 45]. Модальность ирреальности появляется в предложениях, выражающих невыполнимое желание или желание, которое может реализоваться, и имеющих структуру условного придаточного: *Wenn nur der Regen aufhören würde!* [Гейнц 1994: 98]. Претеритальные формы конъюнктива используются и для передачи потенциально-ирреального значения, а также для выражения различных оттенков ирреальной обусловленной возможности: *Pawel Wassiljewitsch hätte den Wirt gern in die Küche gebeten, er hätte gern ein Gläschen getrunken,...* [Дитц 1994: 61].

Российско-немецкие авторы широко используют формы конъюнктива для передачи различных модальных значений и в сложноподчиненных предложениях. Например, для выражения

ирреального условия: *Wäre ich zu Hause geblieben, hätte ich noch viel mehr aufgegessen* [Гейнц 1994: 80] или ирреального сравнения: *Wilhelm Andrejewitsch richtete sich stracks auf, als hätte er nie Rückenschmerzen gefühlt* [Дитц 1994: 48].

Анализ практического материала свидетельствует о том, что конъюнктив выступает и средством маркирования чужой, то есть косвенной речи, выражая модальность косвенного высказывания. Он указывает, что предметом сообщения является не сама действительность, а чье-либо высказывание о действительности [Helbig, Buscha 1988: 194–197]: ... *da kehrte Pawlik's Retter zurück und meldete, dass Kurikow, der Kolchosvorsitzende, bald kommen werde.*

Итак, исследование произведений вышеизложенных российско-немецких авторов показывает, что функциональные возможности конъюнктива очень широки. Этот вид наклонения является многофункциональной грамматической формой и употребляется в различных синтаксических структурах. По количеству функций немецкий конъюнктив значительно превышает возможности русского сослагательного наклонения. Конъюнктив демонстрирует весьма широкий диапазон значений. Это и модальность реальности, и реализуемой возможности, и ирреальности, и модальность косвенного высказывания.

Литература

Гулыга Е. В., Натанzon М. Д. Грамматика немецкого языка. Москва, 2004. 398 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. Москва, 1990. 682 с.

Helbig G, Buscha J. Deutsche Grammatik. Leipzig, 1988. 735 S.

Источники

Wo bist du, Vater? Russlanddeutsche Prosa. Moskau, 1994.

Zwischen „Krigisen-Michel“ und „Wolga, Wiege unserer Hoffnung.“ Band II. Slawgorod, 1998.

T. P. Filistovich

The Subjunctive Mood as a Means of Expression of Modality
(on the Material of Works by Russian-German Authors of South
Siberia and Kazakhstan)

The article is devoted to the analysis of the use of the forms of subjunctive mood as one of the means of modality expression to convey

the meaning of irreality and reality in the works of Russian-Germans writers of South Siberia and Kazakhstan.

Keywords: language universals, modality, verb inclination, conjunctive mood.

УДК: 811.511.142

C. B. Онина

*Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск,
OninaS@yandex.ru*

Залоговость в формировании прохибитива в хантыйском языке

Рассматриваются прохибитивные формы активного залога. Исследуются функционально-семантические сферы, опирающиеся на определенные, отчасти перекрещивающиеся средства выражения: 1) сфера активности / пассивности; 2) сфера транзитивности / интранзитивности; 3) сфера семантических микрополей прохибитива.

Ключевые слова: прохибитив, залоговость, транзитивность, интранзитивность, хантыйский язык.

В тезисах исследуются прохибитивные формы активного залога. Выделяются функционально-семантические сферы, опирающиеся на определенные, отчасти перекрещивающиеся средства выражения: 1) сфера активности / пассивности; 2) сфера транзитивности / интранзитивности; 3) сфера семантических микрополей прохибитива.

1. Сфера активности / пассивности

В хантыйском языке в выражении запрета с частицей шур., каз. *ăt* сург. *λiiw* ‘не’ употребляются формы активного залога, с помощью которых выражается косвенное побуждение к несовершению действия:

(1) *шур.: Ajkel tūwa, lūw χalewət ăt at jōχətl, paχātl at ij!* [Лух Авт 2004: 4].

ajkeł	tūw-a	lūw	χalewət
новость	нести-Imp.2Sg	он	завтра

ăt at jōχətl paχātl at ij-
Ptcl.Neg Ptcl прийти-Praes.3Sg послезавтра Ptcl идти-Praes.3Sg
'Сообщи, он завтра пусть не приезжает, послезавтра пусть приезжает!'

(2) сург.: *Niij jasta λiiwə qaltot entə jōγətł̥ pa qatəłnə λiiwə jōγətł̥!*

[ПМА: см. далее: полевые материалы автора]

нiiј	jast-a	λiiwə	λiiw	qaltot	entə	jōγət-ł̥
ты	сказать-Imp.2Sg	Ptcl	он	завтра	Ptcl.Neg	прийти-Praes.3Sg
	ра	qatəł-nə	λiiwə		jōγət-ł̥	
	другой	день-Loc	Ptcl.Neg		прийти-Praes.3Sg	

‘Ты скажи он завтра пусть не приезжает, послезавтра пусть приезжает!’

Частица шур., каз. *at*, сург. *λiiwə* ‘пусть’ всегда располагается перед глагольной формой настояще-будущего времени. Однако при этом в северных диалектах отрицательная частица *āt* ‘не’ помещается непосредственно перед частицей *at* ‘пусть’ (шур. *āt at jōγət-l̥* ‘пусть не приезжает’), а в восточных диалектах преимущественно данные частицы друг от друга могут отделяться другими словами (ср. сург. *λiiwə λiiw qaltot entə jōγət-ł̥* ‘пусть он завтра не приезжает’).

2. Сфера транзитивности / интранзитивности

В прохихитивной конструкции специализированный показатель *al / ał / āł* ‘не’, выражающий запрет, располагается перед глагольной формой. Лично-числовые показатели здесь те же, что и при императиве. Соответственно, лично-числовая форма также употребляется при формировании прохихитивной конструкции, однако не играет главной роли в образовании собственно прохихитивного значения:

(3) шур.: *Jeməj ḍtət ketəmtja āt räχəl!* [Лух Авт 2010: 4].

jem-əj	öt-ət	ketəmtj-a	āt	räχ-əl
святой-Adj	предмет-Pl	трогать-Lat	Ptcl.Neg	можно-Praes.3Sg

‘Нельзя трогать святое!’

(4) каз.: *Ant mosəł ow toχarti!* [ПМА].

ant	mos-əł	ow	toχar-ti
Ptcl.Neg	можно-Praes.3Sg	дверь	закрыть-Inf

‘Не надо двери закрывать!’

3. Сфера семантических микрополей прохихитива

Сфера семантических микрополей прохихитива основана на такой языковой интерпретации отношения понятия действия к логическому субъекту и логическому объекту, которая выражается в словообразовательных разрядах глаголов.

В хантыйском языке наиболее употребительными в формировании прохихитивной сущности являются аффиксы залогового типа – это аффиксы рефлексивности и каузативности. Значение рефлексивности передается суффиксом *-əs-*:

(5) шур.: *Ultenən al nältsə!* [Вальгамова 2003: 100].
ul-t-en-on al nältsə-a
жситъ-Part.Praes-2Sg-Loc Ptcl.Proh выставиться-Refl-Imp.2Sg
‘В жизни будь скромным!'; букв. ‘Когда живешь не выставляйся (как
рукойть, как черенок)’.

Периферию функционально-семантической сферы прохигитива
также составляют языковые средства лексико-грамматического
словообразования, выражющие каузативное значение.

Литература

Вальгамова С. И. Глагольное словообразование в хантыйском
языке. Дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2003. 220 с.

Источники

Лух Авт: Лух Авт (Ангальский мыс) : [газ. окр. центра на хант.
яз.] / учредитель Департамент внутр. политики Ямало-Ненец. авт.
окр. 2001–2014. Салехард. 4 полосы. Еженед.

S. V. Onina

Voice in the Formation of the Prohibitive in the Khanty Language

The article is devoted to prohibitive forms of active voice.
Functional-semantic spheres, based on specific, partly overlapping
means of expression are studied: 1) the sphere of activity / passivity;
2) the sphere of transitivity / intransitivity; 3) the sphere of semantic
microfields of prohibitive.

Keywords: prohibitive, voice, dialect, Khanty language, field
materials.

УДК 811.511.151

E. В. Кашикин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва,
egorka1988@gmail.com

Грамматикализация глагола *näläš* ‘брать’ в горномарийском языке²⁷

Работа посвящена грамматикализации глагола *näläš* ‘брать’ в
сложных глагольных комплексах в горномарийском языке. Данные
обсуждаются в типологическом аспекте.

²⁷ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627.

Ключевые слова: горномарийский язык, сложные глагольные комплексы, грамматикализация.

В работе рассматривается употребление горномарийского глагола *näläš* ‘брать’ в сложных глагольных комплексах (конструкциях, состоящих из лексического глагола и грамматикализованного легкого глагола и обладающих рядом признаков морфосинтаксической слитности (см. [Bradley 2016] и приводимые в указанной работе ссылки). Материал собран в ходе полевой работы в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и в окрестных деревнях в 2019 г. методом анкетирования и путем анализа экспедиционного корпуса текстов.

Рассматриваемые конструкции с глаголом *näläš* описывают предельные ситуации:

(1) <i>mõn' šud -m kok cäš-žštö / *kok cäš d r-en näl-žn-äm.</i>
я сено-ACC два час-IN два час грести-CVB брат-PRET-1SG ‘Я сгреб сено за два часа (*сгребал два часа)’.

Часто они сохраняют семантику (метафорического) приобретения: *sir-en näl-äš* (писать-CVB брать-INF) ‘списать’, *risuj-en näl-äš* (рисовать-CVB брать-INF) ‘срисовать’, *päl-en näl-äš* (знать-CVB брать-INF) ‘узнать’, *mad- n näl-äš* (играть-CVB брать-INF) ‘выиграть’ и др. Кроме того, они могут описывать отделение части от целого объекта:

(2) <i>mõn' kogo kabacok-žt pöčk-ën näl-žn-äm.</i>
я большой кабачок-ACC резать-CVB брать-PRET-1SG ‘Я срезала большой кабачок’.

Конструкции с *näläš* тяготеют к семантике полного охвата второго участника, см. приемлемость во всех исследованных идиолектах примера (3) и в части идиолектов примера (4).

(3) <i>mõn' jažo-n ng l-en näl'-ø-žt</i>
я хороший-ADV понимать-CVB брать-AOR-1SG
<i>ma-m mä-län-em</i>
что-ACC я-DAT-POSS.1SG делать-INF ‘Я хорошо понял, что мне делать’.

(4) <i>?mõn' xuda-n ng l-en näl'-ø-žt</i>
я плохой-ADV понимать-CVB брать-AOR-1SG
<i>ma-m mä-län-em</i>
что-ACC я-DAT-POSS.1SG делать-INF ‘Я плохо понял, что мне делать’.

В [Bradley 2016: 192] в качестве одного из возможных значений конструкций с глаголом ‘брать’ в марийских языках указывается малая продолжительность действия. В исследуемых

горномарийских говорах такого значения, как мы покажем в докладе, у конструкций с *näläš* нет.

Мы обсудим эти и некоторые другие особенности конструкций с *näläš*, сопоставив наш материал как с данными алтайских языков ([Гращенков 2015; Лебедев 2016; Шамина 2010] и др.), где продуктивны структурно близкие конструкции, так и с более широким типологическим фоном ([Heine, Kuteva 2004: 286–291; Шлуинский 2013] и др.).

Список сокращений

1 – 1 лицо; ACC – аккузатив; ADV – адвербализатор; AOR – аорист; CVB – деепричастие; DAT – датив; IN – инессив; INF – инфинитив; POSS – посессивность; PRET – претерит; SG – единственное число.

Литература

Гращенков П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М., 2015. 264 с.

Лебедев Э. Е. Акционартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары, 2016. 164 с.

Шамина Л. А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск, 2010. 240 с.

Шлуинский А. Б. Сериальные конструкции с глаголом ‘брать’ в языках ква: опыт внутригенетической типологии // Виноградов В. А. и др. (ред.) Исследования по языкам Африки. Вып. 4. М., 2013. С. 259–299.

Bradley J. Mari converb constructions: productivity and regional variance. PhD Thesis. Vienna, 2016. 316 pp.

Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2004. 387 pp.

E. V. Kashkin

Grammaticalization of the Verb *näläš* ‘to take’ in Hill Mari Complex Predicates

This paper deals with the usage of the verb *näläš* ‘take’ in complex predicates in Hill Mari. The data are analyzed from a typological perspective.

Keywords: Hill Mari, complex predicates, grammaticalization.

Выражение отличия в туркменском языке

Работа посвящена описанию выражения отличия в туркменском языке, которое осуществляется с помощью как лексических, так и грамматических средств. В последние годы ученые выделяют одночленную грамматическую категорию отличия, представленную аффиксом *-rak/-räk*.

Ключевые слова: туркменский язык, аффикс *-rak/-räk*, лексические и грамматические средства, категория отличия.

Отличие в туркменском языке выражается лексическими и грамматическими средствами. К лексическим относятся такие слова, как *tarawut* ‘отличие, различие, разница’, *üýgeşik* ‘различный, разный; другой, иной’ *üýgeşiklik* ‘различие, разница; изменение, дополнение; особенность, необычность’, *parh* ‘отличие, различие, разница’, *parhly* ‘отличающийся, различающийся, имеющий отличие, различие в чем-л.’, *parhlylyk* ‘отличие, различие; разница’, *aýratyňlyk* ‘особенность, специфика’ и т.п.

Грамматическим средством выражения отличия в туркменском языке является аффикс *-rak/-räk*. В тюркологии он известен как показатель сравнительной степени прилагательных.

В ранних работах туркменские ученые, говоря о сравнительной степени прилагательных, отмечали, что она образуется в результате сравнения конкретного предмета с другим предметом, определенного понятия с другим понятием, человека с другим человеком. Сравнение относительно семантики основы слова может обозначать недостаток или превосходство, потому что конкретную оценку сравниваемым может дать только сам субъект-говорящий [Türkmen diliniň grammatiskasý 1999: 106].

Туркменский лингвист Х. Гафурова указывала на многофункциональный характер аффикса *-rak/-räk* [Gafurowa 1959: 65].

Функциональная семантика слов с аффиксом *-rak/-räk* оказалась более разносторонней. Выявлено использование данного аффикса с прилагательными, наречиями, деепричастиями, существительными, причастиями, модальными словами *bar* и *ýök* для выражения отличия между двумя объектами, действиями, признаками, особенностями и т.п. Исследование разных особенностей аффикса -

rak/-räk показало, что он служит для описания отличия от кого- или чего-либо. Поэтому туркменские ученые считают аффикс *-rak/-räk* показателем отдельной одночленной грамматической категории [Таганова 2017; 2018; 2019].

Итак, изучение выражения отличия в туркменском языке позволило выявить лексические и грамматические средства, участвующих в передаче данной семантики.

Литература

Taganova M. A. Особенности аффикса *-rak/-räk* в туркменском языке// Материалы XXIX Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка: наследие и современность» 21–23 июня 2017 года. Т.1. СПб, 2017. С. 300–301.

Taganova M. A. Категория отличия с аффиксом *-rak/-räk* в туркменском языке // Алтайское языкознание: проблемы и исследования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Алтайское языкознание: проблемы и исследования», посвященной 150-летию первой «Грамматики алтайского языка», г. Горно-Алтайск, 18–22 июня 2019 г. Горно-Алтайск, 2019. С. 90–97.

Gafurowa H. Häzirki zaman türkmen dilinde hallar. Aşgabat, 1959.

Taganova M. A. Türkolojide *-rak/-räk* üzerine // X Uluslararası Dünya Dili Türkçe Sempozyumu. 17–19 Ekim 2018. Eskişehir, 2018. S. 1525–1539.

Türkmen diliniň grammaticakasy. Morfologiýa. Aşgabat, 1999.

M. A. Taganova

Expression of Difference in the Turkmen Language

The article offers a description of the expression of difference in the Turkmen language, based on the analysis of both lexical and grammatical means. In recent years, scientists have identified a one-term grammatical category of difference, represented by the affix *-rak/-räk*.

Keywords: Turkmen language, affix *-rak/-räk*, lexical and grammatical means, category of difference.

УДК: 801.5.53(575.4)

О. А. Нурьеева

*Институт языка, литературы и национальных рукописей
им. Махтумкули Академии наук Туркменистана, tanyeje@mail.ru*

**Семантика формы настояще-будущего времени на -(a)r
в поэме «Кутадгу билиг» Юсуба Баласагунского**

Рассматриваются значения формы настояще-будущего времени на -(a)r в поэме Юсуба Баласагунского «Кутадгу билиг».

Ключевые слова: тюркские языки, форма настояще-будущего времени на -(a)r, «Кутадгу Билиг».

В письменных памятниках туркменского языка настояще-будущее время обозначается двумя формами: 1) -*ap/-ep*, -*yr/-ip*, -*yr/-yr*; 2) -*al-e-dyp-(мен...)//-el-e-(мен)*.

В «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуба Баласагунского (XI в.) активно употребляется форма настояще-будущего времени на -(a)r. Эта форма может выражать неопределенное будущее, определенное будущее и ближайшее будущее.

1. Форма настояще-будущего времени глагола на -(a)r обозначает неопределенное будущее время, осложненное семантикой:

а) предположения, неуверенности: *Sewer sewmez erse sanga açy köz* [КБ:415] ‘Полюбит, не полюбит, тебе открыл глаза’;

б) обязательности (или долженствования): *Kecer dünyä keçmez bu edgï kylyk* [КБ: 423] ‘Уходящий мир с добрыми делами не пройдёт’. Эта семантика, как правило, передается долженствовательным наклонением (-малы/-мели);

в) возможности или невозможности: *Negüllük tise sen ukuşsuz turur* [КБ: 33] ‘Как скажешь, что ты неразумный’.

Форма на -(a)r в рассматриваемом значении встречается в условных предложениях, а также в пророчествах. Например: *Budun artasa any begler tüzer* [КБ: 374] ‘Если народ увеличился, то его беки содержат в порядке’; *Atykmyş isiz ölse gargsız bulur* [КБ: 30] ‘Если прославленный умрет, будет проклятие’.

2. Форма настояще-будущего времени на -(a)r в значении определенного будущего времени выражает твердое намерение субъекта совершить определенное действие: *Kutadmyş bolur bu sözüm çyn bütün* [КБ: 37] ‘Все мои слова осчастливыят’. Форму на -(a)r в рассматриваемом значении принимают глаголы, обозначающие природные явления [Аннануров 1978, II: 145–146].

3. Форма настояще-будущего времени на -(a)r передает действие, которое совершится в ближайшем будущем: *Ýana aýdy mundyn barur men turup* [КБ: 45] ‘Скажу, что я приду’.

Литература

Аннануров А. Исследования по истории туркменского языка. II. Ашхабад, 1978. 208 с.

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II, 2. М., 1952. 544 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988. 560 с.

Источник

КБ – Кутадгу билиг. Наманганская рукопись. Анкара, 2015.

O. A. Nuryyeva

Expression of Future Tense Semantics by the Present-Future Form in the Poem *Kutadgu Bilik* by Yusuf Balasaguni

Meanings of the present-future tense form with -(a)r are studied on the material of the poem *Kutadgu Bilig* by Yusuf Balasaguni.

Keywords: Turkic languages, present-future tense verb, *Kutadgu Bilig*.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК: 81'23, 81'27, 81'33

И. В. Шапошникова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
i.shaposhnickowa@yandex.ru*

Универсалии в лингвистической типологии и психолингвистике²⁸

Автор ставит проблему об универсалиях вербальной культуры общерусской языковой личности (далее: РЯЛ). Методологический аппарат выявления таких универсалий и само их содержание качественно отличаются от данных лингвистической типологии, полученных на модели языка как внешнего объекта. Развитие сетевых моделей может открыть перспективу взаимной верификации данных лингвистической типологии и психолингвистики.

Ключевые слова: импликативная типология и психолингвистика, статистические универсалии на разных моделях языка, русская языковая личность.

В структурно-системной и функциональной лингвистике выработан методологический аппарат фиксации и учета универсальных закономерностей для описания языков разных типов. Этот аппарат разрабатывался на модели языка как внешнего объекта, аналогично объектам других наук. Язык как предзаданная речевой деятельности система описывался в своей сложноуровневой организации логическим путем на основе наблюдения за функционированием его единиц и подсистем. Выведенные таким образом универсалии получали статус либо абсолютных, либо, что случалось гораздо чаще, обусловленных закономерностей, проявлявшихся на определенном пространственно-временном континууме, в том числе и только в границах каких-то конкретных подсистем (уровней). Совокупность лингвистических универсалий дает набор понятийных операторов для толкования устройства языков разных типов. Импликативная

²⁸ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

типовогия со времен В.Скалички дала лингвистике модель конструирования типа языка на основе импликативных отношений между структурно-функциональными типами в языке. Широко практиковавшиеся в XX веке математические модели коммуникации и процессов управления информацией насытили лингвистические работы терминами теории информации, а позднее компьютерной лингвистики. Сегодня лингвистика способна создавать электронные хранилища импликативных универсалий с помощью специальных компьютерных программ обработки лингвистических данных.

Многолетняя работа по созданию ассоциативно-вербальных баз данных и исследованию выявляемых с их помощью сетевых моделей языка в человеке позволяют нам поставить вопрос о возможности получения универсалий общерусской языковой личности как продукта вербальной культуры российской цивилизации. РЯЛ понимается нами как воплощение интенциональной личности российской цивилизации. Интенциональная личность культуры изучается этнологами на основе её установочного аппарата. Ассоциативно-вербальные сетевые модели позволяют выявить социокоммуникативные установки на использование вербальных единиц в той или иной конфигурации, отражающей этнокультурные доминанты в мотивационной структуре РЯЛ. Методологический аппарат для фиксации таких универсалий и само их содержание качественно отличаются от соответствующего аппарата лингвистической типологии, полученного на модели языка как внешнего объекта. Однако возможность выявления статистических универсалий на обеих моделях языка при дальнейшем накоплении эмпирического материала для построения сетевых моделей может открыть перспективу взаимной верификации данных как в лингвистической типологии, так и в психолингвистике.

Irina V. Shaposhnikova
Universals in Linguistic Typology and Psycholinguistics²⁹

The author discusses the issue of the cultural universals of the All-Russian language personality (hereafter RLP). Methodology of attesting

²⁹ The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

such universals and their content differ in quality from the data provided by linguistic typology with relation to the model of the language as an external system. Further development of network models of the language might open up a perspective of mutual verification of the data obtained from typology and psycholinguistics.

Keywords: implicational typology and psycholinguistics, statistical universals on different language models, the Russian language personality

УДК 81'23

Н. В. Уфимцева

*ФГБУН Институт языкоznания РАН, г. Москва
nufimtseva@yandex.ru*

**Устойчивость/изменчивость ассоциативного поля носителя
русского языка/культуры³⁰**

Проблема изучения картины мира связана с проблемой ее языкового выражения и соответствия последнего фрагменту действительности. Конкретное направление исследования картины мира или ее фрагмента предполагает изучение значения как знания, связанного со словом.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, значение/значимость, ассоциативное поле.

Конкретное направление исследования картины мира или ее фрагмента предполагает изучение значения как знания, связанного со словом, как отражения в сознании носителя языка/культуры фрагмента предметного мира, его свойств, связей и отношений [Leonard, Ufimtseva, Markovina 2019].

Следовательно, каждое слово, рассматриваемое как член определенной структуры (системы), имеет не только значение, т.е. знания, которые стоят за этим словом в опыте носителя языка/культуры, но и значимость, т.е. свой «вес» в системе в целом. [Соссюр 1977].

Цель исследования – показать, как влияет регион проживания на содержание сознания носителя русского языка/культуры и на системность сознания. В качестве региона для исследования была

³⁰ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295/19 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

выбрана Республика Крым, а полученные данные сравнивались с результатами аналогичных экспериментов, зафиксированных в ассоциативных словарях: РАС [Караулов и др. 2002], ЕВРАС [Уфимцева, Черкасова 2018] и СИБАС [Шапошникова, Романенко 2014].

В качестве примера рассмотрим результаты анализа ассоциативных полей слова-стимула **человек** (см. Таблицу 1, цифры означают частоту встречаемости слов-реакций), которое возглавляет ядро языкового сознания во всех четырех словарях. Как мы видим, системность и до некоторой степени состав ассоциативного поля респондентов, живущих в Крыму и в других регионах РФ, отличаются. Тем самым фактор «регион проживания (территориальный фактор)» оказывается значимым для носителей русского языка/культуры.

Таблица 1. Ассоциативное поле стимула **человек**

<i>РАС, 1988-1998</i>	<i>ЕВРАС, 2008-2011</i>	<i>СИБАС, 2008-2013</i>	<i>КрымАС, 2017-2019</i>
невидимка, хороший 25; амфибия, добрый 21; разумный 18; животное, умный 16; зверь 15; обезьяна 13; большой 12; друг 10; дела, люди 9; земля, любимый, существо 8; гордый, я 7; личность, плохой, разум. человек, это звучит гордо 6; в футияре, закон, красивый, сильный, слова 5; веселый, гордость, гражданин, жизнь, машина, мужчина 4; анатомия, без имени, загадка, индивидуид, милый, незнакомый, с большой буквы, свой, смелый, царь 3.	разумный 27; паук 18; личность 17; животное, существо 13; обезьяна, хороший 12; люди 11; добрый 10; я 9; умный 7; амфибия, красивый 5; гордо, мужчина, невидимка 4; друг, живой, жизнь, загадка, земля, индивид 3; глупый, гордый, гражданин, дня, зло, индивидуум, лицо, молекула, муравей, опытный, плохой, природа, разный, разум, родной, слова, смешной, терпимый 2.	разумный 35; существо 22; обезьяна 19; личность 18; животное, паук 15; добрый, друг, жизнь, хороший 11; я 10; волк, люди, тело, умный 8; невидимка 7; мир 6; закон, и закон, индивид, индивидуум, общество 5; амфибия, злой, друг, живой, жизнь, загадка, земля, индивид 3; глупый, гордый, гражданин, дня, зло, индивидуум, лицо, молекула, муравей, опытный, плохой, природа, разный, разум, родной, слова, смешной, терпимый 2.	личность, паук 18; жизнь 14; существо, хороший 11; добрый 9; разумный 8; животное 7; друг 6; умный 5; живой, индивидуид, обезьяна 3; ??, амфибия, вид, волк, глупость, гордость, добро, женщина, зверь, земля, злой, любовь, мир, может, наук, разный, решительный, свобода, слова, тайна, я 2.

Литература

Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию. Перевод с французского языка под ред. А.А. Холодовича. М: Прогресс, 1977. 695 с.

Leonard S. P., Ufimtseva N. V., Markovina I. J. Language, consciousness and culture: some suggestions to develop further the Moscow school of psycholinguistics // Language and culture. Томск. 2019. N 3, p. 111–131. DOI: 10.17223/19996195/47/7.

Источники

Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тараков Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1. М.: АСТ-Астрель, 2002. С.749–782.

Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть). Т. 1. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. 544 с.

Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). Т.1. От стимула к реакции/ Отв. ред Уфимцева Н. В. М.: Московский институт лингвистики, 2014. 537 с.

N. V. Ufimtseva

Stability/Variability of the Associative Field of the Native Speaker of Russian Language/Culture

Perspective investigations of the world picture are related to the problem of its embodiment in words and correspondence to the latest fragment of reality. Therefore, a particular world picture study will inevitably address the meaning as the knowledge associated with the word.

Keywords: associative experiment, meaning/ significance, association field.

УДК 81'23

Н. В. Дмитрюк

*Южно-Казахстанский госпединиверситет, г. Шымкент,
nvdmitr@yandex.ru*

Русская языковая личность в Казахстане

Работа посвящена исследованию языкового сознания русских, проживающих на территории Казахстана и в России; обсуждается

проблема адаптивности и устойчивости отдельных элементов языка и культуры русского этноса в динамике изменившихся социально-экономических условий.

Ключевые слова: языковое сознание, языковая личность, ассоциации

В своем исследовании мы исходим из предположения, что картины мира, отраженные в языковом сознании даже одного этноса, могут быть различными в зависимости от среды проживания, степени ассимилированности с коренным населением и пр. факторами. Наши многолетние наблюдения дают основания полагать, что русские, проживающие в России (русские-россияне), и русские, проживающие в Казахстане (русские-казахстанцы), несмотря на общность языка и культуры, обладают разными специфическими особенностями языкового сознания и по-разному представляют русскую языковую личность. Убедительным доказательством этому могут служить материалы ассоциативных экспериментов, которые признаны одним из действенных способов «овнешнения» языкового сознания. В качестве иллюстрации сопоставим ассоциативные стратегии русских-россиян (по данным ассоциативных словарей [РАС 1994] и [САС 2004]) и русских-казахстанцев (материалы наших полевых исследований с 120 информантами-студентами) на примере содержания ассоциативных полей стимула **друг**.

Во всех трех ассоциативных списках: русских-россиян в 1990-е (РР1), в 2000-е (РР2), и русских-казахстанцев (РК) зафиксированы 8 совпадших ассоциаций: две самые типичные реакции *верный* и *враг* и еще 6 ассоциаций (*брать*, *детства*, *мой*, *надежный*, *недруг*, *собака*), что говорит в целом о достаточно устойчивой общеязыковой (и общекультурной) стратегии ассоциирования и неизменного (в основных позициях) восприятия образа/понятия, стоящего за стимулом **друг**.

Далее обратим внимание на общность и разницу центральной зоны ассоциативных полей (АП). В нашей выборке таковой мы посчитали группу реакций, зафиксированных с частотой не менее 1% от общей суммы всех ответов, без учета единичных ассоциаций. Общими для групп россиян РР1 и РР2 оказались три реакции – *лучший*, *подруга* и *хороший* с близкими ранговыми показателями частотности; в то время как в группе РР1 отмечено больше совпадений с ответами РК: *близкий*, *единственный*, *закадычный*, *настоящий* и *товарищ* – пять общих позиций, а с группой РР2 у РК таких совпадений только два – *помощь* и *человека*.

Отчасти понятно, почему ушла из центра АП группы РР2 ассоциация-советизм *товарищ* (однако осталась в центре АП в группе РК), но удивительно, что и типично русское устойчивое выражение *закадычный друг* отсутствует в центральной зоне САС [САС 2004] в группе РР2, но по-прежнему актуально в группе РК, зафиксированное даже чаще (1,8%), чем у РР1 (1,0%). Представляется очевидным вывод о том, что образ мира (через представление о *друге*) у русских-казахстанцев оказывается ближе к русским советского и «перестроенного» времени, чем к русским «обновляющегося» периода России.

Что касается несовпадений в центральной зоне сопоставляемых трех групп русских респондентов, то оказывается, что у РР1 единственной не представленной в двух других сопоставляемых списках является ассоциация *милый* (возможно, это реминисцентная реакция начитанной советской молодежи на роман Мопассана «Милый друг»). В группе РР2 таких несовпадавших реакций 4 – *верность, дружба, опора, преданный*, и все они дополняют общую картину традиционных представлений о друге: деривационные образования от слова-стимула (*друг – дружба*) и его типичной характеристики (*верность – верный*), и синонимичная ей реакция *преданный*. В группе РК из четырех несовпадавших реакций (*старый, нет, приятель, один*) можно отметить ассоциацию *нет/нету* с достаточно высоким рангом частотности 1,8% и примыкающую к ней по смыслу реакцию *один* (1,0%), фиксирующих факт отсутствия друзей или их малочисленность у РК, чего не было в центральных зонах АП русских россиян. Ассоциация *старый* (2,8%), скорее всего, отсылает нас к пословице «Старый друг лучше новых двух» и свидетельствует об устойчивости фрагментов паремиологического фонда (как и ассоциация *закадычный*) в языковом сознании русских казахстанцев, что дает основания считать этот фонд достаточно жизнеспособным и в инокультурном окружении.

Источники

РАС: Русский ассоциативный словарь / Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф. и др. М.: РАН. 1-4 кн. 1994-1998.

САС: Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. и др. М.: МГЛУ. 2004. 792 с.

Natalya V. Dmitryuk
Russian Language Personality in Kazakhstan

The work is devoted to the study of the language consciousness of Russians living in Kazakhstan and Russia; the problem of adaptability and stability of certain elements of the language and culture of the Russian ethnic group in the dynamics of changed socio-economic conditions is discussed.

Keywords: language consciousness, language personality, associations.

УДК: 81'23, 81'27, 81'33

И. В. Шапошникова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
i.shaposhnickowa@yandex.ru*

**Русская языковая личность в междисциплинарном измерении:
экспериментальные исследования
на модели ассоциативно-вербальной сети³¹**

Изучение русской языковой личности (далее: РЯЛ) поднимает ряд фундаментальных проблем, которые могут найти разрешение только в междисциплинарном поле. Автор показывает методологические решения и прикладные технологии, которые создаются и апробируются в ИФЛ СО РАН на материалах Русской региональной (Сибирь и Дальний Восток) ассоциативно-вербальной базы данных [СИБАС].

Ключевые слова: экспериментальные сетевые модели, русская языковая личность, корпусы ассоциативно-вербальных данных, фундаментальные и прикладные задачи.

Изучение РЯЛ сопряжено с рядом фундаментальных для лингвистики проблем, которые могут быть решены только междисциплинарно. К числу таких проблем можно отнести разработку модели описания языка, которая пригодна для изучения РЯЛ на фоне новых данных от разных наук, несводимость концептуальной модели мира к вербальной и как следствие, трудности в поиске адекватных единиц анализа и доступа к психически актуальному смысловому полю российской (русской) культуры.

³¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, языки» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Исследование РЯЛ на модели ассоциативно-вербальной сети дает ряд преимуществ. В частности, эта модель конструируется на материалах массового психолингвистического эксперимента при считывании данных с живого сознания испытуемых, их концептуальная и языковая модели мира уже сбалансированы определенным образом в ходе социальной детерминации. Выявляемые на сетевой модели статистически разнопорядковые ассоциативные доминанты отражают социокоммуникативные установки РЯЛ на совместную активацию языковых единиц с учетом стоящих за ними психически актуальных личностных смыслов, сопряженных с установками культуры.

Ассоциативно-вербальный ресурс СИБАС имеет в своем составе базовый корпус и ряд создаваемых в рамках комплексного проекта лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока подкорпусов (якутский русский, казахский русский и иные). Для компьютерного анализа ассоциативных полей разработан метод психоглосс, которые представляют собой маркеры смысловых акцентуаций РЯЛ. Для их выявления создано экспертное обучающее приложение к СИБАС, которое апробируется не только на базовом корпусе, но и на подкорпусах в целях получения материалов для сравнения разных вариантов вербального воплощения интенциональной личности российской культуры. Проводится лексико-грамматическая разметка основного корпуса, готовятся интерфейсы для пользователей по каждому вновь создаваемому или обновляемому подкорпусу в рамках проекта.

Источники

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток–2008–2020 / авт.-сост.: И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 20.07.2020).

Irina V. Shaposhnikova

Russian Language Personality in an Interdisciplinary Dimension: Experimental Studies on the Model of Associative-verbal Network³²

The study of the Russian language personality (hereafter RLP) raises a number of fundamental problems, which can be resolved only in an interdisciplinary field. The author discusses some methodological

³² The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

solutions and applied techniques that have been proposed and are tested in the Institute of the SB of the RAS on the materials of the Russian regional (Siberia and the Far East) associative-verbal database [SIBAS].

Keywords: experimental network models, Russian language personality, corpora of associative-verbal data, fundamental and applied issues.

УДК 81'23

Н. В. Дмитрюк

*Южно-Казахстанский государственный университет, г. Шымкент,
nvdmitr@yandex.ru*

Русская языковая личность в иноязычном окружении: адаптивные процессы в русском языке и культуре казахстанцев

Исследование посвящено адаптивным процессам русской языковой личности в Казахстане. Проблема рассматривается на примере различных видов интеркультуререм в контексте межкультурного взаимодействия в условиях билингвизма.

Ключевые слова: интеркультуреремы, языковая личность, адаптивные процессы.

Любой этнос, проживающий в инокультурной среде, воспринимает элементы контактирующей с ним культуры. Опыт такой адаптации языков и культур в многонациональных государствах (в частности, в Казахстане и в России) имеют многие диаспорально проживающие народы; при этом некоторые из них в процессе ассимиляции могут испытать мощный языковой сдвиг и даже утратить свою языковую идентичность. Отметим, что такие языки относят к языкам с низкой витальностью, или жизнеспособностью, а их «потенциальные носители в процентном отношении к населению страны определяются как критически исчезающие малые величины. Казахстанский список исчезнувших языков велик, кстати, он напрямую коррелирует с аналогичным списком языков России» [Сулейменова 2019: 81]. В отношении русского языка в Казахстане следует сказать, что он, вместе с казахским, стал языком, в направлении которого также осуществляется определенный «языковой сдвиг».

Русская языковая культура в условиях существования и функционирования в Казахстане вполне естественно и закономерно подверглась влиянию со стороны казахской культуры, и следы такого казахского и русского лингвокультурного взаимодействия

многократно отмечались казахстанскими исследователями (Э. Д. Сулейменовой, Н. Ж. Шаймерденовой, А. Е. Агмановой, З. К. Темиргазиной, Н. В. Дмитрюк и др.). Социально-экономические преобразования в Казахстане последних десятилетий оказали существенное влияние не только на формирование языковой политики и языковой ситуации в стране, но и отразились в языковых изменениях обоих контактирующих языков. Прежде всего, об этом свидетельствуют номинативные процессы русского языка Казахстана, которые характеризуются образованием слов, фразеосочетаний, формированием метафорических значений, подтверждающих своеобразие русского языка исследуемого региона, поскольку мотивирующей основой этих новообразований служат слова, заимствованные из казахского языка, в том числе собственных имен, имеющих отношение к истории и к культуре казахского народа (*аким, акимат, маслихат, Абылай хан, асар, отан, хабар* и др.). Возрастает роль ономасиологического контекста, которому отводится функция разъяснения таких и подобных им лексических единиц, актуализировавшихся в речи русскоязычного населения казахстанцев в последнее время.

На своеобразие казахстанского русскоязычного дискурса как результата коммуникативной деятельности в условиях межкультурной коммуникации и билингвизма указывают так называемые *интеркультурены* – новообразования-казахизмы в русском языке Казахстана, возникшие на стыке языков и культур лексические единицы, которые отражают концептуальное содержание национально обусловленных явлений действительности. Они могут отражать: общую культуру контактирующих этносов (*аким, тенге, аксакал*); специфику казахской национальной культуры (*юрта, кошма, бай, ораза, бешбармак*); приобретенные и принятые казахами элементы концептосфера русской культуры (*А.С.Пушкин, гармошка, самовар, хлеб-соль*); элементы речевого этикета (*здравствуйте, извините, привет*).

Особый интерес представляют деривационные производные тех интеркультур, при образовании которых актуализируются и исконно русские, и иноязычные морфологические словообразовательные элементы, например, суффиксы *-ов-, -овк-* (*джигит – джигитовка*), *-ск-* (*аким-акимовский*), *-ушк-, -ашк-, -ешк-, -ишк-* (*ниала (чашка) – ниалушка, ана (бабушка) – анашка, ата (дедушка) – аташка, мате (тетя) – матешка, корпе (одеяло) –*

*корпешка, -овц-, евц- партия Отан (Родина) – отановцы, партия Асар («Всем миром») – асаровцы, партия Ак жол (Белый/светлый путь) – акжоловцы), -изм (аксакал – аксакализм), иноязычные аффиксоиды типа *вице-*, *экс-*, *-ат*, *-мен* (аким – экс-аким, акимат, мажилис – мажилисмен) и под.*

В последние десятилетия широкое обсуждение получила проблема разных и к тому же меняющихся образов мира и их отражение в языковых картинах мира у разных этносов и, что особенно интересно, внутри одного этноса, каким является русский суперэтнос (работы Н. В. Уфимцевой, О. В. Балысниковой, Н. В. Дмитрюк), включающий в себя разные образы (и картины) мира в зависимости от разницы мест проживания (в России и за ее пределами), от социокультурных, профессиональных, гендерных и прочих факторов. В этом контексте особый интерес представляют исследования языкового сознания / языковой личности представителей русской диаспоры в Казахстане, особенно в диахроническом рассмотрении. На протяжении 40 с лишним лет нами ведутся сопоставительные ассоциативные исследования языкового сознания носителей русского и казахского языков, в том числе в области выявления базовых ценностей, их динамики и трансформации, накопился значительный экспериментальный материал. Одно из последних исследований позволяет заключить, что: «сопоставительный анализ фрагментов центральных зон ассоциативных полей стимулов **дом, семья** позволяет говорить о том, что современный образ дома и семьи у русских-казахстанцев напоминает восприятие этих концептов почти 20-летней давности (судя по Русскому ассоциативному словарю 1994 г.), не вполне коррелирует с образами русских-россиян “обновляющейся России”, но оказывается ближе к ассоциативному восприятию казахов» [Дмитрюк 2020: 356]. Видимо, языковое сознание современных русских, проживающих в настоящее время в Казахстане, не только отчасти отражает фрагменты прежней реальности, но и активно воспринимает традиции, быт и современные изменения страны проживания – Казахстана. Динамика происходящих в стране изменений указывает на своеобразие мировосприятия представителей и русского, и казахского этносов в данную эпоху, на интенсивность влияния различных процессов на наше языковое сознание, и шире – на языковую картину мира и иерархию базовых ценностей в ней.

Литература

Дмитрюк Н. В. Языковое сознание русских в России и в Казахстане: константы и варианты // ММНК «Горизонты современной лингвистики: тренды и научный диалог», посв. 75-летию Э. Д. Сулейменовой, Алматы, КазНУ им. аль-Фараби, 2020. С. 348–356.

Сулейменова Э. Д. О судьбах великого и могучего // Современное образование. Нур-Султан, 2019. №3 (116). С. 78–83.

N. V. Dmitryuk

Russian Language Personality in Foreign Environment: Adaptive Processes in the Russian Language and Culture of Kazakhstan

The study is devoted to the adaptive processes of the Russian language personality in Kazakhstan; the problem is viewed in the context of cultural interaction under the conditions of bilingualism.

Keywords: intercultural items of linguistic analysis, language personality, adaptive processes.

УДК: 81'282.2

В. И. Теркулов

*Донецкий государственный университет, г. Донецк,
terkulov@rambler.ru*

Языковая личность дончанина

В докладе определяются базовые доминантные инвариантные черты языковой личности дончанина на уровне лексикона, тезауруса и прагматикона.

Ключевые слова: региональная языковая личность, лексикон, тезаурус, прагматикон.

Языковая личность является единственным объективным «пространством» существования языка. По мнению А. Мартине, язык – это «совокупность миллионов микромиров» [Мартине 2000: 18] говорящих на нём людей. Каждый из этих микромиров существует в пределах некоторого лингвального единства, которое, собственно, и имеет статус идиома – языка, диалекта, региолекта, социолекта и т.п.

Как известно, языковая личность представляет собой единство инвариантной, то есть ядерной, и изменяющейся, то есть вариативной, частей [Караулов 1987: 40]. Иначе говоря, инвариантная часть объединяет объективно существующие индивидуальные языковые личности в некоторые личностные

типы, что позволяет говорить, например, о региональной языковой личности как о носителе инвариантных признаков лексикона, тезауруса и прагматикона, характерных для большинства представителей одного региона.

Моделирование региональной языковой личности предполагает, следовательно, определение содержания инвариантной и вариативной зон её лексикона, тезауруса и прагматикона.

Начавшиеся недавно исследования донецкой речи поставили перед нами задачу выявления доминант донецкой языковой личности, которая представляет собой совокупность проживающих в Донецке субординатных подтипов личности, объединённых по социальным, половым, возрастным и профессиональным признакам. Отметим, что донецкая языковая личность сформировалась в результате смешения языков, наれчий, региолектов и т.д. переселенцев, осваивавших Донбасс с XIX в.

Для лексикона языковой личности был определен ряд языковых черт, существующих в системе идиомов донецкого региолекта. Нужно отметить, что «региолектные черты обнаруживаются в речи жителей региона, так сказать, по «социальной убывающей»: их минимальное количество отмечается у тех, кто владеет литературным языком, а максимальное – именно у тех, кто пользуется просторечием» [Донецкий региолект: 15]. Образцом для определения универсальных регионализмов (инвариантной части лексикона) является речь носителей литературного языка: те регионализмы, которые в ней обнаруживаются, обладают наибольшей значимостью для регионального языкового сознания. К ним относятся, например, некоторые фонетические черты (отсутствие сильной редукции гласных во второй позиции, часто – фрикативный *h*), некоторые лексические регионализмы (*тремпель, тормозок*) и т.д.

На уровне инвариантной части тезауруса отмечается ряд концептов, создающих «образ Донецка»: «террикон», «роза», «шахта» и подобное. Очень интересна ментальная карта города, в которой базовой урбанонимической категорией является рабочий посёлок (городской хороним). Важную роль в формировании актуальной концептосферы дончанина играют концепты войны.

На уровне прагматикона личности обнаруживаются как старые культурные цензы, определенные осознанием ею себя как части «шахтёрского мира», так и новые мотивы, установки и цели, связанные с войной в Донбассе. Для формирования ассоциативной модели мировосприятия донецкой языковой личности сейчас

осуществляется работа над составлением Ассоциативного словаря дончанина (проект Н. В. Уфимцевой).

Главной целью работы на данном этапе является создание галереи подтипов языковых личностей Донецка.

Литература

Донецкий региолект. Донецк, 2018. 265 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 261 с.

Мартина А. Предисловие. Вайнрайх У. Языковые контакты.

Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000.

V. I. Terkulov

The Linguistic Personality of a Donetsk resident

The report defines the basic dominant invariant features of the Donetsk linguistic personality at the level of the lexicon, thesaurus and pragmaticon.

Keywords: regional linguistic personality, lexicon, thesaurus, pragmaticon.

УДК 811.161.1, 81-13, 81-139

М. А. Кузьмина

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
mash_room@mail.ru*

Ассоциативные доминанты и учение А. А. Ухтомского³³

Доклад посвящён анализу методологического подхода А. А. Ухтомского с точки зрения применимости его идей в современных психолингвистических исследованиях. Рассмотрены следующие стороны учения А. А. Ухтомского: принцип доминанты, сетевая организация работы мозга, внимание к эмоции как удерживающей доминанту силы, нейтрализация сознательного и бессознательного.

Ключевые слова: ассоциативная доминанта, методы психолингвистики, А. А. Ухтомский.

В контексте дискутируемых проблем психолингвистических исследований представляются актуальными взгляды выдающегося учёного-физиолога начала XX в. А. А. Ухтомского. В частности, идеи учёного применимы к интерпретации результатов многолетних

³³ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, языки» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

массовых ассоциативных экспериментов в рамках проекта СИБАС [Шапошникова, Романенко 2014–2015], проводившихся среди молодёжи – студентов вузов Сибири и Дальнего Востока.

Волновавшие учёного вопросы, ответы на которые, движимый «инстинктом истины», он искал всю жизнь, спустя столетие оказываютсяозвучными вызовам нашего времени и способны задать методологический ракурс изучению проблем соотношения сознания и речи, сознания и поведения, сознательного и бессознательного и т.п. Актуальность взглядов А. А. Ухтомского определяется, с одной стороны, их преемственностью с позицией его выдающихся коллег (И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, И. М. Сеченова), с другой стороны, новизной подходов: 1) принцип доминанты; 2) сетевая организация работы мозга; 3) эмоция как необходимое условие удерживания доминанты; 4) нейтрализация оппозиции сознательного и бессознательного, которые находятся в отношениях взаимных переходов.

1) Подобно тому, как великие физики открывали законы природы, А.А. Ухтомский обосновал принцип, который становится основой для междисциплинарного изучения человека. «Доминанта есть не теория и даже не гипотеза, но преподносимый из опыта принцип очень широкого применения, эмпирический закон вроде закона тяготения, который, может быть, сам по себе и не интересен, но который достаточно назойлив, чтобы было возможно с ним не считаться» [Ухтомский 2019: 215]. Ассоциативные поля, организованные меняющимися во времени доминантами, продемонстрировали эвристичность данного принципа в психолингвистике.

2) Современные представления о сетевой организации работы мозга, на которые опираются психолингвистические исследования, предвосхищены А. А. Ухтомским: «Всё принципиально объяснимо в условиях непрерывной нервой сети, в которой отдельные участки несут на себе переменные задачи в зависимости от функционального состояния» [Там же: 59].

3) Доминанта всегда связана с эмоцией, сила которой пропорциональна удерживаемости доминанты. «Эмоциональное волнение» «помогает восприятию или навыку закрепиться в душе и занять место самостоятельного деятеля в памяти» [Там же: 332]. Понятие эмоции как имманентной ассоциативным доминантам сущности вступает в противоречие с трактовкой многочисленных лингвистических терминов: эмотивность, эмотивный смысл, оценочность, экспрессивность и т.д. Это связано с

принципиальным отличием единиц психолингвистики от лингвистических объектов.

4) Ассоциативные связи, выявляемые в ходе массовых экспериментов, способны продемонстрировать широкую палитру взаимных переходов сознательного и бессознательного, традиционно противопоставляемых по признаку исследуемости видов психической деятельности.

А. А. Ухтомский также предвидел поворот научных поисков к проблемам этики, и особенную актуальность этот поиск приобрёл в последнее время, когда стало очевидно, что угроза базовым ценностям – это угроза человечеству в целом. Ответ на вопрос о том, что могут сообщить исследователям ассоциативные эксперименты, представляющие нам как бы «слепок» сознания в момент его работы, зависит от того, содержит ли он «следы» ценностно значимой информации.

Литература

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2019. 512 с.

Источники

Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. 2014–2015. // URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 12.07.2020).

M. A. Kuzmina

Associative Dominants and Ukhtomsky's Doctrine³⁴

The report is devoted to an analysis of the methodological approach of A. A. Ukhtomsky and concerns the questions of how his ideas can be used in modern psycholinguistic research. There are certain aspects of Ukhtomsky's doctrine considered to be heuristic in the light of the psycholinguistic approach: the dominant principle, network organisation of the brain, attention to emotion as a dominant organising force, and neutralisation of the notions of conscious and unconscious.

Keywords: associative dominant, methods of psycholinguistics, A. A. Ukhtomsky

³⁴ The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

УДК: 811.161.1

Е. Н. Гуц

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск, egoots@yandex.ru*

**Динамика вербально-семантического компонента
языковой личности городского подростка**

Представлены результаты трендового исследования вербальных ассоциаций, полученных в ассоциативных экспериментах с реципиентами-подростками. Анализ экспериментального материала позволил сделать вывод об изменениях в ассоциативно-вербальной сети языковой личности современного подростка.

Ключевые слова: языковая личность подростка, ассоциативный эксперимент.

В центре настоящего исследования – языковая личность современного подростка. Антропоцентрический подход к исследуемому материалу основан на модели языковой личности, разработанной Ю. Н. Карапуловым. Эмпирической базой исследования являются реакции, полученные в двух ассоциативных экспериментах, проведенных в 2002 и в 2020 годах. Основная цель данного трендового исследования – выявить и описать особенности изменений, которые произошли в знаниях, оценках, эмоциях реципиентов-подростков и представлены в исследуемых ассоциативных полях.

Эксперименты были проведены в г. Омске; объем выборки в каждом эксперименте – 500 испытуемых в возрасте 15–17 лет. Для того чтобы повысить валидность исследования, мы максимально приблизили условия проведения экспериментов к тем условиям, которые были обеспечены при проведении массовых ассоциативных экспериментов с носителями четырех славянских языков [Уфимцева 2000]. Экспериментальный материал – 112 слов-стимулов.

В данной статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа пяти ассоциативных полей, полученных в эксперименте 2002 года (САЭ-1) и в эксперименте 2020 года (САЭ-2): «Человек», «Жизнь», «Деньги», «Дом», «Хорошо». Все анализируемые поля представлены в ядре языкового сознания подростка, рассчитанного по результатам САЭ-1 [Гуц 2005: 122].

На первом этапе анализа было посчитано количество одинаковых реакций в одноименных полях: учитывались все реакции, как ядерные и периферийные, так и единичные. Были получены следующие

результаты: «Дом» – 77,2% от общего количества реакций в двух экспериментах (1000 реакций); «Деньги» – 76,3%, «Хорошо» – 60,5; «Человек» – 58%, «Жизнь» – 57,3%. Таким образом, во всех анализируемых ассоциативных полях более 50% реакций являются общими, совпадающими, константными. Учитывая, что сравниваются поля, полученные в трендовом психолингвистическом исследовании, можно констатировать наличие доминантных для языковой личности подростка реакций.

На втором этапе исследования мы определили количественный состав ядерных зон (первые десять реакций) ассоциативных полей и количество единичных реакций в каждом поле. Представим полученные результаты (первая цифра относится к САЭ-1, вторая соответственно к САЭ-2): «Дом» – ядро 330 и 246; единичные реакции 54 и 173; «Деньги» – 286 и 179; единичные реакции 65 и 125; «Хорошо» – 383 и 304; единичные реакции 53 и 116; «Человек» – ядро 340 и 175, единичные реакции 66 и 166; «Жизнь» – ядро 306 и 209; единичные реакции 87 и 122. Данные трендового экспериментального исследования подтверждают выводы, сделанные в психолингвистике, о постоянном снижении уровня стереотипности реакций в ассоциативных экспериментах [Уфимцева 2002: 161]. Снижение уровня стереотипности сопровождается увеличением количества и разнообразия единичных реакций, что можно объяснить множественностью оценок, взглядов, образов и ассоциаций, вызываемых словом-стимулом.

Литература

Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Омск, 2005.

Уфимцева Н. В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка. М.: «Наука», 2002. С. 152–171.

E. N. Guts

Dynamics of the Verbal-semantic Component of the Linguistic Personality of an Urban Teenager

The work presents the results of a trend study of verbal associations obtained in associative experiments with adolescent recipients. The analysis of the experimental material made it possible to draw a conclusion about changes in the associative-verbal network of the linguistic personality of a modern teenager.

Key words: linguistic personality of a teenager, associative experiment.

УДК 811.161.1

Л. О. Бутакова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск, *larisabut@rambler.ru*

**Возрастная специфика русской языковой личности:
региональный аспект³⁵**

Исследование посвящено реконструкции русской языковой личности (далее: РЯЛ) регионального уровня. На основе аутентичных разговоров лиц в возрасте поздней взрослости (пожилых), а также проведенных с этой группой психолингвистических экспериментов производится реконструкция объекта в части, связанной с идентификацией возраста и самопрезентации. Делается вывод о пересечении ассоциативно-семантической и дискурсивной составляющих языковой личности, «указательной» роли первого компонента в устройстве ментального лексикона и способах вербализации, «формирующей» коммуникативной роли второго компонента в ситуации направленного диалога.

Ключевые слова: пожилой человек, языковая личность, дискурсивная личность, самопрезентация, самоидентификация.

Теория языковой личности предполагает послойную реконструкцию особенностей пользования языком его носителя в определенных ситуациях речевого общения [Караулов 2002; Седов 2004].

Цель работы – показать способы комплексной реконструкции региональной языковой личности пожилого человека в части, связанной с идентификацией возраста и самопрезентации.

Материал – аутентичные разговоры пожилых людей и с пожилыми людьми, а также результаты свободного и направленного ассоциативного экспериментов с этими же группами испытуемых.

Результаты. Региональная РЯЛ пожилого человека на уровне ментального лексикона представлена лексикой общелитературного типа. Особенности смыслообразования состоят в преобладании ряда когнитивных слоев субъективной семантики, уровне личностного переживания при реагировании на стимулы, связанные с самоидентификацией по возрасту, ограниченности когнитивных операций, контрастности состава смысловых слоев (см. [Бутакова 2019]).

³⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование».

Дискурсивная составляющая сочетает общелитературные и разговорно-просторечные единицы в тематической полифонии. Преобладают темы: «здоровье, нехватка денежных средств, общие знакомые, покупки, животные, возраст». *Типичные коммуниканты:* дети, внуки, соседи, друзья, бывшие коллеги, виртуальные собеседники (личности «из телевизора»). *Ценности:* дети, внуки, правнуки, другие родственники; актуальные ценности – здоровье/его утрата (см. [Орлова 2019]).

Выводы. Ассоциативно-семантическая и дискурсивная составляющие ЯЛ работают по принципу дополнительности: первая указывает на устройство ментального лексикона и способы вербализации; вторая показывает коммуникативное проявление в ситуации направленного диалога.

Литература

Бутакова Л. О. Показатели возрастных особенностей субъективной семантики (по результатам психолингвистических экспериментов с реципиентами пожилого возраста). Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Башкирского государственного университета / отв. ред. Н. П. Пешкова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. 324 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд 2-е, стереотипн. М.: УРСС, 2002. 264 с.

Орлова Н. В. Существует ли дискурс пожилых людей? // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований. Сб. статей / [отв. ред. О. В. Золтнер]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019.1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 106–110.

Седов К. Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

L. O. Butakova

Age Specificity of the Russian Language Personality: A Regional Aspect³⁶

The research explores a variant of the model of the Russian linguistic personality at the regional level. Reconstruction of the object in terms of age identification and self-presentation is carried out on the basis of

³⁶ The article study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-00507.

authentic conversations of persons in late adulthood (elderly) and with them, psycholinguistic experiments. The conclusions concern the intersection of the associative-semantic and discursive components of the linguistic personality, the “indicative” role of the first component in the structure of the mental lexicon and the ways of verbalizing word connections in it, the “formative” communicative role of the second component in a directed dialogue situation.

Keywords: elderly person, linguistic personality, discursive personality, self-presentation, self-identification.

УДК: 811.111'26

Н. Г. Юзефович

*Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
г. Санкт-Петербург, yuzefovich_2005@mail.ru*

Субстрат русской лингвокультуры в англоязычном мире

Представлен краткий обзор вербальных средств позитивной презентации культурно-значимых феноменов русской культуры, ее лингвокультурного субстрата средствами английского языка, выступающего в функции посредника межъязыковых и межкультурных контактов.

Ключевые слова: лингвокультурный субстрат, заимствование, калькирование, оценочность.

В современной ситуации «похолодания» межгосударственных контактов тема «образ России в западном мире» привлекает внимание многих исследователей, однако при этом нередко акцент делается исключительно на пейоративной оценочности: «демонизация/дегуманизация России», «руссофобия» и пр. У читателя/слушающего, который не владеет английским языком, соответственно, формируется впечатление, что весь Запад крайне негативно относится к России, что далеко не всегда соответствует действительности.

В данной работе предпринимается попытка суммировать личные многолетние наблюдения автора над адаптацией заимствований из русского языка в английский, их функционированием как в устном дискурсе, так и письменном. Следует отметить, что эмпирический материал включает письменные тексты различных жанров, равно как и устный дискурс: беседы с туристами, бизнесменами (въездной туризм) и

непосредственно общение в поездках в США, Великобританию, Австралию, Германию и т.п.

Необходимо различать политические разногласия и/или противоречия (институциональный дискурс) и межличностное общение, в том числе «культурное обогащение». Объективным доказательством значимости русской культуры в западном мире является словарь; основным словарным источником данной статьи является Longman Dictionary of English Language and Culture, который фиксирует заимствования из русского языка и калькирования позитивной, нейтральной: *borzoi, a large long-haired hunting dog originally from Russia* [Longman 1998: 138], негативной (не является предметом обсуждения настоящей статьи) и позитивной оценочности [Longman 1998]. Особой ценностью данного словаря является культурологический комментарий.

Лингвокультурный субстрат русской культуры представлен именами 1) писателей и музыкантов, произведения которых входят в сокровищницу мировой художественной культуры: *Dostoyevsky, Fyodor, a Russian writer who is considered by many people to be one of the greatest writers ever* [Longman 1998: 389]; *Tchaikovsky, Peter, a Russian composer known especially for his symphonies and ballets* [Op cit., 1382];

- 2) известных особыми достижениями людей: *Gagarin, Yuri;*
- 3) ученых: *Pavlov, Ivan; Sakharov, Andrei.*

Отражает словарь научные *the pavlovian (conditioned) reflex* и технические достижения *Sputnik, the pavlovian.*

Особое место занимают названия произведений: *War and Peace, a novel by the Russian writer Leo Tolstoy, set during the Napoleonic wars and considered by many to be one of the greatest novels ever written* [Longman Culture 1978: 1500].

В отдельной словарной статье рассказывается о всемирно известном балете: *The Nutcracker is often performed at Christmas* [Longman 1998: 934], который в западном мире воспринимается как часть мировой культуры, неотделимой от культуры своей страны во время Рождества: театральные представления, фигурки на зданиях и пр., в Сиэтле одна из улиц традиционно оформляется в соответствии со «Щелкунчиком», и все жители с конца ноября (рождественско-новогодний период) именно так украшают свои дома.

Включает данный словарь и заимствованные номинации таких значимых феноменов, которые отражают дух, субстрат русской культуры, как *The Bolshoi, The Kremlin.*

Суммируя вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что «русский дух», субстрат культуры значим и уважаем многими в западном мире.

Литература

Dictionary of English Language and Culture. Longman 1998.
1568 pp.

N. G. Yuzevovich

Russian Linguocultural Substrate in the English-Speaking World

We offer a brief description of verbal means of positive representation of the culturally important Russian phenomena and the Russian lingocultural substrate in the English language serving as the intermediary between these languages and cultures.

Keywords: linguocultural substrate, borrowing, loanword, connotation.

УДК 81'23

O. B. Балысникова

*Институт языкоznания РАН, г. Москва,
o.balyasnikova@iling-ran.ru*

Пейоративность в ассоциативных репрезентациях (на примере лексемы «выборы»)³⁷

Представлены результаты анализа пейоративных ассоциаций нейтрального стимула **выборы**, данных респондентами, проживающими в Европейской части РФ, в Сибири и в Республике Крым.

Ключевые слова: лексическое значение, ассоциативное значение, пейоративность.

Лексикографическое толкование лексемы **выборы** («избрание на должность путем голосования» [БТС 2000: 166]), как и отсутствие соответствующих помет, а также контекст (*всеобщие, равные, прямые, косвенные, на конференцию*) [Там же] не указывают на какую-либо оценочность значения этого слова. Данные ассоциативных словарей свидетельствуют об обратном, в частности в ассоциативном поле стимула **выборы** представлено от 7,8% (в Крымском ассоциативном словаре, составленном по материалам продолжающегося исследования в регионе, далее КАС)

³⁷ Исследование поддержано грантом РФФИ №19-012-00295.

до 13,1% (в ЕВРАС) и 14,1% (в СИБАС) отрицательно-оценочных реакций. Материалы НКРЯ в силу особенностей источников (публикаций) демонстрируют промежуточный результат, а типичный контекст слова образуют глаголы *идти*, *проиграть*, *выиграть*, *состояться* и т.д. В ассоциативных словарях определения, приведенные выше, в качестве реакций не встречаются (за исключением единичной *всеобщие* [КАС]), а большую часть глагольных реакций составляют ассоциаты рефлексивного типа.

Сравнительный анализ ассоциативных данных позволяет зафиксировать пейоративный компонент в значении данной «нейтральной» стимульной лексемы **выборы**: он представлен в виде приведенных далее групп ассоциатов, качественно сходных в каждой выборке (словаре).

1. Правдоподобность, объективность: *ложь*, *обман*, *фальсификация* (ЕВРАС 33,8%, СИБАС 36,6%, КАС 54,2%).

2. Общая оценка. В данную группу входит множество собственно пейоративов: *дебилизм*, *дурь*, *лохотрон* (ЕВРАС, 15,5%), *глупость*, *дурдом*, *цирк* (СИБАС 19,7%), *зло*, *идиотизм* (КАС, 12,4%).

3. Роль денег в организации выборов: *коррупция* (во всех выборках), *подкуп*, *взятка* (ЕВРАС 9,9%), *продажные*, *все проплачено* (СИБАС, 16,9%). В КАС фиксируется малочисленный ассоциат *коррупция* (4,2%).

4. Эгоцентристические (рефлексивные) реакции: *не пойду*, *не верю*, *обойдусь* и т.п. (ЕВРАС 15,5%, СИБАС 8,5%, КАС 4,2%).

5. Особенность протекания процесса: *суета*, *нудно*, *показуха* (ЕВРАС 11,3%, СИБАС 7,1%, КАС 8,3%).

6. Содержательная ценность: *бесполезность*, *ненужная вещь*, *бессмысленные* (ЕВРАС 4,2%, СИБАС 4,2%, КАС 8,3%).

7. Криминальный характер процесса: *преступление*, *беспрепдел*, *мошенник* (ЕВРАС 4,2%, СИБАС 2,8%, КАС 4,2%). Ассоциаты данной группы немногочисленны и не совпадают в разных выборках.

8. Соответствие моральным ценностям – в данной группе представлена номинация лишь одной антиценности – *несправедливость/несправедливы* (ЕВРАС 1,4%, СИБАС 1,4%), зафиксированная только в двух выборках.

Источники

БТС: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. С.-Пб.: Норинт, 2000.

ЕВРАС: Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. В 2 т. I. От стимула к реакции. М., 2014.

КАС: Крымский ассоциативный словарь (база данных): рабочая версия.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка.
<https://processing.ruscorpora.ru>

СИБАС: Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н. В. М., 2014.

O. V. Balyasnikova

Pejorativeness in Associative Representations (on the Example of *Vybory* ‘Elections’)³⁸

The study represents the data obtained from the analysis of pejorative associations of the word *vybory* ‘elections’ given by respondents from the European part of the Russian Federation, Siberia and the Republic of Crimea.

Keywords: lexical meaning, associative meaning, pejoratives

УДК 81'23

P. A. Кафтанов

*Новосибирский военный институт имени генерала армии
И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
г. Новосибирск, rk76@ngs.ru*

Специфика вербальных ассоциаций со словом «Сибирь» у военных и гражданских носителей русского языка

Доклад посвящен ассоциативному полю СИБИРЬ, полученному в результате психолингвистического эксперимента среди курсантов военного вуза, расположенного в Сибири, в сравнении с аналогичными полями в русских региональных ассоциативных базах [СИБАС] и [ЕВРАС].

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле, Сибирь, носители русского языка, военные

В данной работе мы преследовали две цели:

1) Сравнивая данные СИБАС и ЕВРАС, выделить региональную специфику вербальных ассоциаций со словом СИБИРЬ.

³⁸The research is supported with the grant RFBR №19-012-00295.

2) Выявить профессиональную специфику реакций ассоциативного поля (далее: АП) СИБИРЬ в подкорпусе ассоциаций военных [ПВАС] в составе СИБАС.

АП СИБИРЬ имеется во всех трех рассматриваемых нами источниках.

Структуру АП удобнее всего изучать, разбив это поле на семантические зоны, где ответы испытуемых группируются с точки зрения отношения языка к реальности [Караулов 2015: 19]. Мы также выделили в АП СИБИРЬ ряд семантических зон: «Холод», «Родина», «Спорт», «Тайга, лес», «Отбывание наказания», «Далекое – близкое». Сравнительно-сопоставительный анализ семантических зон позволяет сделать следующие выводы:

В массовом этническом сознании русских, независимо от места проживания и профессиональной деятельности, Сибирь ассоциируется, прежде всего, с холдом и зимой. Например, в ЕВРАС 32 % от общего количества реакций АП (холод 87; холодно 23; снег 21), в СИБАС 37 % (холод 84; мороз 23; холодная 23), в ПВАС 39,5 % (холод 173; мороз 39; холодно 39). Цифра полужирного начертания показывает количество испытуемых, ответивших указанным словом на стимул СИБИРЬ.

Сибирь также ассоциируется с тайгой и лесом (в меньшей степени этот образ актуален для самих сибиряков), в ЕВРАС 12 % (тайга 30; лес 24), в СИБАС 9,2 % (тайга 19; лес 6; медведи 6), в ПВАС 2%.

Региональные особенности проявляются наиболее ярко в реакциях, представляющих Сибирь как родину: в СИБАС 13,2 % (родина 26; дом 11; матушка 10), в ПВАС 24,3 % (родина 63; матушка 46; дом 43). Для европейцев Сибирь – это далекий край, на что указывает 8,1 % реакций АП СИБИРЬ в ЕВРАС (далеко 28; далекая 12).

Профессиональные особенности ПВАС проявляются в том, что у курсантов Сибирь часто (7 %) ассоциируется с одноименным спортивным клубом (чемпион 19; хоккей 14; хоккейный клуб 6). Это может косвенно свидетельствовать о повышенном интересе к спорту в военной среде. Для сравнения, аналогичные реакции в ЕВРАС составляют 0,2 %, в СИБАС – 1,2 %.

У гражданских намного чаще, чем у военных, Сибирь ассоциируется с традиционным использованием этой территории как места для отбывания наказаний: в ЕВРАС 15,3 % (ссылка 45; каторга 13), в СИБАС 6,4 % (ссылка 22), в ПВАС 0,3%.

Литература

Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики, 2015. №3 (25). С. 14–35.

Источники

ЕВРАС – Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. М., 2014. URL: <http://iling-iran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 06.06.2020).

ПВАС – Подкорпус ассоциаций военных (2015–2018) / авторы-составители Р. А. Кафтанов, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 06.06.2020).

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2018) / авторы-составители И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 06.06.2020).

R. A. Kaftanov

Specifics of the Verbal Associations with the Word «SIBERIA» obtained from Military and Civilian Russian Native Speakers

The presentation is devoted to the associative field SIBERIA, obtained as a result of a psycholinguistic experiment among cadets of a military university located in Siberia, in comparison with similar fields in the Russian regional associative databases SIBAS and EVRAS.

Keywords: associative experiment, associative field, Siberia, Russian native speakers, military servicemen.

УДК 81'23; 811.161.1 + 81'27

Е. В. Бентя

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
yevgentya@gmail.com*

Сравнительно-сопоставительный анализ ассоциативного поля «жизнь» у испытуемых в России и Казахстане³⁹

Работа посвящена исследованию ассоциативного поля «жизнь» в синхронии и диахронии на материале ассоциативных баз данных, составленных на материале, собранном на территории России и Казахстана. Производится анализ изменения образа данного понятия и прослеживается проявление элементов процесса вестернизации.

³⁹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, языки» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативные базы, вестернизация

Материалом для настоящего исследования послужили базы данных, созданные на территории России: САНРЯ 1967–1979, РАС 1994–1998, ЕВРАС 2008–2013, СИБАС 2008–2013, и Казахстана: КАС 2014 и подкорпус РКАС 2017. Во всех этих базах данных присутствует стимул «жизнь», поэтому представляется возможным проанализировать смыслы, ассоциирующиеся с данной лексической единицей у реципиентов из разных временных периодов и мест проживания.

Целью исследования, представленного в данном докладе, является сопоставление результатов анализа ассоциативного поля «жизнь» на материале русских ассоциативных БД [Уфимцева 2016; 2017] с результатами, полученными на материале ассоциативной БД Казахстана. Анализ проводится посредством классификации всех реакций на семантические зоны.

В анализируемом ассоциативном поле были обнаружены смысловые проявления постулатов процесса вестернизации (подробнее о постуатах вестернизации см. [Лурье 2003: 613]):

- 1) человек имеет права;
- 2) человек включен в «человечество», существуют «общечеловеческие ценности»;
- 3) человек лично ответствен за свои поступки и за свое будущее;
- 4) человек включен в прогресс;
- 5) жизни имеет «качество», она может быть успешной и нет.

Согласно современным ассоциативным словарям, для большинства представителей молодого поколения эти постулаты являются естественными и очевидными. Однако, как показывает анализ более ранних БД, некоторые из них не столь очевидны. Переломными в этом отношении являются 1990-е годы, что связано с новой интенсивной волной влияния мировоззренческих установок западных стран на российское общество.

Объектом влияния в первую очередь стало подрастающее поколение. Идея создания новой модели человека [Кириллина 2013] транслируется через различные каналы массовой культуры, таким образом, становясь частью массового сознания, отражение которого может быть обнаружено в ассоциативных словарях.

Литература

Кириллина А. В. Глобализация и судьбы языков // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 136–143.

Лурье С. В. Историческая этногенезия: учебное пособие для вузов.
М.: Академические Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.

Уфимцева Н. В. Жизнь как ценность: эволюция содержания //
Вопросы психолингвистики. 2016. №2 (28). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-kak-tsennost-evolyutsiya-soderzhaniya> (дата обращения: 05.08.2020).

Уфимцева Н. В. Содержание ценности «Жизнь» в языковом
сознании при межкультурном сопоставлении // Вопросы
психолингвистики. 2017. №4 (34). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-tsennosti-zhizn-v-yazykovom-soznanii-pri-mezhkulturnom-sopostavlenii> (дата
обращения: 05.08.2020).

Источники

EBRAS – Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf. (дата обращения: 19.08.2020).

KAC – Дмитрюк Н. В., Молдагиева Д. А., Нарожная В. Д., Молданова Ж. И., Мезенцева Е. С., Сандыбасова Н. А., Абрамова Г. И. Қазақша ассоциациялық сөздік / Казахский ассоциативный словарь. Алматы—Москва: Медиа-ЛогоС, 2014.

PAC – Русский ассоциативный словарь / сост. Ю. Н. Карапулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994–1998. Т. 1–2. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 19.08.2020).

PKAC – Подкорпус вербальных ассоциаций носителей русского языка в Казахстане (авторы-составители Бентя Е. В., Романенко А. А.) URL:<http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 19.08.2020)

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. URL: <http://itclaim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 19.08.2020).

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2018 / авт.-сост.: И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 19.08.2020).

Yevgeniya V. Bentya

A Comparative Analysis of the Associative Field “Life” Obtained via Experiments in Russia and Kazakhstan⁴⁰

⁴⁰ The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

The work is devoted to the synchronic and diachronic study of the associative field “life”. The research deals with the associative databases, compiled from the material collected in Russia and Kazakhstan. The author analyzes the change in the content of the studied concept and tracks the elements of westernization.

Keywords: language consciousness, associative field, associative database, westernization.

УДК: 811.161.1

С. В. Евдокимова

*Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
evd.sofya@gmail.com*

Синонимы лексемы *друг*, актуальные для студентов Сибирии Дальнего Востока⁴¹

Исследование посвящено экспериментальному выявлению в ассоциативно-вербальной сети актуальных синонимов лексемы *друг* в студенческой среде Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: синонимия, ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативный эксперимент.

Несомненно, понятие *друг* универсально, однако в разные жизненные периоды его роль и выражение отличается. Студенчество – активная пора для дружбы и появления новых друзей, поэтому мы рассматриваем, какие близкие по значению слова употребляют студенты сибирских вузов, называя друзей. Отправной точкой исследования является словарная статья *Друг* в БТС [2014], а для поиска наиболее близких по значению слов мы использовали Словарь синонимов [Абрамов 2002]. Актуальные синонимы лексемы *друг*, которыми пользуются студенты в начале XXI века, были выявлены с помощью материалов СИБАС [<http://adictru.nsu.ru/>].

В докладе анализируется один из лексико-семантических вариантов(далее – ЛСВ) многозначной лексемы *друг* – «человек, связанный с кем-л. дружбой». Среди близких по значению слов в Словаре синонимов отмечаются следующие: *дружисце, подруга, доброжелатель, приятель, благоприятель, наперсник, побратим,*

⁴¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

побрatanец, товарищ. Лексемы *благоприятель, побрatanецне* встречаются в БТС, поэтому считаем логичным отсутствие этих слов в СИБАС. Слова *доброжелатель и наперсник*, отмеченные в БТС, не находим в качестве реакций на стимул *друг* в СИБАС. Данный факт тоже последователен, так как из толкований этих лексем очевидно: пары *доброжелатель – друг, наперсник – друг* могут функционировать как синонимы в небольшом количестве контекстов. Лексема *дружице*, по данным БТС, употребляется в роли обращения. Это подтверждается данными НКРЯ: в 3 текстах из 198 рассмотренных (мы исследовали публикации 2000–2020 гг.) слов *дружице* употребляется в функции приложения.

Лексема *побратьим* сейчас практически не используется, в НКРЯ находим 19 вхождений за изучаемый период. Несмотря на наличие в БТС у данного слова ЛСВ «самый близкий, лучший друг», на основании отрывков НКРЯ мы не можем делать выводы о том, какой именно ЛСВ там употребляется. Кроме того, во всех текстах ясно, что это слово используют в речи люди старшего поколения.

Итак, мы можем отметить три синонима лексемы *друг*, которые находим в Словаре синонимов, БТС, СИБАС (1-й этап эксперимента): *товарищ, подруга, приятель*. Феминитив *подруга* решено было не выносить как исследуемую единицу, чтобы исключить путаницы с её вторым ЛСВ – «близкая, любимая женщина».

Наиболее актуальную информацию о том, как понятие *друг* отражается в сознании современного студента, мы извлекаем из материалов 2-го этапа ассоциативного эксперимента в рамках СИБАС, поскольку именно такой эксперимент позволяет отображать реальное языковое сознание в усредненном состоянии. Анализируя полученные данные, мы приходим к следующим выводам.

Лексемы *приятель, товарищ* стоит вычеркнуть из близких синонимов слова *друг*, так скорее назовут знакомого, а не друга.

Наиболее близким синонимом, по данным 2-го этапа эксперимента, считаем лексему *кореш*.

Полный список синонимов лексемы *друг*, используемых студентами Сибири, полученный при изучении данных СИБАС, выглядит следующим образом: *дружбан, друган, брат, братан, братец, братишка, кореш, чувак, кент*.

Источники

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений, 2002. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 28.07.2020).

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 28.07.2020).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка 2020 Национальный корпус русского языка (2003 – 2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 28.07.2020).

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2020) (авторы-составители И. В. Шапошникова, А. А. Романенко) URL:<http://adictru.nsu.ru/> (дата обращения: 28.07.2020).

S. V. Evdokimova

Current Synonyms for Drug “*Friend*” among Siberian and Far Eastern Students⁴²

The research deals with the identification of current synonyms of the word **Drug** “*friend*” on the experimental materials obtained from Russian students in the Asian regions of Russia.

Keywords: synonymy, associative-verbal network, associative experiment.

УДК 81'23

C. B. Savitskaya

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск,
sardana_3@rambler.ru

Психически актуальное значение слова (на примере якутской лексемы *кини*)⁴³

В докладе представлен анализ актуального, «живого» значения якутского слова *кини* ‘человек’ на материале свободного ассоциативного эксперимента.

⁴²This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

⁴³ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Ключевые слова: психически актуальное значение, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле.

Свободный ассоциативный эксперимент, в котором испытуемые должны отреагировать на предъявленное слово-стимул первым пришедшим на ум словом или словосочетанием, позволяет собрать в единое поле *психически актуальные смыслы*, стоящие за этим словом в данной языковой общности. В нашем случае испытуемыми выступили молодые носители якутского языка (250 чел.) – студенты Политехнического института в г. Мирный Республики Саха (Якутия). На основе материалов этого локального эксперимента был сформирован Подкорпус вербальных ассоциаций носителей якутского языка (сокр. якутский подкорпус) Русской региональной ассоциативной базы данных [СИБАС].

В настоящем докладе на материале ассоциативного поля якутского подкорпса анализируется психически актуальное (ассоциативное) значение слова *кихи* ‘человек’.

При внимательном изучении состава ассоциативного поля становится очевидным, что на основании семантической близости ассоциатов весь массив реакций может быть условно поделен на смысловые зоны. Так, в ассоциативном поле *кихи* нами выделены смысловые зоны, которые, на наш взгляд, являются релевантными в определении психически актуального значения анализируемой лексемы:

- зона “социальная группа” (включает реакции *дьон* ‘люди’, *дьоннор* ‘люди’, *элбэх* ‘много’, эд. ‘много людей’ и др.);
- зона “живое существо”(включает реакции *кыыл* ‘зверь’, *тыыннаах* ‘живой’, *тыынаар тыыннаах* ‘живое существо’ и др.);
- зона “социальные роли” (включает реакции *дојор* ‘друг’, *ођо* ‘ребенок’, *аймах* ‘родственник’, *иїэ* ‘мать’, *кыыс* ‘девочка’, девушка, дочь’, *уол* ‘мальчик, парень, сын’ и др.);
- зона “качества” (включает реакции *өйдөөх* ‘умный’, *абааыы* ‘скверный’, *учүгэй* ‘хороший’ и др.).

Психически актуальное значение слова *кихи* ‘человек’ в сознании носителя якутского языка молодого возраста может быть сформулировано следующим образом: человек – часть социума, он не одиночка, он всегда соотносится с группой людей, при этом он в такой же мере является частью живой природы – зверем, живым существом. Якутский человек предстает во всем многообразии социальных (семейно-бытовых) ролей, в которых он может воплотиться, и является носителем разнообразных, преимущественно положительных, качеств.

Анализ ассоциативного поля позволяет получить «комплексный образ, сотканный из актуальных смыслов, стоящих сегодня за телом языкового знака (словом), образ, включающий все виды актуальных для рядового носителя языка знаний (предметно-операциональных, эмоционально-оценочных, чувственных, когнитивных), в том числе и лингвистических» [Шапошникова 2014: 35-36].

Литература

Шапошникова И. В. К вопросу об инструментарии для сближения лингвистического образования с практикой жизни (на материале СИБАС – Русской региональной ассоциативной базы данных) // Вопросы психолингвистики. 2014. № 20. С. 28–41.

Источники

Подкорпус вербальных ассоциаций носителей якутского языка Русской региональной ассоциативной базы данных СИБАС URL: <http://adictru.nsu.ru/dict> (дата обращения: 25.07.2020).

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2020 / авт.-сост.: И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 25.07.2020).

S. V. Savitskaya

Current psycholinguistic meaning of the word (a case of the Yakut word *kuhi*)⁴⁴

The paper reports on the study of current, ‘live’ meaning of the Yakut word *kuhi* ‘a human being’ based on word association test.

Keywords: current psycholinguistic meaning, free association test, associative field.

⁴⁴The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language» supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

УДК 81'39

Т. Ю. Игнатович¹, Е. В. Нестерова²

¹Забайкальский государственный университет, г. Чита,
ignatovich_chita@mail.ru

²Забайкальская краевая универсальная научная библиотека
им. А. С. Пушкина

Языковые средства объективации регионального пространства образа-концепта ЗАБАЙКАЛЬЕ

Рассматриваются особенности лексико-семантического поля, репрезентирующего региональное пространство – компонент образа-концепта ЗАБАЙКАЛЬЕ. В ЛСП выделены ядерные лексемы – ключевые региональные топонимы и периферийные – апеллятивы, находящиеся между собой в гиперо-гипонимических парадигматических отношениях.

Ключевые слова: образ-концепт, Забайкалье, региональное пространство, лексико-семантическое поле.

Региональная русская языковая картина мира в Забайкалье является фрагментом русской национальной языковой картины мира. Её формирование обусловлено историческим, антропологическим факторами.

Доминантный в региональной языковой картине мира образ-концепт ЗАБАЙКАЛЬЕ объективирован с помощью языковых средств: лексико-семантических полей, репрезентирующих региональное пространство, время, жителей региона; представлена также языковая вербализации региональных образов-концептов.

Лексемы полей комплексно раскрывают понятийное содержание пространственного параметра региональной картины мира и образа-концепта ЗАБАЙКАЛЬЕ.

Понятие регионального пространства можно описать через характеристизующие его с разных сторон и выделяющиеся посредством логического метода составляющие фрагменты:

1. Природно-географическое пространство Забайкалья.

В ядро лексико-семантической группы, номинирующей объекты природно-географического пространства, входят собственные имена, поскольку они являются индивидуальными названиями и маркируют забайкальский регион среди других регионов России.

Топонимы относятся к разным типам. К наиболее известным оронимам Забайкалья относятся: Алханай, хребет Черского,

Титовская сопка. Среди гидронимов выделяются названия рек: Шилка, Ингода, Чита (местное название Читинка), Нерча Хилок; названия озёр: Арахлей, Тасей, Арей, Барун-Торей.

Топонимию Забайкалья невозможно представить без исторического топонима Даурия, обозначающего территорию юго-восточного Забайкалья до Яблонового хребта, которую в прошлом населяли народы дауры, переселённые маньчжурами в XVII в. на правобережье Амура, вглубь Маньчжурии. Этнотопоним Даурия «возник в месте обитания монголо-язычного этноса дауры (дагуры, дахуры) в устьях рек Шилки и Аргуни на территории Восточного Забайкалья. В маньчжурском языке «дахур» – «название дагуров и территории их обитания» [Аникин 2000: 178–179].

Среди нарицательных наименований, характеризующих природно-географическое пространство Забайкалья, распространены апеллятивы-гиперонимы: сопки, хребты, степь, тайга, кедрачи.

2. В понятийном содержании концепта *ЗАБАЙКАЛЬЕ* есть сведения о нём как об административно-территориальной единице.

В ядро лексико-семантической группы этого параметра пространства входят имена собственные: Забайкальский край; наименования районов, например: Читинский, Нерчинский, Балейский и другие, ойконимы, включая наименования городов: краевой административный центр – город Чита, районные центры – города Нерчинск, Шилка, Балей, Петровск-Забайкальский, посёлки Дульдурга, Акурай, Дурой, сёла Угдан, Жипковщина, Кондуй, названия железнодорожных станций: Хохотуй, Бада, Хушенга, названия сельских поселений, например: Укурик, Сарантуй, Шиля, Мухор-Шибирка и др.

Названия магистралей, путей, дорог, например Чайный путь, Московский и Сибирские тракты, Транссибирская магистраль, Забайкальская железная дорога, свидетельствуют об историческом изменении пространственного сегмента языковой картины мира региона.

На периферии этой лексико-семантической группы находятся апеллятивы-гиперонимы: край, район, город, городской округ, сельское поселение, посёлок, село, деревня.

3. Ценностные характеристики регионального пространства, вербализации которых были выявлены в ходе опроса жителей Забайкальского края.

Ответы на вопрос: «Что для вас Забайкалье, если рассматривать его как место, где что-либо находится или происходит?» показали ассоциативный ряд (142 реакции).

Данные опроса забайкальцев характеризуют пространство образа-концепта ЗАБАЙКАЛЬЕ как малую родину: «Забайкалье – это моя малая родина» (26%), «Забайкалье – это мое место силы» (12%), имеющую не только интересную историю: «Забайкалье – это место, где отбывали ссылку декабристы» (10,8 %) или «Забайкалье – это место, где располагалась столица ДВР» (5%), культуру: «Забайкалье – это место, где проходит кинофестиваль с багуловой дорожкой» (7 %), природные особенности, но и ряд проблем, затрудняющих проживание в регионе: «Забайкалье – это место, где горит тайга» (9,8 %) или «Забайкалье – это место, где много клещей» (6,4%) и др.

Таким образом, лексико-семантическое поле, препрезентирующее пространство образа-концепта ЗАБАЙКАЛЬЕ обладает сложной структурой, в которой есть ядерные лексемы – региональные топонимы и периферийные лексемы – appellативы, находящиеся между собой в гиперо-гипонимических парадигматических отношениях.

Литература

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заемствование из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 352 с.

T. Yu. Ignatovich, E. V. Nesterova

Linguistic Representation of the Regional Space Set by the Concept Image of Transbaikalia

This report examines the features of the lexical-semantic field representing the regional space considered as a component of the Transbaikalia image-concept. The LSP identifies the nuclear tokens – key regional toponyms and the peripheral ones – appellants, which are generic names of geographical objects. Between lexemes of the center and the periphery, hyper-hyponymic paradigmatic relations are observed.

Keywords: image-concept, Transbaikalia, regional space, lexico-semantic field.

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ
В ВЕРБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ
НАРОДОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Тезисы Всероссийской научной конференции
Новосибирск, 14-17 октября 2020 года

Компьютерная верстка
ООО «Академиздат»

Подписано к печати 8.10.2020 г. Формат 60x84 ^{1/16}

Бумага офсетн. № 1. Гарнитура Таймс.

Печ. л. 8,25. Тираж 300 экз.

Заказ № 195

Отпечатано ООО «Академиздат».

630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 6/1

Тел. (383) 380-65-20

www.academizdat.com